

Красавица Леночка: Прощание с Сучкой

Дорогие читатели! Настоящая работа завершает серию «Красавица Леночка», рассказывающую на приближенных к жизни примерах о внутреннем мире психопатов и прочих деструктивных личностей, а также ряде других актуальных проблем современного общества и взаимоотношений между людьми в нём.

Серия включает следующие сочинения:

Красавица Леночка и другие психопаты;

Психопаты не унимаются;

Обаяние Зла;

Психолухи: Индустрия обмана;

Психические игры психопатов и нарциссов;

Психосекты: ловцы раненых душ (*);

Психические войны, или Кто в халате, тот и психиатр;

Хрен вам (*).

(Звёздочкой помечены произведения, практически не включённые в основную сюжетную линию, которые по этой причине могут читаться независимо от остальных выпусков).

Заключительные главы настоящего сочинения написаны таким образом, чтобы обеспечить плавный переход к следующему проекту автора, посвящённому медицинской проблематике.

Все вы на это ведётесь!

Каждый день многие простые жители столичного города – обычные служащие, «офисный планктон» – вкалывали в своих конторах, чтобы дать своим детям всё самое лучшее, насколько позволял бюджет. Эти люди желали наследникам большего успеха в жизни, нежели удалось добиться им самим. И будучи характерными представителями своей эпохи, понимали это в чисто прагматическом смысле: жить в доме, который они сами себе хотели, но не могли позволить, ездить на автомобиле их мечты и т.д. Считая себя людьми разумными, они понимали, что успех достаётся не просто так, и над этим нужно работать. Однако, будучи людьми своего времени, когда пресловутый успех доставался если не принуждением, то обманом, оказывались при этом добычей тех, кто наловчился строить своё материальное благополучие, эксплуатируя это их стремление.

Жаждая с молодых ногтей дать своим отпрыскам конкурентное преимущество в извечной борьбе за место под солнцем, они отдавали их в «школы раннего развития» и усаживали слушать произведения Моцарта. Ведь эти заботливые родители не могли проигнорировать прочитанную ими в глянцевого журналах и на разных сайтах популярную психологическую новость о новейшем открытии британских учёных, согласно которому это очень важно, т.к. значительно повышает IQ. Вот только невдомёк им было, что к тому времени китайские исследователи, прибывшие в Сан-Франциско на плотках, чтобы в качестве дешёвой рабочей силы в американских университетах подтирать за своими коллегами из Туманного Альбиона, опубликовали десятки более обстоятельных, выполненных с характерным для Поднебесной трудолюбием работ, где эти результаты не подтвердились. Однако упомянутые отрицательные результаты, разумеется, уже не получили широкого освещения в массовых новостях. Ведь популярные психологические новости непременно должны быть позитивными, не так ли?

А тем временем, пребывая в блаженном неведении, родители продолжали заботиться о своих детях согласно канонам культуры потребления. Будучи людьми разумными, они понимали: пожалуй, важнее всего в жизни – быть здоровым. Ведь тогда остальное более – менее зависит от тебя. Если же ты тяжело болен, то и несметные богатства могут потерять смысл.

Помня об этом, многие обыватели старались обеспечить себя и своих детей особо чистой, как им казалось, водой для питья, которую они покупали в пластиковых бутылках. Но вот незадача: людям, которые «в теме», даже без исследований китайских учёных было ясно: драгоценная влага, стоимость которой была выше, чем у бензина, в действительности обычно оказывалась ничуть не полезнее струившейся из-под крана. Зачем же тогда разливали и продавали такую воду? А очень просто: когда у многих есть страх, беспокойство по какому-либо поводу, со временем непременно найдутся те, кто построит на этом успешный бизнес. Когда обыватель заворожённо смотрит по зомбоящику, как струятся кристально чистые воды горного ручейка, из которого якобы разливают воду в покупаемые им бутылки, лапша сползает у него по ушам, а его средства перетекают в карманы ушлых дельцов.

С ситуацией вокруг водоснабжения связан также ещё один примечательный парадокс. Некоторые из тех, кто брезговал пить воду из-под крана, стремились (если могли себе это позволить!) приобрести себе уютный коттедж на берегу какого-нибудь водохранилища – как-никак, там изумительно чистый воздух, по крайней мере, на фоне города с то и дело висящим ядовитым смогом. И их при этом никоим образом не напрягало, что жителям огромного населённого пункта, из которого они так стремились сбежать на природу, придётся пить воду с дерьмом – ведь это уже будет чужой проблемой!

Если же говорить собственно о чистом воздухе как условии для здоровья, никто, к счастью не додумался им торговать в крупных масштабах – это было бы попросту непрактично. Не считая, разумеется, тех средств, которые покупатели недвижимости выкладывали за возможность жить в более «экологичном» районе. Тем не менее, в ситуации с воздухом нередко приходилось наблюдать удивительный феномен человеческого сознания, подобный ситуации с водой. С одной стороны, многие были готовы с пеной у рта требовать от властей обеспечить им чистый воздух, а также переплачивать за жильё, максимально удовлетворявшее их запросам. С другой – значительная часть среди них не видели ничего крамольного в том, чтобы, устраивая себе шашлык «на природе», развести костёр в ближайшем лесопарке, едкий дым от которого стелился на километры. Естественно, организаторы пикника при этом не задавались вопросом: а чем бы они дышали, если бы многие так делали? Нет!.. Это *им* можно, а другим не фиг!

И чтобы такой здоровый лоб – поборник чистой окружающей среды, поднял свою жопу и дошёл ногами до ближайшего магазина за нехитрыми покупками, включая пиво и сигареты... Да ни за что! Ему, видите ли, статус не позволяет! Непременно нужно плюхнуться в свой автомобиль! Конечно, зимой даже пару минут идти по холоду может быть не очень комфортно, а потому он непременно вместо этого будет ещё дольше сидеть и прогревать свою машину с инжекторным двигателем, т.к. пройтись пешочком ему потреб**кая религия не позволяет!

Таковы были некоторые «экологические» загадки массового сознания в эпоху нарциссизма. Некоторые, впрочем, могли возразить, что даже если не только они сами, но и их соседи и т.д., примутся готовить шашлыки в лесопарковой зоне, то загрязнение воздуха будет ничтожным в сравнении с деятельностью промышленных предприятий. Но ради чего работают многие заводы, отравляющие атмосферу различными токсичными веществами? Да-да, когда эти люди выбрасывают на свалку вполне ещё пригодные к употреблению, но вышедшие уже из моды одежду и мебель, то и ради этого тоже! Причём, как минимум, два раза: сначала чтобы произвести, а затем утилизировать. А сколько деревьев рубят ради печатания рекламного мусора, который потом накидают этим людям в почтовые ящики, дабы они купили товары, не удовлетворяющие никаких насущных, объективных потребностей, а только тщеславие?!

Но отмеченные негативные моменты особо не смущали жителей постсоветской России, поклонявшихся культуре потребления.

– Кто и зачем будет изготавливать столько ненужных на самом деле товаров?

– Китайская промышленность, разумеется!

– Чем же тогда расплачиваться с узкоглазыми?

– А нефтяные вышки для чего?

И кого при таком раскладе могло беспокоить необратимое исчерпание не возобновляемых ресурсов? У потомков спустя несколько поколений уже не будет нефти? А, плевать! Вон, сколько кругом развелось психолухов, которые говорят: «Не нужно строить планы и думать о будущем – ведь его может и не быть! Надо жить сегодняшним днём». А потому, как говорится, *carpe diem!*

Однако окружающая среда – отнюдь не только леса и реки. Это и другие люди, а также прочие живые организмы. Соответственно, двуногие существа могут гадить не только в неживую природу, но и в человеческую душу.

И к этой части окружающей среды «прагматичные» родители формировали у своих детей, особенно мужского пола, агрессивное – потребительское отношение. Они с ранних лет наставляли своих отпрысков: жизнь – это беспощадная борьба за существование, и если ты хочешь занять место под солнцем, нужно быть готовым вцепиться в глотку потенциального противника, прежде чем он перегрызёт твою. Руководствуясь подобным настроем, «заботливые» родители отдавали своих детей в секции рукопашного боя/единоборств и т.д. Казалось бы, предлог для этого был вполне благовидным: «мальчик должен уметь постоять за себя». Как говорится, *Si vis pacem, para bellum?*

Однако в действительности за таким подходом обычно стоят две очень серьёзные оборотные стороны. Во-первых, если не устранены подлинные причины, толкающие молодых людей на конфликты, такое совершенствование навыков «самообороны» лишь повышало ставки в возможных столкновениях, которые имели теперь больший шанс закончиться фатальным исходом или серьёзными увечьями для минимум одной из противоборствующих сторон.

Во-вторых, где гарантии, что юноша, потративший значительное время на освоение того, как защитить себя, удовлетворится лишь этим результатом, негативным по своей сути, позволяющим не приобретать, а лишь избежать потери? Скорее, вполне вероятно, у него возникнет непреодолимое желание продемонстрировать некоторым другим, которых он сочтёт наиболее уязвимыми, своё доминирование над ними в агрессивной, унижительной форме. Особенно тяжело при этом придётся тем, кто в силу слабого здоровья в принципе не сможет себя защитить.

Кроме того, под влиянием соответствующего родительского воспитания у настроенного на «победу», доминирование юноши может сформироваться убеждение, что успех – это всегда эксплуатация человека другим двуногим. Соответственно, он примется, угрожая насилием, принуждать тех, кто не способен дать ему отпор, с одной стороны, «дарить» ему свои заинтересовавшие его вещи, а с другой – выполнять за него работу типа домашних заданий.

К сожалению, в последние десятилетия набрала популярность идеологическая тенденция обосновывать такую ситуацию якобы биологической целесообразностью. Мол, так устроен мир: выживают

сильнейшие, оставляя после себя более «качественное» потомство, и не следует пытаться слезливо-сопливым морализаторством препятствовать природе в развёртывании её логики естественного отбора.

Названная общественная тенденция, однако, не только бесчеловечна по своей сути, но также социально деструктивна и даже опасна. Во-первых, самые «сильные» двуногие особи, даже если понимать их могущество в специфическом для человеческого общества общественно-экономическом смысле как наделённость наибольшей властью и материальными ресурсами, вовсе не являются самыми «качественными», лучшими людьми в смысле совокупной пользы, которую они способны принести другим. Во-вторых, если у шимпанзе кровопролитный статусный конфликт двух особей может закончиться гибелью одной из них, максимум обоих, то у человека, возможности верхних конечностей которого в качестве инструментов поражения противника могут быть значительно расширены современным оружием, масштабы трагедии могут оказаться значительно больше и даже включать всё человечество.

Конечно, относительно последней возможности можно возразить: дескать, слабые, как правило, трусливы, а потому тем, кто держит их в повиновении опасаться нечего. Однако в действительности события могут развиваться иначе. Если «беззащитный» индивид доходит до последней черты отчаяния, его страх смерти притупляется, так как альтернативой гибели в конфликте ему видится лишь жалкое существование, представляющее собой сплошную цепь унижений со стороны обидчиков вкупе с презрением безразличного к его страданиям большинства.

Джонни хотел рассказать как можно более широкому кругу людей, сколь трагическими могут быть последствия, когда люди с юных лет издеваются над теми, кто, как им представляется, не способен себя защитить. Статья была написана по горячим следам трагических событий в Ньютауне, шт. Коннектикут, где юноша по имени Адам Лэнза пришёл в младшую школу, в которой когда-то учился, и расстрелял двадцать учеников младших классов, а также нескольких взрослых, убив перед этим у себя дома собственную мать (подробнее см. «Психические войны. Кто в халате, тот и психиатр»). Джонни хотел предупредить читателей о недопустимости примитивных интерпретаций случившегося, если общество не хочет, чтобы такие истории повторялись снова и снова. Так, жёлтая пресса на все лады твердила о психиатрических диагнозах Адама. Мол, у него был мало того что синдром Аспергера, так ещё и невроз навязчивых состояний (обсессивно-компульсивное расстройство), хотя на самом деле ни одна из этих патологий сама по себе не ведёт к значительно повышенной криминальности. Другие винили во всём агрессивные компьютерные игры, в которые практически безвылазно играл Адам многие месяцы подряд накануне трагедии.

Да, возможно, не будь у молодого человека этих расстройств, такой развязки бы не случилось. Но почему это произошло? Кто из хорошо оплаченных аналитиков, сетовавших на недолеченность Адама, видеоигры, а также слишком свободную продажу оружия и недостаточную охрану учебных заведений (последние 2 пункта, впрочем, более характерны для позиции обозревателей правого толка), вспомнил о том, как могут обращаться в школе с мальчиком, который физически слабее, и особенно психически иным? Нет, пока юноша ствол в руки не возьмёт, кто будет считаться с человеческим достоинством «замкнутого задрата» (как Адама характеризовал его родной старший брат), с которым принято обращаться, как с генетическим мусором?!

Вкратце изложив эту историю, Джонни рассказал, как пиндосам сложно сделать разумные выводы из подобных трагедий, происходящих у них поэтому в разных штатах практически ежегодно. Ему хотелось, чтобы его соотечественники не повторяли этой ошибки. Пытаясь донести свои идеи до возможно более широкой аудитории, Джонни постарался разместить свою статью на максимальном числе ресурсов. Поскольку в его материале речь шла, в частности, о подростках, он получил вроде как законное обоснование размещения своего материала на сайтах, в том числе некоторых с высокой посещаемостью, касающихся воспитания детей.

Как ни странно, редакторы некоторых сайтов даже пропустили его публикацию, сопроводив статью Джонни вступлениями «статья психолога» или что-то в этом роде. Что ж, буду психолухом, – усмехнулся про себя Джонни. Казалось, у него теперь был шанс донести свои идеи до родителей, которые так пеклись о безопасности своих детей, что нередко безропотно оплачивали неоправданно высокие поборы на охрану школ и т.д.

Но не тут-то было. Большинство читателей встретили статью безо всякого энтузиазма, и лишь некоторые из них вяло писали в комментариях, мол, вот когда у нас разрешат продажу оружия кому попало, и подростки начнут стрелять на улицах, тогда нужно будет беспокоиться, а сейчас зачем раньше времени «париться»?

Провал очередной статьи в который раз навёл Джонни на безрадостные мысли о том, как обыватели в обществе потребления воспринимают сыплющуюся на них из разных источников информацию. Не имея возможности оценивать её содержание по существу, они вынуждены ориентироваться в своих суждениях о достоверности в первую очередь на сам источник информации. Если заинтересовавший их материал исходит от какого-нибудь вроде как заслуженного деятеля, психолуха известного, то это круто, и таким можно поделиться со своими родственниками, друзьями и знакомыми. А когда статью написал какой-то безвестный псих, которого неизвестно откуда выпустили, то какая может быть на это реакция?

Такая ситуация также представлялась Джонни важной частью большого зловещего механизма поддержания социальной несправедливости. Например, если говорить о мужчинах, то среди них обычные люди, как правило, больше всего прислушивались к тем, кто обладал наибольшей властью и ресурсами. А

поскольку речи этих успешных господ, как правило, способствовали продвижению их же собственных корыстных или как минимум общих классовых интересов, подобная идеологическая ситуация фактически способствовала поддержанию социального неравенства и поляризации в обществе.

Но у мужчин такое положение, по крайней мере, можно было связать с их личными заслугами, хотя «достижения» человеческих самцов, поднявшихся высоко в социуме, обычно были по большей части обусловлены их способностью принуждать и обманывать других. У женщин же вообще наиболее авторитетными нередко оказывались наиболее внешне привлекательные, т.е. вызывающие сильное вожделение у людей противоположного пола.

Джонни считал такую ситуацию в обществе совершенно несправедливой. Но как же её тогда изменить? Он помнил также о важности личного примера: грош цена всем его идеям, если он проповедует их, не будучи способным претворить даже в собственной жизни. С мужчинами у него в этом плане, правда, не было проблем: тех, кто добился «успеха» в житейском смысле слова, Джонни обычно считал негодьями, мошенниками, ворьём и т.д., а потому уж точно не хотел им подражать, брать с них пример и т.д., напротив, считая их своими заклятыми классовыми врагами.

Куда более неоднозначно дело у него обстояло с женщинами. С одной стороны, Джонни неопишимо бесили смазливые сучки, которые, «строая глазки» мужикам, наделённым властью и материальными ресурсами, получали фактически на халяву блага и привилегии, достававшиеся многим другим женщинам трудами тяжкими. И сколько бы психолухи и прочие продажные мозгойобы ни твердили о якобы естественности такой ситуации, он не мог с ней примириться. Для Джонни одним из главных приоритетов была справедливость, без которой он считал практически невозможными подлинный мир и согласие между людьми. И если кто-то находил её противной природе, ему хотелось во имя неё горы свернуть, подобно тому, как в Советское время меняли течение рек.

С другой стороны... В интернете неоднократно можно было наблюдать, как очень скромный, можно сказать, забитый парнишка, из разряда «компьютерный задрот», ни с того ни с сего начинал с яростной агрессией «наезжать» на какую-нибудь очень привлекательную девицу, вроде как не сделавшую ему пока ровным счётом ничего плохого. Разумеется, можно было предположить, что встретить он её в реальной жизни, она бы не только ни при каких обстоятельствах ему «не дала» (достоверный символ их принадлежности к разным «лигам»), но и общалась бы с ним, вероятно, в презрительно-снисходительной манере.

Видя такую агрессию, Джонни невольно испытывал даже некую неловкость за парня, так как считал несправедливым и вообще недопустимым атаковать человека, основываясь исключительно на внешних данных, даже если твоя личная статистика указывала на очень высокую вероятность неприязненного отношения к тебе со стороны такого типажа.

У самого же Джонни была практически диаметрально противоположная сложность: он нередко замечал за собой, как когда ему улыбалась очень привлекательная девушка, он невольно таял и старался пойти ей навстречу, о чём бы она его ни попросила.

Беспокойные мысли на эту тему стали сильно одолевать его с того самого дня осенью прошлого года, когда Леночка показала ему альбом со своими детскими фотографиями, где она была изображена очень упитанной, если не сказать, толстушкой. Заинтересовался ли бы он сейчас так же активно её необычным внутренним миром, будь она откровенно жирной? Положа руку на сердце, Джонни было трудно ответить себе на этот вопрос.

А тем временем, жизненные обстоятельства подкинули ему дополнительный материал для размышлений на эту тему. У Джонни была одна знакомая, можно сказать, постоянный клиент, по имени Светлана. В своё время они познакомилась через Елену, с которой он продолжительное время общался. К Светлане, которая настраивала его знакомую против него, Джонни вначале заочно относился очень негативно. Речь, впрочем, не шла о личной её неприязни к нему. Просто у Светланы были высокие материальные запросы к мужчинам, с которыми она встречалась, и она пыталась привить их своей подруге, рассматривавшей в своё время Джонни как вариант в плане построения романтических отношений.

Даже длительное время спустя после прекращения контактов с Еленой, Джонни иногда неприязненно вспоминал Светлану, а потому был очень удивлён, когда она однажды ему позвонила и сообщила о своём намерении прибегнуть к его профессиональной помощи. Он сначала даже не мог понять, с кем он говорит. Как нередко с ним случалось, Джонни вначале не решился признаться в этом обладательнице такого приятного голоса (для её комплекции – цинично подумал он, когда ему, наконец, удалось правильно идентифицировать абонента), а потому вынужден был соврать «да» в ответ на вопрос «ты меня узнал?».

Поняв, наконец, кто его собеседница, Джонни вначале был немало удивлён. Почему женщина, всего пару лет назад говорившая Елене про него: «такие никогда ничего в жизни не добиваются», теперь говорила ему: «мне тебя рекомендовали как хорошего специалиста»? Не знала, к кому по этому поводу обратиться? Так вон, заборы пестрят объявлениями «ремонт компьютеров», звонила бы туда! Значит, даже по её мнению, он в чём-то всё-таки лучше других? Однако такие горделивые предположения Джонни о признании Светланой его мастерства неожиданно сникли от другой, неприятной альтернативной мысли: Он для неё ничуть не лучше других как специалист. Просто даже на фоне компьютерных «мальчиков по вызову», чьи объявления висят повсюду, он, Джонни – дешёвка, которой много платить не надо, а потому Светлана и решила прибегнуть к его услугам, элементарно чтобы сэкономить бабки. Вероятно, Светлана в этом плане

воспринимала его подобно тому, как она и прочий офисный планктон относятся к гастарбайтерам: их презируют как людей низшего сорта, за ними считают необходимым следить, как бы чего не спёрли, но при этом по-прежнему прибегают к их услугам, так как им не нужно много платить. А «хорошим специалистом» она назвала его, вероятно, лишь в чисто манипулятивных целях, дабы он больше старался соответствовать этой лестной характеристике и меньше косячил.

От таких мыслей у Джонни возникло сильное желание послать Светлану куда подальше: он слишком себя уважает, чтобы оказывать даже чисто профессиональные услуги людям, которые его не ценят. Однако тут же его охватило отчаяние. И дело было даже не столько в том, что бедственное финансовое положение (на том начальном этапе его деятельности на компьютерном рынке ему надо было не только заработать себе на еду, но и скопить немного свободных средств) не позволяло ему разбрасываться клиентами. По сути, его настрой против Светланы основывался на том, как, со слов Елены, она относилась к нему. Но, вероятно, другие клиенты, видя его домашнюю обстановку и прочие атрибуты социально-экономического статуса, формировали для себя ничуть не лучшее представление о нём – просто Джонни не знал об этом. А потому, наверное, следовало быть честным с самим собой и признать: кругом царил грёбаный рынок, и такова его ценность на нём как «специалиста» и человека.

Когда Джонни приехал к Светлане обслуживать технику, её манера общения с ним немало удивила его. Она разговаривала с ним ничуть не надменно или презрительно, а, напротив, приветливым тоном, словно с хорошим старым знакомым. Казалось, Джонни следовало только порадоваться такой приятной перемене. Но нет! Он умудрился и в ней найти значительный негатив. Джонни невольно мрачно задумался о масштабах лживой неискренности, к которой порой прибегают простые, добропорядочные с виду обыватели, пытаясь добиться своих утилитарных целей в общении с другими.

Безусловно, Светлана никоим образом не была обязана проникаться глубоким уважением к людям, которые, скажем, клеили обои, белили потолок, меняли унитаз, или, если уж на то пошло, обслуживали компьютерную технику в её квартире. Но зачем тогда затевать разговоры с человеком, о котором ты отзывалась подруге как ничтожестве по жизни, в таком стиле, словно он твой давний друг? Зачем разыгрывать этот спектакль, расспрашивая его о подробностях его жизни, которые явно не могут быть ей полезны ни для каких практических целей?

Естественно, Джонни не мог знать на все сто процентов мотивы такого поведения Светланы, так как выяснить их доподлинно можно было только у неё самой. Но если бы он адресовал ей такой вопрос, она бы, несомненно, сочла его ещё большим неадекватом, нежели в своих нелестных характеристиках в разговорах с Еленой. Поэтому Джонни оставалось только строить вероятные догадки. Наверняка, Светлана слышала от подруг, из разговоров на работе и т.д., о беспределе, вытворяемом компьютерными «мальчиками по вызову», когда они разводят на деньги своих клиентов, особенно одиноких женщин. В то же время, наверняка Елена говорила ей о Джонни как одном из немногих действительно порядочных людей, подвизающихся в этой сфере. Поэтому Светлана решила обратиться к нему. Тем не менее, Елена могла также характеризовать Джонни как ужасного раздолбая, крайне безалаберного человека, причём вполне заслуженно с обыденной житейской точки зрения – с этим он и сам мог практически полностью согласиться. Поэтому, возможно, представляя его в разговорах с ним как бы своим хорошим знакомым, Светлана пыталась побудить Джонни подойти к работе, которую он выполнял для неё, настолько ответственно, насколько он был вообще к этому способен.

Впрочем, тогда Джонни не стал долго размышлять над этими вопросами. В те дни его сознание было больше занято остро стоявшей перед ним конкретной практической проблемой: как наладить свою деятельность так, чтобы получать хоть какой-то доход среди обмана, повсеместно царившего в той сфере, где он пытался трудиться. Потом, поскольку он больше в любом случае не собирался видаться со Светланой, Джонни не видел смысла для себя формулировать гипотезы относительно её мотивов, которые у него всё равно не будет возможности проверить в отсутствие контактов с этим человеком.

В следующий раз Джонни приезжал к Светлане летом 2011 года. Однако в период этого визита практически все его мысли были заняты Леночкой, с которой он собирался вскоре лететь в Турцию. Светлана же для него на тот момент выступала лишь в роли источника небольшого разового дохода.

Совсем иначе на перспективу поездки к ней Джонни посмотрел в начале 2013 года. Когда Светлана позвонила ему и сказала: «Ты меня просто выручил прошлый раз! Я не знаю, что я бы без тебя делала! Но теперь мне снова нужна твоя помощь...», к удивлению для себя, он даже обрадовался.

Казалось бы, теперь ему было совершенно незачем к ней ехать. Деньги за свою работу он с тем же успехом получал от клиентов, которые приезжали к нему домой. Кроме того, в связи со значительным ухудшением самочувствия и развившейся на этом фоне агорафобией, в последние полгода практически любая вылазка из дома, даже в ближайший магазин за продуктами, превращалась для него в драматическое событие. Конечно, если Джонни станет отказываться, то Светлана, не желая терять дешёвую рабочую силу, примется его убеждать, говорить, как он ей помог в прошлые разы. Но ей можно тогда просто прямым текстом сказать правду: здоровье не позволяет так далеко ехать! Разумеется, она, скорее всего, этого не поймёт и не поверит, будет недоумевать почему он, будучи таким больным, не хочет обращаться к врачам и всё такое, сочтёт его более неадекватным, чем он ей представлялся на основании прошлого опыта общения... Но это всё уже будут её проблемы – коль скоро контакты между ними прекратятся, какая разница какое там у этой тётки останется о нём впечатление?

Таким образом, для Джонни не было в принципе непреодолимой преграды в том, чтобы отмазаться от визита к Светлане. Тем не менее, ему захотелось к ней поехать, несмотря на то, каким потрясением для него будет дорога к ней из-за связанной с этим тревоги. Джонни понял, чем было обусловлено такое его парадоксальное стремление: видимо, для него это был один из немногих шансов выглянуть в окошко, за которым перед ним открывался мир людей – настоящих двуногих живых существ, а не бесплотных образов, к которым он привык по своим еженощным странствиям в интернете.

Перед выходом из дома, Джонни изобразил на листочке, насколько ему это позволило практически полное неумение рисовать, те улицы, по которым предстояло идти до дома Светланы от её станции метро. Он прекрасно понимал: при малейшей мысли о том, что заблудился, его накроет жуткий приступ паники. Как ни странно, дорога далась ему значительно проще, чем ожидалось, даже не было такого сильного головокружения, как обычно. Довольный своей маленькой победой, Джонни подошёл к квартире и позвонил. Но здесь его ждало настоящее потрясение: когда дверь открылась, перед ним стояла очаровательная молодая женщина.

От неожиданности у него даже больше обычного закружилась голова, впервые так сильно за время этой поездки. Чувствуя, как земля уходит у него из-под ног, Джонни захотел схватиться за что-нибудь, лишь бы не упасть, но сделать это незаметно для стоявшей перед ним женщины было нереально, а потому просто стоял, пошатываясь, судорожно пытаясь спланировать свои дальнейшие действия.

Конечно, последние годы из-за больной головы у него не раз случались ситуации, когда он тупил по-страшному. Так было, например, когда в аэропорту по прилёте из Турции он собирался отдать Леночке чужой чемодан, выловленный по ошибке с багажной ленты, или в истории с Дашиной сумкой, которую его как-то угораздило утащить с собой из её машины. Очень неприятные непосредственные переживания, связанные с каждым таким инцидентом, осложнялись для него навязчивыми воспоминаниями, которые впоследствии ещё долго не давали ему покоя.

Однако на этот раз, к огромному изумлению Джонни, замершего с открытым ртом, не зная как начать оправдываться, он ничего не перепутал. Шикарная женщина улыбнулась ему: «Заходи. Я уже давно тебя жду...» Испытав укол неловкости от того, как долго он дома перерисовывал схему улиц, Джонни не стал, к счастью, надолго заикливаться на этом некомфортном ощущении. Его мысли были практически всецело заняты неожиданной трансформацией, происшедшей со Светланой, а главное, тем, как он теперь воспринимал её.

Казалось бы, у него в этот раз были основания начать относиться к ней хуже, чем прежде. С одной стороны, у неё теперь ещё гораздо больше выросли запросы к мужикам, которых она рассматривала в качестве своих потенциальных партнёров – настолько, что Светлану теперь в этом плане можно было назвать просто охреневшей. Да, собственно, если бы не данное обстоятельство, то она непременно бы себе уже кого-нибудь присмотрела среди вереницы своих ухажёров. С другой – и Джонни это бесило ещё больше, у неё был теперь совершенно иной – как он это называл, буддистский, подход к отношениям. Теперь, если заинтересовавший её мужчина чём-то не оправдывал её ожидания, Светлана на него не обижалась и ни о чём его не умоляла, а попросту «отпускала».

Нет, разумеется, люди не обязаны сохранять отношения, допустим, унижающие их человеческое достоинство, и Джонни хорошо знал о таких ситуациях на примерах пострадавших от психопатов. Но в то же время, такое отсутствие «цепляния» за другого человека символизировало для него утрату настоящих чувств. Да, сильная аффективная реакция на расставание ещё отнюдь не является достаточным критерием настоящей любви. Джонни хорошо это понял на примере Леночки. С одной стороны, она в агрессивной – собственнической форме демонстрировала нежелание расставаться со своим главным любовником, но с другой – ей было совершенно наплевать на его благополучие, если не затрагивались её интересы. Подобно прочим людям в её жизни, даже таким, казалось бы, близким, как мать или лучшая подруга Верка, этот мужик являлся для неё всего лишь инструментом удовлетворения эгоистических потребностей.

Джонни невыносимо претил популярный «идеал» близких личных отношений мужчины и женщины (или двух геев, скажем – он ничего не имел против того, чтобы представители ЛГБТ сообщества также находили своё счастье) как хладнокровной сделки сытых самодовольных скотов, обговаривающих условия, на которых они будут совокупляться друг с другом. В его восприятии, подлинная любовь не могла возникнуть лишь на уровне сравнения альтернатив. Он хорошо понимал также, откуда дует ветер, с омерзением представляя себе психологов, бизнес – тренеров, коучей и прочих сомнительных учителей жизни, цинично наставлявших своих клиентов безжалостно вычёркивать из своей жизни людей, утративших практическую, потребительскую ценность.

Нет, разумеется, Джонни никоим образом не был сторонником того, чтобы люди проводили остаток жизни в слезах у разбитого корыта не сложившихся отношений, пытаясь собирать осколки, которым всё равно никогда уже не суждено склеиться в органичное целое. Он понимал, как важно порой бывает найти в себе силы идти дальше посте тяжёлых, кажущихся невосполнимыми утрат. Но для него, даже умершие действительно близкие люди, а также просто те, кого уже нет и не будет рядом, по-прежнему оставались в сердце, – то хорошее, что было с ними связано, или хотя бы просто уроки, усвоенные благодаря общению с ними.

И только психопаты и им подобные продолжали идти вперёд без оглядки на то, как они нагадили в жизни тех, кто им безгранично доверял. Правда потом, как правило, их дерьмо всё равно им всплывало,

порой в весьма неподходящие моменты, но не в силу религиозных или эзотерических законов, кармы и т.д., а потому что так устроен эмоциональный мир людей. Ведь многие жертвы деструктивного поведения, не в силах забыть ту боль, которую им причинили, справедливо решают не оставлять содеянное с ними без последствий.

В общем, казалось, у Джонни не было логичных, рациональных оснований начать лучше относиться к Светлане. Ведь она никоим образом не стала лучше как человек – только неизмеримо более привлекательной сексуально. И, тем не менее, Джонни не мог не заметить, как почувствовал себя более расположенным к ней на некотором подсознательном уровне. Например, когда она упоминала свои пожелания к мужчинам, ранее представлявшиеся ему чрезмерными, у него уже не возникало мысли: «эта жирная корова с прицепом совсем охренела!» Ведь Светлана теперь была не той огромной бесформенной стокилограммовой тушей, какой он знал её раньше, а очень стройной и привлекательной женщиной. Ну и что с того? Неужели люди с избыточным весом и непрезентабельной внешностью не достойны к себе доброго, уважительного отношения, настоящей дружбы и любви, наконец? Разве сам он хотел бы, чтобы люди оценивали его на основании чисто физической привлекательности?

А если сюда добавить ещё организационные выводы, совершаемые на основании такого восприятия... Допустим, его априорно негативный настрой по отношению к Светлане не позволил бы ей ни при каких обстоятельствах эксплуатировать его, используя женское обаяние. Но если представить теперь на её месте какую-нибудь молодую и вроде как одинокую женщину, которая заворожала бы его своей улыбкой, оставаясь при этом глубоко внутри жестокой, бессердечной, манипулятивной сучкой, смог бы он найти в себе силы не пойти у неё на поводу? Получилось ли бы у него не предать свои высокие принципы, о которых он так любил разглагольствовать, ради призрачной надежды на её благосклонность, которая всё равно бы никогда реально не состоялась? К сожалению, положила руку на сердце, Джонни не мог ответить на этот вопрос утвердительно. Напротив, он скорее был уверен в обратном, и это не давало ему покоя.

Джонни очень любил клеймить мужиков, наделённых деньгами и властью – от мелких сошек типа Петра Ивановича, любовника Леночки, до владельцев Роснефти и министров, у которых она только мечтала отсасывать, – подкармливавших своих шлюшек, в то время как порядочные женщины были вынуждены вкалывать «за себя и за ту сучку». Но в свете сказанного выше, чем же тогда он сам был лучше упомянутых состоятельных господ? Только тем, что не располагал материальными и административными ресурсами, которыми они обладали? О да, это обстоятельство очень возвышало его морально в глазах широкой публики! Но как же тогда ему поступать в согласии со своими принципами и не чувствовать себя лицемером, если нежелательное поведение проявляется у него само собой, неосознанно?

Разумеется, Джонни хорошо был знаком с позицией социал-дарвинизма, прятавшего последние десятилетия свой звериный оскал под гламурным названием «эволюционная психология». Мол, такова уж животная природа людей: женщины больше ценят сильных мужчин, обладающих материальными ресурсами, а те, в свою очередь, питают слабость к привлекательным женщинам. Таким образом, двуногие самки вроде как выбирают носителей «лучших» генов и возможность хорошо обеспечить то, что из них вырастет, а самцы также предпочитают тех, кто лучше всего подходит для размножения. И даже те факты, что богатый скорее окажется говном как человек (а как иначе он бы сколотил своё состояние?), деньги и материальные ценности делают человека более счастливым только до определённого уровня, а смазливая нарциссическая кукла скорее окажется отвратительной матерью, не меняют существа ситуации. Ведь речь здесь идёт скорее о неких поведенческих программах, заложенных в человеке со времён палеолита и ранее, нежели об осознанном выборе.

Конечно, для идеологии, насаждаемой всё менее образованной (по мере развития дерьмократии) публике теми, кто наверху, такие теоретические представления очень удобны, т.к. представляют захват некоторыми диспропорциональных ресурсов, а также откровенно эксплуататорские и паразитические практики в сообществе людей как «естественный» процесс. А потому среди пресловутого «плюрализма мнений», якобы царящего на многострадальной одной шестой части суши начиная с горбатых времён, практически не слышны голоса, критикующие описанные выше представления.

Например, даже психолухи, обычно так любящие разглагольствовать про выбор и ответственность, даже не заикаются о возможности противостояния человека его скотской натуре. Вместо этого представители данного цеха то тут, то там стремятся подсуетиться, наставляя (за определённую мзду, разумеется) обывателей использовать в своекорыстных целях механизмы, заложенные в животной природе других. Так, например, в одной из стран бывшего СССР психолух построил свой тренинговый бизнес на лозунге: «белорускам проще работать, чем жить с мужчиной!» Ах, разумеется, зачем женщине трудиться?! Ведь это удел неудачниц – феминисток и просто дур – лохушек. А успешная женщина приведёт в порядок своё тело и будет им торговать, пока молодая. Психолухи же всякие научат её, как набивать себе цену и разводить мужиков на деньги.

Когда Джонни читал такого плана новости в интернете, случайно наткнувшись на них, ему сразу вспоминалась Наталья, скромная подмосковная девушка из семьи военных, которая так хорошо, заботливо относилась к нему, словно он был ей родным (см. «Обаяние Зла»). Эта очень добрая, исполнительная, порядочная девушка, которая практически никогда не пользовалась косметикой, вынуждена была пахать с утра до вечера за несчастные пятнадцать тысяч в месяц, в то время как смазливый мрази, раздвигавшие ноги и открывавшие рты по нецелевому назначению в кабинетах у начальников, жили фактически её трудом. И

это был отнюдь не единственный пример даже среди узкого круга людей, которых он знал. Например, бисексуалка, точнее, фактически лесбиянка Танюша – замечательный человек, с которой Джонни общался незадолго до Леночки, также не раз то на одной, то на другой своей работе бывала вынуждена работать за сук.

Когда Джонни размышлял над этими случаями, ему было наплевать, какая там, по мнению психологов, у человека животная природа. Он видел вопиющую несправедливость, царящую вокруг, а также то, как она негативно отражалась на дорогих его сердцу людях, а потому не собирался с этим мириться.

Но как же тогда ему противостоять этим скотским, заложенным в человеке «на аппаратном уровне» тенденциям? Насколько они сильны, Джонни имел возможность ощутить сполна ещё в ранние подростковые годы. Тогда он мучительно размышлял над вопросом: почему ему так нравились надменные стервы из элитного пионерского лагеря, которые просто использовали его в качестве мальчика на побегушках в своей охоте на более «достойных» парней, и в то же время совершенно игнорировал своих одноклассниц, которые, возможно, могли бы отнестись к нему более благосклонно? Джонни ломал голову над этим феноменом и впоследствии на протяжении многих лет, пока однажды Елена, та самая знакомая Светланы, в одной из их долгих философских бесед, не открыла ему глаза: те элитные сучки просто красились и вообще тщательно ухаживали за собой, много уделяли внимания своей внешности!

Прозрение тогда свалилось на голову Джонни как культурный шок. Конечно, было очень глупо всю дорогу обманывать себя, что те сучки нравились ему не за красивые глаза, а их душевное содержание, когда он прекрасно понимал, насколько их внутренний мир полон дерьма. И, тем не менее, когда разгадка оказалась такой банальной, для него это было слишком сильной моральной травмой.

Теперь, благодаря своим новым знаниям, Джонни хорошо понимал, как культура нарциссизма обкрадывала людей, отнимая у них шансы на подлинную любовь. Очевидно, все люди не могли быть богатыми и привлекательными внешне, тем более в стране, экономика которой пребывала в ужасном состоянии (не будучи способной толком ничего производить, тем более высокотехнологично, она лишь выкачивала исчерпаемые недра). При других обстоятельствах, иных общественных условиях и культурных ценностях, у людей могло быть больше шансов понять, принять и полюбить человека таким, каков он есть, за его внутренний мир, несмотря на все трудности и невзгоды, которые предстоит пройти вместе.

Конечно, и в сложившейся реальной ситуации люди, имевшие низкую ценность на брачном рынке, всё же как-то пытались строить отношения, создавать семьи, растить детей. Однако, ориентируясь на ценности века, многие при этом воспринимали своих партнёров как жалкий компромисс, вынужденную замену богатым, красивым, успешным личностям, которых они наблюдали по телевизору или в интернете и каких хотели бы видеть рядом. Следствием такого отношения, основанного не на добрых, искренних чувствах, а нарастающем презрении и антагонизме, становились многочисленные случаи весьма неприглядного поведения. Итогом нередко становились крайне неприятные личные сюрпризы, когда, например, мужчина узнавал, что у его ребёнка, в котором он души не чаял, на самом деле другой биологический отец. Или когда до женщины доходили сведения о том, как её любимый муж, о котором она так заботилась, спит с другой.

Впрочем, сейчас, когда Джонни сидел у Светланы, его разум был больше занят не такой общей теорией, а непосредственно мучившим его на тот момент вопросом. Его волновало, каким же образом не позволить заложенным в него тенденциям выливаться в неосознанное поведение, противное его принципам, когда даже в самых банальных вещах он оказывал несправедливое предпочтение более привлекательным женщинам?

Конечно, в поисках ответа ему сразу же виделось одним из вариантов поведение типа тех «омега-самцов» из интернета, которые на ровном месте, без особого повода с её стороны, в интернет-форумах, социальных сетях и т.д. покрывали матом любую молодую женщину, которую реалистично не могли рассчитывать покрыть, словно кобель суку. Однако в такой тактике Джонни смущали, как минимум, два момента.

Во-первых, прежде чем они начали демонстрировать такую агрессию с места в карьер, эти юноши (и представители мужского пола постарше), вероятно, не раз сталкивались с проявлениями неуважения, презрения, манипулятивной эксплуатации и т.д. со стороны представительниц типажа женщин, вызывающих у них теперь такую враждебность. Но Джонни-то на их фоне был, если можно так поэтично выразиться, непуганым задротом! Он никогда не учился в институтах, не работал в офисах – короче, никогда не находился длительное время в коллективах, где мог бы продолжительное время контактировать с такого рода девицами и позволить им себя эксплуатировать. Не становиться же ему теперь, в самом деле, целенаправленно чьей-то жертвой, причём не одной, а многих, чтобы получить веские основания исполниться праведного гнева против определённой категории женщин! И даже Леночка не в счёт. Как бы ни обидно было ему порой, он не имел права злиться на неё: ведь она была, по сути, большим человеком, с дефективным эмоциональным миром, неспособным к формированию и развитию совести.

Во-вторых, он не считал обоснованной огульную стереотипизацию. Даже если бы все привлекательные молодые женщины, которых он когда-либо встречал, непременно оказывались стервами, это не могло быть достаточным основанием для априорной агрессивности к каждой встречной. В случае,

когда ему встретится милая с виду девушка, которая окажется не такой, его необоснованно враждебное отношение к ней будет несправедливым, а это совершенно недопустимо.

К тому же, какой бы заманчивой и обоснованной, казалось бы, безошибочными «общими соображениями», ни представлялась упомянутая стереотипизация, Джонни были известны и контрпримеры. Так, однажды он увидел в интернете фото женщины (см. «Маша Ангелл» в «Обаянии Зла»), которую считал своей единомышленницей по ряду медицинских вопросов, когда она была ещё молодой, сразу по окончании института, и был поражён её внешностью. Ведь для него привлекательные девушки не только никогда не пукали и не какали, но и тем более не могли выполнять (о ужас!) аутопсию и работать патологами, а также вообще придерживаться «правильных» взглядов, т.е. таких, с какими он мог согласиться. Где-то на уровне логики Джонни, конечно, понимал необоснованность и абсурдность подобных стереотипов, но не мог от них отказать и не руководствоваться ими интуитивно.

Перебрав в уме ещё несколько возможных подходов, Джонни так и не нашёл среди них того, который мог бы показаться ему разумным и эффективным. И в то же время не мог успокоиться: А если ему так и не удастся отыскать достойное решение? Ведь тогда грош цена, получится, его теории о недопустимости предвзятого отношения к женщинам в зависимости от их внешней привлекательности, коль скоро он сам оказался не в состоянии следовать провозглашаемым им принципам! А потом, даже если у него будут появляться новые идеи, где он возьмёт привлекательных женщин, чтобы на них опробовать? Светлана же была для него изумительным шансом, который, наверное, никогда не повторится, так как он знал её ещё тогда, когда она выглядела иначе. Таким образом, прежний образ его клиентки мог выступать в качестве контрольного субъекта в отношении её нынешней!

Затем Джонни подумал с тревогой: а ведь, наверное, какого-то элегантного, изящного решения здесь нет и не может быть! Когда ты решаешься переть против собственной природы, наверняка твой путь неизбежно труден и неприятен, потребует волевых усилий. Неожиданно Джонни почувствовал убеждённость: единственный выход, скорее всего – своего рода «позитивная дискриминация», то есть стараться каждый раз в общении с непривлекательной женщиной при прочих равных вести себя лучше, чем если бы на её месте была красавица.

И ему захотелось непременно тут же проверить, как это у него получится, на Светлане. Но поскольку он уже не мог вернуться в прошлое и лучше относиться там к ней жирной, получается, ему оставалось только изменить в негативную сторону отношение к ней нынешней прямо здесь и сейчас.

Однако его попытка претворить этот замысел в жизнь в общении со Светланой практически тут же поставила его в очень неловкое положение. Светлана, почти сразу заметив перемену стиля общения со стороны Джонни, его неожиданно негативный, почти враждебный тон и, очевидно, не находя этому для себя логичного объяснения, настороженно поинтересовалась: «Что-то не так? У тебя какие-то проблемы?»

Джонни растерялся. Он же не мог ей ответить, как есть: «Нет, это у тебя проблема, так как ты похорошела, и теперь мне нужно доказать самому себе, что, несмотря на это обстоятельство, у меня получится относиться к тебе нынешней хуже, чем к тебе прежней, когда ты была стокилограммовым жир – трестом!» Наверное, скажи он это Светлане, она бы не столько разозлилась на него, сколько сочла его гораздо более сумасшедшим, чем считала до того. Джонни чувствовал себя ужасно неловко – состояние, которое нередко описывают как «хочется сквозь землю провалиться». Но неожиданно произошло событие, разрядившее обстановку. Характерный писк телефона Джонни известил его о пришедшем смс – сообщении. Он подумал: «грёбанные спаммеры не унимаются», но всё же не удержался и посмотрел. Джонни был шокирован: это писала Леночка, которая предлагала встретиться. Он извинился перед Светланой, которая ждала, надо думать, его объяснений относительно неожиданного избытка негатива в его репликах, и принялся тыкать пальцем в свой телефон.

Джонни написал Леночке, что очень хотел бы с ней встретиться, но не может, находясь в гостях у другой женщины. Ему почему-то захотелось сообщить ей о своём нахождении у Светланы, словно желая тем самым продемонстрировать свою нужность людям, во всяком случае, некоторым. Разумеется, Леночка знала, что женщины могут к нему питать лишь исключительно корыстный интерес. Так пусть представит себе, как его вместо неё использует другая! Ревнуй, сучка! – злорадно подумал Джонни.

Он также улыбнулся, неожиданно вспомнив, что благодаря недавнему размещению ссылки на женском форуме, в тот день к 14 часам его сайт уже посетили аж семь человек. Конечно, для какого-нибудь продажного веб-мастера или блоггера эта цифра была смешной, но для Джонни с практически нулевой посещаемостью его ресурса, это было настоящее достижение! Интересно, почему Леночка решила написать ему именно в этот день? Случайное совпадение? Впрочем, достоверно выяснить ответ на этот вопрос у него не было шансов, а потому он не стал над ним заморачиваться.

В итоге, Джонни так и не ответил Светлане на вопрос о причинах своего неожиданного негативизма в общении с ней. К тому же, смущённый её недоумением по этому поводу, теперь он уже более не решался развивать тему негативной дискриминации в дальнейшем разговоре. Она же, наверное, интерпретировала его всплеск неприязненного тона и даже некую озлобленность, обращённую в её адрес, как следствие его внутренних проблем и трудностей в общении с той женщиной, которой он сейчас так увлечённо строчил смс.

Джонни также поймал себя на интересной догадке о том, почему многие обыватели не любят сумасшедших: они просто не могут понять их мотивы, а такая неопределённость настораживает и даже пугает.

Когда Джонни уходил, Светлана долго благодарила его и дала ему за выполненную работу значительно больше денег, чем обычно и даже значительно выше его ожиданий, словно желая тем самым показать ему, что у него нет реальных оснований для негативного отношения к ней.

По пути домой Джонни снова погрузился в непростые размышления о том, как не оказывать невольно незаслуженное предпочтение привлекательным женщинам и вообще тем, кто пускает в ход личное обаяние – ведь его обычно много у психопатов и прочих деструктивных личностей и так не хватает робким, но в остальном весьма достойным людям. Поскольку если он не в состоянии претворить это в жизнь даже в своём собственном поведении, то грош цена громким заявлениям, в которых он призывает так поступать других!

А пока не далее как последняя попытка вести себя согласно провозглашаемым принципам не просто потерпела фиаско, но поставила его в весьма неловкое положение со Светланой, из которого он выпутался без особого позора, наверное, лишь благодаря неожиданно пришедшему от Леночки сообщению.

Впрочем, несмотря на то, что эффективное решение ему опять так и не удавалось придумать, Джонни сделал для себя важный вывод. Он вдруг осознал: нужно уметь разумно принимать поражение. Если не получилось, не обязательно сразу впадать в истерику и тут же в отчаянии всё ломать и портить, как он привык поступать в такой ситуации с детских лет. Ведь неудача – это не обязательно навсегда. Возможно, для нахождения правильного решения у него просто не хватает каких-то важных знаний, и тогда имеет смысл подумать о том, как их приобрести, какие экспериментальные исследования и наблюдения могли бы прояснить ситуацию. Это и не удивительно, так как стоявшая перед ним проблема действительно была непростой: он пошёл против механизмов, заложенных в человеке самой природой, когда они используются во вред людям.

Джонни вспомнилась «житейская мудрость», неоднократно сообщавшаяся ему в юности его мамой, когда он приходил в яростное отчаяние от своей неспособности решить какую-нибудь школьную задачу: «Если не получается – отложи в сторону, займись чем-нибудь другим. Тогда решение может само созреть у тебя в голове».

Конечно, впоследствии, вспоминая мамино поучение, Джонни усмехался: она просто хотела его успокоить. Однако на этот раз, пока он стал усиленно заниматься другими проблемами, например, дальнейшими попытками раскрутить свой сайт, сама жизнь подкинула ему удивительный иллюстративный материал на тему «красивые женщины тоже плачут».

Друзья детства

История, о которой пойдёт речь, была связана с удивительным в своей необычности событием: у Жени Терновского, соседа Джонни по лестничной клетке, появилась любовница. Обычно, когда с каким-нибудь мужчиной случалось такое приключение, Джонни невольно начинал смотреть на него враждебно, словно рассуждая так: если у тебя две женщины, то у кого-то ни одной. И Джонни не нужно было далеко ходить за примером того, кто остался обделённым.

Женя, однако, в этом плане находился, можно сказать, на особом положении. И дело даже было не только и не столько в том, что он был другом детства и одним из немногих людей, с которым у Джонни складывалось общение в более-менее приветливом стиле. Важнее было другое: Женя был неудачником по жизни, а Джонни испытывал особенно добрые чувства к этой категории людей. Джонни считал их нисколько не хуже других. Напротив, он был убеждён: с человеческой, моральной точки зрения многие из них были даже лучше окружающих. Не способные на повседневное насилие и обман, они просто по какой-то причине не могли или не умели лезть вперёд, преподнести или «продать» себя.

Конечно, злые языки обывателей с характерной для них примитивной недалёкостью очень просто объясняли причину таких симпатий Джонни: дескать, он сам был таким, даже будучи неспособным в этом признаться, в том числе самому себе. Однако Джонни понимал, насколько они неправы и знал, в чём заключается разница. Он неоднократно цитировал образное объяснение, однажды им сочинённое, которое ему очень нравилось как передающее существо вопроса.

В аналогии, придуманной Джонни, неудачник – это хилый спортсмен, который задыхается, выбивается из сил и уже давно отстал от других участников состязаний, но по-прежнему зачем-то продолжает бежать, словно не считая себя вправе остановиться. Сам же Джонни в этой схеме – жирный мужик, идущий мимо стадиона, время от времени удивлённо поглядывая на людей, зачем-то нарезающих круги с высунутыми языками. Наверное, если бы он сам попытался так пробежать даже трусцой, не на время, то умер бы от разрыва сердца. Однако Джонни просто сказал НЕТ крысиным бегам по жизни!

В детстве Женя и Джонни были друзьями, хотя основной объединявший их фактор сводился к тому, что в соревновательных играх дворовых ребят Женя практически неизменно занимал предпоследнее место, а Джонни – самое последнее. Время от времени, впрочем, они менялись местами. Каждый из них также занимал самую нижнюю позицию в неформальной иерархии мальчишек своего класса.

Учились они оба также неважно, хотя применительно к академическим достижениям их предки занимали разные позиции. Женина мама каждый вечер терпеливо занималась с сыном из расчёта минимум час на каждый предмет, по которому задают домашние задания. Однако знания то ли упорно не хотели лезть в голову Евгения, то ли тут же вываливались обратно, а потому оценки его в итоге так и не повышались выше сплошных троек, несмотря на все старания.

Мама же Джонни, когда он в первом классе никак не мог трепещущими ручонками нарисовать в прописи цифру 2, всё время угрожала взять ремень, однако вследствие этого у постоянно перепуганного Джонни тремор только усиливался, и в итоге первая учительница недогнувшей рукой без лишних раздумий выводила многострадальную двойку у него в дневнике. После чего в назидание оставляла Джонни практиковаться после уроков, а за неудачи больно била по пальцам металлической указкой, отчего его начинало трясти ещё больше. Потом же мама Джонни и вовсе поставила на своём недоделанном (по словам её матери, его бабки) ребёнке крест, предложив ему на выбор: хочешь – учись, не хочешь – расти дурачком, и нетрудно догадаться, какой вариант выбрал Джонни.

К концу восьмого класса Женина мама, наконец, смогла сделать разумные организационные выводы из своих тщетных попыток затолкать в мозг сына материал учебных дисциплин, а потому не пошла упрашивать учителей перевести её отпрыска в девятый. Вместо этого она отдала его в славное учебное заведение, именуемое в народе «путяга», которое горбатая власть государства тогда ещё не догадалась назвать «колледжем».

Учиться там Жене было проще, и он стал чуть ли не отличником, так как приходилось осваивать в основном конкретные действия руками, а не сухие теоретические сведения, которые неизвестно когда и зачем понадобятся, да и пригодятся ли вообще. По окончании ПТУ Женя получил рабочую специальность мастера по холодильным установкам. Как ему представлялось, несмотря на трудные времена в стране, его профессия не должна была потерять свою актуальность, так как людям всегда нужно кушать, а торговым организациям – где-то хранить скоропортящиеся продукты перед продажей.

А тем временем окончательно поменялся политический режим. Наступила новая эпоха под названием рынок. Основной её девиз – «всё имеет свою цену». Даже человеческая жизнь. Например, если кто-то упорно не желает уходить в мир иной, несмотря на настойчивые пожелания со стороны «близких» и «друзей» ему «доброго здоровья» и «долгих лет», всегда найдутся те, кто готов за определённую плату активно поспособствовать скорейшему устранению этого затруднения. Конечно же, номинально такие вещи уголовно наказуемы даже для заказчика, но фактически правоохранительные органы и «правосудие» в основном эффективно блюдут интересы только тех, кто в состоянии себе это позволить.

И если даже жизнь и смерть человека стали предметами купли – продажи, то это тем более касалось и его труда, который представители бизнеса старались приобрести как можно дешевле, каковы бы ни были негативные последствия для самого работника. В этом плане дельцам очень помогло следующее обстоятельство: если в России после развала великой страны экономическая ситуация была не фонтан, то в южных республиках бывшего СССР она оказалась ещё хуже. Как следствие, жители этих государств были готовы работать в Москве и прочих крупных городах за очень небольшие деньги, чем воротили ЖКХ, торговли и прочих структур не преминули воспользоваться. Конечно, такое поведение нанимателей приводило к повышению безработицы и всплескам межнациональной розни, вот-вот готовым вылиться в кровопролитные стычки. Но это не очень заботило дельцов, для которых основной заботой было повышение уровня их собственных доходов. Не волновало сложившееся положение и «законных» избранников оболваненного народа, самодовольно нажимавших «за себя и за того парня» те кнопки, которые больше платили.

Следствием описанных процессов на микроэкономическом, так сказать, уровне, стала очень симптоматичная для положения дел в стране ситуация, в которой Евгений оказался наряду со многими тысячами молодых бывших советских граждан. Женя был практически единственным среди своих бывших одноклассников, кто занимался содержательной, производительной деятельностью. И в то же время, по сравнению с ними, он получал самое низкое вознаграждение за свой труд. Ведь его сверстники, которым удалось закончить институты, получив дипломы, устроились в различные финансовые и прочие фирмы. Те, кто не поступил, начали торговать в «комкахх» – мелких уличных ларьках, которые в начале – середине 90х считались вполне приличным местом трудоустройства для обычного молодого человека, не мажора и не хватавшего звёзд с неба.

Но низкий доход – это не только неспособность позволить себе то, что есть у соседа, путешествовать туда, где бывают другие и т.д. В обществе потребления, где человека оценивают не по тому, что в нём, а по тому, что есть у него, это также невыносимое унижение человека, ощущающего себя неудачником. А также болезненное для человека как социального существа одиночество. Ведь с неудачником-то кто же захочет водиться? Разумеется, само по себе это отнюдь не новое явление. Так, в притчах царя Соломона читаем: «Богатство прибавляет много друзей, а бедный оставляется и другом своим». Но в России и прочих странах бывшего СССР, начиная с 90-х годов XX века, этот феномен получил особенно драматическое выражение на фоне чудовищного социального неравенства. В частности, он весьма токсично сказался на жизни многих молодых людей, которые в силу своего незавидного материального положения не имели возможности создать семью и, таким образом, жить полноценной жизнью. Девушки, к которым они проявляли серьёзный личный интерес, прозрачно им намекали, что не желают с ними «плодить

нищету». К сожалению, несмотря на значимость данной общественной проблемы, с подачи идеологов даже простые обыватели прониклись циничным социобиологическим отношением к ней. Мол, ничего тут не поделаешь, c'est la vie, половой отбор фильтрует гены, в результате чего оставляют потомство только наиболее приспособленные самцы.

Конечно, если бы дерьмократические идеолухи действительно пеклись об интересах широких слоёв населения, они бы прислушались если не к классово чуждым мыслителям марксистского толка, то хотя бы, например, к канадским эволюционным психолухам Мартину Дэйли и Марго Уилсон. В своей книге «Человекоубийство» чета поведала о том, как неудовлетворённые парни нищавшего Детройта вымещали свои фрустрации на тех, кто попадался под горячую руку. Однако дерьмократические идеолухи, привыкшие ставить «цивилизованные страны» в пример «унылому совку», коим они называли свою, для них «эту», страну, почему-то не спешили извлекать уроки из подобных примеров. Вместо этого они предпочли объявить разгул преступного беспредела 90-х годов неизбежным этапом на пути в проповедуемый ими капиталистический рай.

Но Евгений Терновский никого не убил. Более того, ему, несмотря на низкий социальный статус, удалось найти хороших друзей, которые никогда не предадут. Но им всё же было трудно реально поддержать друг друга, прекрасно понимая суровую правду (а разве можно лгать близкому товарищу?) жизни: завтра они будут пребывать в той же жопе тотальной бесперспективности своего бытия, как и вчера. А потому их общение сводилось по большей части к совместному распитию спиртных напитков, а также различным рискованным развлечениям, привносящим в пустоту их повседневности заряд хоть какой-то стимуляции.

Однажды трагическое происшествие в ходе таких «экстремальных игр» произвело на Джонни неизгладимое впечатление. К тому времени он уже редко общался с Женей. Их пути разошлись, когда Джонни, учась в последнем классе школы и активно готовясь к поступлению в институт, перестал тусоваться в дворовой компании, а потом, когда его не взяли, и вовсе ушёл в себя и возвращаться не собирался. Женя же продолжал иногда ходить общаться с ребятами – туда на двух ногах, а обратно чаще уже на всех четырёх конечностях, растерянно вопрошая: «Где мои очки? Отдайте мои очки!..», не додумываясь при этом пощупать у себя на носу и вызывая тем самым хохот наблюдавших это зрелище. Большую же часть времени он теперь предпочитал проводить в новой компании своего двора, состоявшей из ребят немного помладше, которые его не обижали.

Несмотря на то, что Женя и Джонни теперь уже не общались специально, если идя домой Джонни случайно встречал Женю с друзьями на лестнице в подъезде (традиционное для небогатой молодёжи их района место «культурного отдыха» в холодное время года) или на лавочке под окнами (когда тепло), между ними завязывался приятельский разговор. В ходе таких бесед на Джонни особенно положительное впечатление произвёл новый хороший товарищ Жени Андрей Чувырлин.

Джонни не мог не заметить удивительную приветливость и доброту, которые излучал этот парень. Более того, Андрей как-то по-особенному выделял его из всех, словно желая, чтобы именно Джонни стал его другом, перед которым он сможет раскрыть душу и рассказать ему всё о своей жизни. С одной стороны, такое отношение было Джонни очень приятно, и ему хотелось подружиться с этим парнем. С другой, вспоминая свой негативный опыт общения с другими людьми, в подобных случаях Джонни начинал думать про себя так: стоит другому человеку больше узнать о его многочисленных проблемах и какого дерьма он полон внутри, как желание дружить с ним тут же исчезнет.

Похожие дилеммы у Джонни тогда нередко возникали с девушками, но их разрешить обычно было проще, так как ситуация обычно была по любому безвыигрышная: в отсутствие активности с его стороны, девушка не будет жить до конца своих дней приятными воспоминаниями о нём. Встречаясь с другим парнем, она просто забудет про Джонни. С девушками, правда, у Джонни всегда было другое непреодолимое препятствие: он был уверен, что его непременно отвергнут, сочтут недостойным, а потому боялся подойти, не видя оснований подвергать себя бессмысленному унижению, которое ещё долго потом, наверное, до конца дней, будет преследовать его в неприятных воспоминаниях.

Размышляя над перспективами своей дружбы с Андреем Чувырлиным, Джонни неожиданно задался вопросом: стоит ли дорожить хорошим отношением к себе человека, перед которым ты даже боишься показать себя таким, каков ты на самом деле? Зачем тогда обманывать себя и его?

Под влиянием таких мыслей у Джонни сформировалась новая решимость. Теперь он уже не заглядывал пугливо из-за угла по пути домой, чтобы избежать разговора с Андреем, а напротив, желал поскорее встретиться с ним. Однако, как назло, теперь он видел Женю с разными ребятами, но Андрея Чувырлина среди них не было. Джонни хотел даже поинтересоваться у Жени, но не решался, опасаясь встречных вопросов типа «с какой целью интересуешься?», а также «ревности» («Зачем тебе Андрей? Со старым другом пообщаться не хочешь?»).

Трагическая причина исчезновения Андрея выяснилась совершенно неожиданно. Собираясь выносить мусор, Джонни подошёл к двери своей квартиры и услышал голос Жени, неоднократно упоминавшего имя своего товарища. Судя по громкости и тембру речи, говорящий был явно возбуждён. Это обстоятельство было на руку Джонни, который прильнул к двери и принялся слушать. Узнав основную новость, он едва не выронил кастрюлю с мусором от неожиданности и ужаса. Конечно, Женя образно

преувеличивал, отвечая на вопрос подошедшего товарища: «где Андрей?» мрачной репликой: «размазан по рельсам до следующей станции железной дороги», но это не меняло самого трагического факта.

Пытаясь прийти в себя после потрясшего его известия, Джонни задумался над вопросом: «Зачем?» Он понимал, что такой тотальный, навязчивый, парализующий конструктивное мышление страх смерти (от которого к тому же проблематично было избавиться ввиду органической причины), как у него самого, вероятно, был избыточен, т.к. в некоторой степени мешал полноценной жизни, наслаждению её радостными моментами. Наверное, иногда даже следовало рисковать, преследуя достойные цели, например, помогая своим близким, отстаивая свои убеждения и т.д. Но просто так, безрассудно прыгать по вагонам стоящего товарного поезда, который в любой момент может поехать, зная, к чему это может привести...

Стараясь понять причины случившейся трагедии, Джонни попробовал представить себе семью Чувырлиных, в которой, если верить сплетням (которые Джонни узнавал от своей бабки, когда она обсуждала их с другими местными старушенциями), постоянно случались какие-то несчастья. Отец Андрея, работавший на важной должности в одном из центральных московских гастрономов, по меркам обычного советского гражданина был очень неплохо устроен в материальном плане, несмотря на скромную легальную зарплату. Однако в конце восьмидесятых на него серьёзно наехали входившие тогда в моду рэкетеры. Они его, впрочем, не убили – он сам неожиданно скорострительно скончался от инфаркта, хотя ему не было и пятидесяти.

Вскоре после этого его жена, мать Андрея, впала в серьёзную депрессию и дважды пыталась свести счёты с жизнью. Вследствие чего была госпитализирована в больницу им. Кащенко. Её хотели признать невменяемой и лишит родительских прав, но справедливо решив, что казённый дом с известными царящими там порядками (или, точнее, беспорядками, если не сказать беспределом) будет для её детей ещё хуже, чем такая мать, просто припугнули.

В сложившейся ситуации Андрей стал в некотором роде главой своей семьи, включавшей помимо его самого и мамы ещё старшего брата. Он старательно прибирался дома, заботливо и терпеливо напоминал матери принимать таблетки. Но главной заботой Андрея стал старший брат Саша, который был, по словам злых языков, «жирный, как его отец», и в основном по этой причине нередко становился объектом насмешек, а то и оскорблений действием и даже побоев просто так, ради развлечения.

Андрей же всеми силами стремился научиться активно отстаивать свои интересы, чтобы не только не разделить унижительную участь Саши, но и защитить честь и достоинство своего брата в открытом физическом противостоянии с его обидчиками. Последнее было особенно непросто, учитывая, как много значила в подростковые годы трёхлетняя разница в возрасте в плане физической силы.

Тем не менее, Андрей не собирался сдаваться. Он стал активно заниматься спортом, тренируясь практически каждый день до изнеможения. Его вес пришёл в норму и в значительной степени был связан с мышечной массой, резко контрастируя с прочими членами его семьи (включая в своё время отца), трясиными при ходьбе огромными отложениями жира на своих тушах.

Но Андрей стремился закалять не только тело, но и характер. Важной составляющей его он считал умение справиться со своим страхом, глядя в глаза реальной опасности. Во время одной из таких тренировок, включавших прыжки с вагона на вагон движущегося поезда, а также акробатические трюки на неподвижно стоящем, но готовом тронуться в любую минуту товарняке, Андрей погиб...

Жене со временем удалось найти себе девушку, с которой у него было ВСЁ. Тем самым он сумел избежать попадания в презренную касту тех, у кого никогда не было ЭТОГО. На первый взгляд, такая неформальная дискриминация молодых людей по уровню сексуального опыта, имевшая место в молодёжной среде, представляла собой удивительный парадокс. Казалось бы, в дерьмократической стране, коей являлась Россия согласно заявлениям её лидеров, это сугубо личная проблема человека, трахается он с кем-то, или нет, коль скоро он тем самым ничьи интересы не ущемляет. В действительности, однако, всё было не так просто. Неоднократно размышляя над этими вопросами, Джонни пришёл к лучшему пониманию того, кому и зачем была выгодна подобная травля значительной части мужского населения.

С наступлением в России эры пресловутой рыночной экономики, многие дельцы бросились наживаться, не стесняясь в средствах и руководствуясь принципом «деньги не пахнут». При таком подходе к ведению бизнеса, несомненно, очень удобно эксплуатировать механизмы, заложенные в людях самой природой, например, похоть. Чтобы более эффективно задействовать такие рычаги воздействия, однако, имело смысл максимально снять в сознании обывателей сдерживающие культурные рамки, заложенные предшествующим, более развитым обществом.

Дискредитация прежней системы началась в открытую, пожалуй, с выступления той женщины (не иначе, специально посаженной горбатой властью), которую угораздило сказать в прямом эфире телевидения: «В СССР нет секса». По мере дальнейшего морального гниения руководства страны на поверхность всё чаще стали вылезать «большие учёные», жаждущие научить «унылых совков» «как надо делать ЭТО».

Одним из первых таких «просветителей» стал некто Игорь Кун, написавший «Введение в сексоведение». Джонни по его юношеской наивности тогда даже угораздило заплатить целых десять рублей спекулянту за эту книжонку с официальной розничной ценой три сорок, в надежде приобрести тайных знаний, только чтобы потом, пытаясь ЭТО читать, плевать от морального, эстетического и прочего отвращения. В итоге, из всего, что связано с этим изданием, Джонни больше всего понравился фельетон в

газете «Советская Россия». Герои сатирической заметки, содержащей недвусмысленные аллюзии к опусу И. Куна – двое юношей, жаждущих приобщиться к знаниям в сексуальной сфере. После прочтения «Введения в сексоведение» они звереют от похоти. Не видя для себя легальной возможности удовлетворить её с женщинами и не желая удовольствоваться дробочкой, они вламываются в дом к своему Учителю и собираются трахнуть его в жопу. Он же, не видя в принципе ничего ужасного, скажем, в повсеместно совершаемых в тюрьмах актах гомосексуального насилия (надо же им там, мол, как-то удовлетворять свои ЕСТЕСТВЕННЫЕ потребности!), почему-то оказывается явно не в восторге от такой перспективы!

Что же касается реальных, фактических содержательных сведений о половом процессе у человека, Джонни гораздо больше почерпнул в куда более информативной старой советской книжке «Брак и семья» 1977 года издания, которую в своё время купила его мама для него «на вырост», т.е. чтобы прочитал, когда станет взрослым. Затем у него была возможность пополнить свои знания, когда знакомая со двора одолжила ему книжку белорусских авторов «Энциклопедия секса для полных идиотов» (или чайников?). В последнем издании Джонни прельщала полнота изложения, включая биологические сведения о гормонах и т.д.

А тем временем славное дело И. Куна в «просвещении» обывателей по интимным вопросам продолжал его ученик, также заслуженный сексопатолог и большой член всяческих академий окологенитальных наук Лев Щёголев. Как и подобает достойному ученику, он в своих взглядах пошёл гораздо дальше своего учителя, хотя Джонни и многим другим образованным людям хотелось, чтобы данный секс-гуру лучше пошёл со своими проповедями на х**.

Если И. Кун считал, что у человека без секса не может быть полноценной жизни, то, по мнению Л. Щёголева, в результате воздержания люди заболевают «неврозом». И не беда, что у современной психиатрии представления другие, да и само слово «невроз» уже давно используется лишь как устаревший общий ярлык, а не конкретный нозологический термин, – озабоченные зрители телепередачи «стручок Адама», где Щёголев любил распинаться в роли большого эксперта, всё равно этого не знали!

И конечно, Кун и Щёголев считали себя очень умными, вправе указывать публике, как, с кем и сколько раз, словно забывая при этом, что на самом деле являлись всего лишь продажными шавками, спущенными с цепи богатой и могущественной секс – индустрией, которой их твяканье помогало извлекать выгоду из торговли женщинами, словно мясом.

Впрочем, плевели, посеянные ими в сознании большого числа людей, и особенно молодёжи, дали богатые всходы. Четверть века спустя после злополучного телемоста не только все старшекласники знали, что такое секс, но и многие из них его активно практиковали. В значительной степени, конечно, это также заслуга министра образования Фурсенко, приложившего старания превратить школы в дома терпимости. А высокий уровень депрессии и даже частые случаи суицида среди подростков, особенно девочек – лишь незначительная издержка на пути государства и общества в потребительский рай. Ведь, по логике идеологов – реальной, которой они фактически руководствуются в своих действиях, а не из лживых разглагольствований в предвыборных PR-акциях – невелика потеря. Малолетние дурочки, мол, сами виноваты в своей неспособности по-взрослому вовремя отключить чувства и молча раздвигать ноги за максимальное вознаграждение.

Зато у нынешней молодёжи была свобода строить свою личную жизнь как бы по собственному усмотрению, без страха, что потом тебя за это отыменют государственные и партийные органы. Много безопасного секса. А у кого его не было, так это их проблемы – значит, они неудачники, недостойны. А если чего-то не хватало в новую эпоху, так это сущих мелочей. Например, подлинной любви, взаимопонимания (и это несмотря на все деньги, выброшенные, то есть отданные за услуги психологов, консультирующих по вопросам отношений), преданности, когда в трудной ситуации можешь быть уверен, что близкий человек не свалит резко туда, где в данный момент уютнее. Да-да, всё это помогало в своё время «унылым совкам» даже в отсутствие секса рожать и воспитывать тех, кто осваивал космическое пространство и совершал великие научные открытия, а не просто тупо потреблял плоды трудов китайцев, турок и гастарбайтеров.

Но нынешнее поколение так высоко и не стремится. Они прагматичны, стараясь жить «здесь и сейчас». Обеспечить своим детям «достойное» и «толерантное» «высшее» образование, которое откроет перед ними возможность найти «приличную» работу по переключиванию бумажек в офисах. Это, в свою очередь, позволит им взять и своевременно выплачивать ипотеку за отдельное жильё, а также новенький, радующий глаз автомобиль в кредит, не хуже, чем у прочих представителей офисного планктона. И это всё надо успеть, пока они не состарились, да не пересохла нефтяная труба, ведущая в Китай, где, в отличие от здешних мест, есть реальное производство.

Так или иначе, Жене удалось избежать попадания в презренную касту «девственников» – ведь у него появилась НАСТОЯЩАЯ ДЕВУШКА! То, как он был рад этому обстоятельству, можно было без труда заметить, как говорится, невооружённым взглядом. Но Джонни, проходя мимо лестницы или лавочки, на которой друг его детства сидел, страстно вцепившись в свою девушку, словно кто-то у него её собирает отнять, невольно задавался другим вопросом: чем Женья мог привлечь эту смазливую ПТУшницу?

В результате своих размышлений об этом Джонни на интуитивном уровне пришёл к объяснению, которое в свете представлений, формально усвоенных им много позже, можно сформулировать примерно следующим образом. С точки зрения эволюционной психологии, мужчине выгодно хвалиться (по крайней мере, если он способен делать это реалистично) своими «любовными» победами, так как тем самым он рекламирует свой высокий статус, принадлежность к элитному кругу тех, кому «дают» многие женщины.

Для женщины же большое число половых партнёров – отнюдь не предмет гордости. Во-первых, её назовут потаскушкой. Во-вторых, мужчины, у которых есть выбор, на таких не женятся. Ведь брак подразумевает значительное инвестирование материальных ресурсов и времени в её потомство, а когда такая женщина становится матерью, даже она сама нередко не знает ответа на вопрос: «а кто папа?» К тому же, чему такая научит своих детей и какой пример она подаст своей дочери, допустим?!

Однако, как бы не разнились адаптивные, эволюционно обусловленные склонности мужчин и женщин говорить о своём сексуальном опыте, его общая совокупность у гетеросексуалов того и другого пола по очевидным причинам была одинакова. Поэтому если некоторое количество мужчин позволяли себе нагуляться вдоволь, а женщины были кругом умницы и скромницы, значит, где-то были и представительницы слабого пола, у которых было **ОЧЕНЬ МНОГО** партнёров!

Джонни называл «дочерями полка» таких девушек, которых по очереди драли многие дворовые «рядовые бойцы» («командиры», т.е. самцы статусом повыше, у которых был лучше выбор, обычно брезговали, ну если только очень привлекательная попадалась). В одну такую дочь полка угораздило влюбиться Женю. И Джонни, наблюдая их, догадывался, почему она была с ним. Конечно, время от времени к ней проявляли активное внимание крутые парни, только для них она была лишь инструментом удовлетворения незатейливой потребности – подобно тому, как они подтирали себе жопу туалетной бумагой, её они использовали, чтобы доставлять себе удовольствие, потеряв об неё свой конец. Если для Жени она была любимым человеком, то для них – просто дыркой.

Романтическая идиллия, однако, продолжалась недолго. По прошествии всего нескольких недель Джонни стал встречать только хмурого Женю без девушки. Джонни хватило такта не интересоваться причинами её исчезновения у товарища, которому и так, судя по всему, было несладко, но в то же время загадка не давала покоя. Вопрос прояснился, когда Джонни случайно (или не очень случайно – в подобных ситуациях он нередко приносил элементарные чувства приличия в жертву собственному любопытству!) подслушал разговор Жени с одним из его друзей. Далеко не все слова, доносившиеся с лестничной площадки через дверь, удавалось разобрать, но общий смысл помогала понять часто повторяемая тревожным тоном аббревиатура КВД (кожно-венерический диспансер). А Женя был ужасно напуган другими тремя буквами («вирус иммунодефицита человека»), которые со временем повлекут за собой смертный приговор из четырёх («синдром приобретённого иммунодефицита»).

К счастью, Жене удалось отделаться лёгким испугом, точнее, доставлявшими в основном лишь косметический дискомфорт мандавошками, без труда поддававшимися лечению антибиотиками. Теперь его уже не увидеть было в обнимку с девушкой. А Джонни, вспоминая первую любовь Жени, цинично усмехался про себя: «надо было внимательнее смотреть передачу доктора Щёголева, когда тот объяснял, как правильно гондон натягивать!» Впрочем, где-то в глубине души ему было даже жаль товарища, который так обломался в своих лучших чувствах.

Следующие несколько лет Женя провёл без девушки, пока, наконец (несомненно, не без сильного давления со стороны родителей, постоянно капавших ему на мозг «задуматься о семье») не решил вступить в брак. Но, как и прежде, серьёзной преградой на пути его личного счастья стало следующее обстоятельство. Несмотря на ежедневный труд с утра до вечера и даже совершенствование квалификации (получение более высокого разряда), у Жени не было шансов заработать не только на отдельное жильё, но даже на новый автомобиль (хотя бы марки ГАЗ), без которого в столичном городе местные молодые женщины не «давали». (Впрочем, с автомобилем марки ГАЗ давали тоже по большей части только девушки такого плана, как его первая, и на тот момент последняя, любовь).

В итоге супругой пролетария Жени стала та единственная, которая сочла его достойным своего внимания (и у неё на то, несомненно, были чисто прагматические причины) – его сослуживица, с которой он работал на одном предприятии, приехавшая в Москву из славного города Ашгабат. Джонни даже не утруждал себя запомнить её имя, обозначив для своего «внутреннего» словоупотребления как Женину гастарбайтершу».

Шли годы. Казалось, у Жени теперь есть всё необходимое, чтобы почувствовать себя полноценным человеком. Но когда он смотрел по сторонам, сравнивая себя с другими, у него невольно возникал сильный дискомфорт. Например, Женя очень любил свою дочку, просто души в ней не чаял, вечерами проводил много времени, играя с ней, и его по этой причине уже не встретить было бесцельно сидящим на лестнице или площадке перед домом. Но в то же время, общаясь со своими состоятельными родственниками, он то и дело болезненно осознавал, как мало он способен дать своей дочери в сравнении с другими отцами, у которых были лучшие материальные возможности.

Женя сгорал от стыда, слушая, как с чужими детьми во входивших тогда в моду «центрах раннего развития» занимались логопеды и психолухи. Разумеется, он был не в состоянии критически оценить, насколько реальная эффективность таких учреждений была ниже заявленной в распространявшейся повсюду рекламе, тем более его собеседники, отдававшие туда своих юных наследников, очень гордились результатами. Поэтому Женя обречённо думал о том, как, несмотря на всю его заботу, его дочь, в «свободной» стране, вроде как предоставляющей людям равные возможности, вынуждена будет повторить порочный цикл необразованности, и, как следствие, нищеты. Ведь в своё время Женина мама также его любила, но не в состоянии была дать ему знания, которые позволили бы добиться успеха в жизни.

В подобных ситуациях люди нередко подбадривают себя, глядя на тех, кто также оказался в жопе, но ещё глубже. Казалось бы, Жене за соответствующим примером далеко ходить не было необходимости. Ведь у того же Джонни, например, не имелось ни детей, ни жены или любимой женщины и даже какой-либо реальной перспективы ими обзавестись. Но, несмотря на это, Джонни никоим образом не завидовал Жене. Этот «парадокс Джонни» совершенно не давал Жене покоя, словно содержа в себе разгадку тайны о том, чего самому Жене не хватает для счастья или чтобы хотя бы ощутить себя полноценным человеком. Кроме того, чтобы продемонстрировать, как когда-то в детстве, своё превосходство в чём-то перед Джонни, Жене нужно было пообщаться с ним продолжительное время. Однако Джонни, у которого явно не было никаких друзей, никоим образом не стремился проявить инициативу к общению. Более того, он словно нарочно избегал продолжительного контакта.

Такая тенденция Джонни особенно отчётливо проявилась, когда они совершенно неожиданно встретились далеко от дома, на Ленинском проспекте. Джонни, как обычно, плёл по делам, погружённый глубоко в свои мысли, когда Женя, незаметно для него шедший ему навстречу, окликнул его: «Зазнался, что ли, не замечаешь?» В ответ Джонни с усмешкой извинился, после чего наступила пауза, смысл которой он уловил очень хорошо. Когда Женя встречал где-то далеко, в неожиданных местах, своих хороших знакомых, они останавливались и начинали с ним разговаривать. Либо, если человек действительно куда-то торопился, Женя считал себя вправе быть удостоенным объяснений и извинений. Со стороны же Джонни на сей раз не последовало ни того, ни другого. Джонни просто молча пошёл дальше. Однако перед тем как он повернулся, чтобы продолжить свой путь, когда его намерение стало уже слишком очевидным, Джонни на мгновение уловил взгляд Жени, сразу искажившийся злобной гримасой ненависти. Джонни прекрасно понимал: такое пренебрежение общением с другом детства непременно ему отыгнётся, а когда это случится – лишь вопрос времени, точнее, повода.

Конкретный предлог не заставил себя долго ждать. В канун 2007 года мама Джонни решила нарядить ёлочку. Конечно, в самом по себе этом факте не было ничего удивительного, поскольку она делала так каждую зиму, после чего тщетно пыталась убедить нерадивого сына хоть как-то отметить праздник. Для него же самого данное событие, подобно дню рождения, знаменовало лишь истечение ещё одного большого временного отрезка, неумолимо приближавшего его к смерти, до которой ему и так их оставалось уже немного, а потому Джонни не видел смысла это отмечать. Поэтому в итоге теперь, в последние годы своей жизни, мама наряжала маленькую искусственную ёлку, после чего звонила поздравить подруг и смотрела зомбоящик. Джонни же, как обычно и в другие дни, сидел за компом.

На этот же раз, однако, встречая 2007 год, мама непременно захотела купить «настоящую ёлку». Джонни же сначала вознамерился сделать это для неё, но потом неожиданно запротестовал, сообразив, сколько замечательных юных деревьев приносится каждую зиму в жертву традиции, в которой он не видел смысла. Джонни недооценил, однако, какой упрямой была его мама. Будучи не в состоянии дотащить с рынка целую ёлку, мама принесла оттуда кучу удивительно приятно пахнущих веточек.

Теперь Джонни чувствовал себя ужасно из-за того, что не пошёл навстречу маме, и ей пришлось всё это на себе тащить. Однако даже не чувство раскаяния оказалось для него самым неприятным в данной ситуации. Вскоре пришёл Женя, показал ему на дорожку из еловых иголок, которая вела от лифта к его квартире, и сказал: «твоя мама тут тащила эти ветки? Так вот, теперь будь добр, подмети». С одной стороны, Джонни сам считал Женино требование не сорить в общественных местах в некотором роде справедливым. С другой – Джонни совершенно не понравился тон, которым ему это было предъявлено. Словно он был каким-то школьником, которому старшие указывали, как себя вести.

Джонни оглядел лестницу. Если бы там сидели друзья Жени, Джонни бы непременно сказал: «Не надо мне говорить это таким тоном!» Интересно, он тогда полезет драться? Ну пусть попробует! – подумал цинично Джонни. Он знал: такой инцидент с Женей сделает соседей (которые, как и подобает обывателям, явно недолго любили Джонни, посмеявшегося отбиться в своих взглядах и поведении от стада «нормальных» людей) ещё более враждебно настроенными по отношению к нему. Но, с другой стороны, он не собирался и позволять Жене самоутверждаться за его счёт!

К счастью (для Жени, – подумал Джонни), поблизости никого не было, ни единого возможного свидетеля их разговора на повышенных тонах, а потому Джонни просто кивнул и сказал настолько надменным тоном (словно пытаясь донести на невербальном уровне: я делаю так, поскольку считаю правильным, а не повинуюсь тебе), насколько вышло: «Ладно, не переживай, сейчас подмету».

В следующие несколько месяцев Джонни неоднократно представилась возможность порадоваться, что тогда он не стал нагнетать конфликт с Женей. Во-первых, теперь, когда Джонни вплотную занялся дома своим компьютерным промыслом, ему совершенно не нужна была сильная враждебность соседей, движимые которой, они могли донести «куда следует» про его нелегальную деятельность. Во-вторых, ему было приятно восстановление подлинно добрососедских отношений с другом детства, несмотря на разделявшие их теперь огромные различия в уровне образования и интересах. Жене же такое сближение помогло немного приблизиться к пониманию «феномена Джонни» и осознать, в чём он может брать пример с него, чтобы не чувствовать себя таким ничтожеством в сравнении с другими людьми, вроде как добившимися в своей жизни гораздо большего.

Новый этап общения друзей детства начался, когда однажды Женя зашёл в гости и попросил собрать ему компьютер. Вначале, конечно, такое предложение не очень радовало Джонни: с соседа, да к

тому же старого товарища, много не возьмёшь, а если чем-то будет недоволен – сразу личная обида и т.д. Однако, поскольку Джонни не видел разумного и убедительного повода отказать, пришлось согласиться.

К приятному изумлению Джонни, Женя оказался очень доволен своим новым приобретением. Вопреки опасениям Джонни, Женя также не попытался превратить его в бесплатные компьютерные курсы для себя. Роль такого учителя взял на себя давний дворовый друг Жени Андрей Толстиков.

С этим удивительным парнем были связаны, пожалуй, самые приятные воспоминания юности Джонни. Да-да, именно парнем, несмотря на то, что осенью 2007 Андрею было уже тридцать шесть лет. Просто есть люди, которые со временем старятся и умирают, но никогда не взрослеют. Джонни был знаком с этим феноменом не понаслышке – ведь он, подобно Андрею, и сам был таким. Поэтому его также сильно бесило несправедливое отношение общества к таким людям.

К сожалению, даже советская власть, демонстративно размахивая лозунгом из Манифеста коммунистической партии, согласно которому «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех», на деле нередко сурово подавляла индивидуальность и самобытность человеческой личности. Это обстоятельство, возможно, было одним из важных факторов, не позволивших раскрыть на данном этапе преимущества более прогрессивной общественно – экономической формации, и приведших в итоге к гибели великой державы.

В постсоветских же условиях, несмотря на царящую повсюду вседозволенность в плане принуждения и обмана человека человеком, дерьмократическое общество не выказывало особо своей хвалёной толерантности к тем, кто посмел не рваться вместе со всем стадом стать сытой, самодовольной потреб***. Верноподанным государственным идеологам, выражающим интересы олигархов, важных чиновников, депутатов и прочего крупного ворья (знают ослы ясли господ своих!) подпевал хор журналист, психологов, бизнес – тренеров и т.д. Эти шавки, подсутившиеся нажиться, трахая мозг людям за их же деньги, в своём тьяканье клеймили многих замечательных, неординарных людей, не сумевших продать себя, подобно шлюхам, в условиях новой реальности, неприспособленными к жизни инфантилами.

Но Джонни было плевать на мнения и проповеди лакейской своры. Для него Андрей, хоть Джонни волею судеб давно с ним не общался, всегда оставался неизмеримо выше «нормальных» людей – этих агрессивных леммингов, орущих друг на друга в окна своих пластмассовых автомобилей, их наглых жён с самомнением и амбициями, за которыми не было ничего, кроме дырки и т.д. Джонни не хотел быть им другом, как и они ему. Но Джонни почти двадцать лет спустя с благодарностью вспоминал долгие ночные разговоры с Андреем о компьютерах и программировании, о структуре Вселенной и смысле жизни, и даже о девушках. Возвращаясь мыслью к тем беседам, Джонни отчётливо представлял себе добродушное лицо товарища, как тот, смеясь, показывал свои три подбородка. И теперь, совершенно не имея друзей, Джонни никоим образом не сожалел об отсутствии в его жизни «нужных», влиятельных людей, способных открыть перед ним тайные дорожки, ведущие наверх. Ему не хватало рядом душевного и понимающего человека, каким был для него в своё время Андрей.

Свою удивительную доброту Андрей унаследовал от своего отца. Точнее, от человека, формально числившегося таковым, посрамив тем самым социал – дарвинистов, считающих доминантную залупу, впрыскивающую генетический материал, более важным инструментом формирования личности, нежели живое общение отца с сыном.

В годы юности Джонни считал Анатолия Толстикова – человека, которого Андрей когда-то называл своим папой, – достойным примером, которому он хотел бы подражать в своей жизни. За исключением, пожалуй, преждевременного ухода из жизни. Тогда, впрочем, Джонни, со своим очень слабым здоровьем, не надеялся прожить даже 34 года.

Когда Толя рос, у него была благородная мечта – стать изобретателем, чьи проекты сделают жизнь людей лучше. Тогда у многих советских детей были подобные высокие стремления (многие, кстати, мечтали стать космонавтами), в противоположность, скажем, подрастающему поколению России в начале XXI века, жаждавшему денег и власти. Толя активно интересовался техникой, видя, как холодильник помогает сохранять продукты, которые иначе бы просто испортились, а радио и телевидение позволяют передавать важные сведения на большие расстояния практически мгновенно, со скоростью света. Ещё будучи школьником, он стал хорошо разбираться в электронике и много ковырялся с ламповыми приёмниками.

Понимая, как важно для реализации его грандиозных планов получить серьёзное образование, Толя окончил Физтех (Московский физико-технический институт) и аспирантуру там же. Став к 25 годам кандидатом наук, он был направлен на работу в закрытый исследовательский институт, где занимались проектированием космической техники.

Анатолий очень много работал, и казалось, его жизнь складывалась почти образцово-показательно для молодого советского специалиста, но его мама всё чаще и прозрачней стала ему намекать: «хорошо бы тебе жениться». С одной стороны, конечно же, он был не против, и сам иногда подумывал об этом, но с другой – понимал, какая это ответственность, отнимающая значительное время. Да и потом, у него, слишком замкнутого на работе в строго мужской компании, никого и не было на примете.

Так продолжалось примерно пару лет, пока однажды Анатолий не встретил ослепительно очаровательную девушку, сразу же покорившую его сердце. Он невольно поражался тому, как неожиданно много общего (по крайней мере, складывалось такое впечатление) у него с этим милым созданием. К тому же, Толя обычно робел и терялся перед девушкой, не зная о чём с ней говорить, а тут не мог не поражаться

тому, как складно лился их разговор. Но главное – эта чудесная девушка сказала ему: «Ты хороший. Ты мне очень нравишься». Они поженились.

Много лет спустя, вспоминая эти слова, очень напоминавшие однажды сказанные ему Леночкой, Джонни испытывал невыносимое сожаление от невозможности вернуться в прошлое и расспросить Марью Ивановну, бабушку Андрея, о женщине, погубившей её сына.

По крайней мере, сама Марья Ивановна не сомневалась, кто «испортил кровь» Анатолию. А Джонни находил примечательным, насколько это утверждение оказалось верным в некотором зловещем буквальном смысле. Когда Андрей только заканчивал первый класс, Анатолий начал буквально на глазах бледнеть и вянуть, а всего через несколько месяцев, несмотря на попытки лечения, умер от агрессивной формы гематологического рака, вероятно, лейкемии (Джонни не решился поинтересоваться у Марьи Ивановны диагнозом, да и какое это могло иметь значение, когда человека уже нет).

Очевидно, Марья Ивановна придерживалась своего рода «психосоматической» версии относительно причин преждевременной кончины сына. Она видела, как он тихо страдал, несмотря на его усилия держать переживания в себе. Анатолий словно чувствовал себя человеком, которого очаровательная фея поманила за собой в сказку, только чтобы незаметно обернуться злой волшебницей.

Но он ни в чём её не упрекал. По-прежнему очень много работал, даже, наверное, ещё больше, в значительной мере за счёт своего сна, в том числе, чтобы иметь возможность удовлетворять возраставшие материальные запросы своей супруги. Заботу о малыше практически полностью взяла на себя Марья Ивановна, так как его матери, судя по всему, было на него наплевать – она больше интересовалась собственными шляпками – гулянками. Марья Ивановна же в значительной мере занималась поддержанием домашнего хозяйства.

Анатолий не винил свою жену ни в чём. Ему просто очень горько и тяжело было видеть, во что она превратилась. Возможно, разбирайся Анатолий лучше в людях, он бы понял, что на самом деле эта коварная женщина и была такой всю дорогу, лишь время от времени делая усилия, как в период знакомства с ним, произвести на людей выгодное ей благоприятное впечатление. Конечно, Анатолий был очень образованным и думающим человеком. Однако у него практически отсутствовал опыт общения с реальными людьми, включая девушек – ведь с ранних лет он проводил практически всё своё время с книжками и журналами по математике, физике и инженерному делу, а также ковыряясь с электроникой.

Будучи шокирован открывавшейся ему реальной личностью его жены, Анатолий теперь стремился вместо неё подарить всю свою любовь маленькому кусочку её. Анатолий прекрасно понимал: биологически, это была частичка её, не его. Рассчитывая траектории межпланетных станций, Анатолий был не в состоянии разобраться, кто настоящий отец маленького человечка, которого он называл своим сыном. Но, несмотря на это, Анатолий и Марья Ивановна очень любили маленького Андрюшу. Анатолий часто вечерами сажал его себе на колени, показывая ему в книжках космические корабли, большие умные вычислительные машины и т.д. Анатолий мечтал когда-нибудь передать сынишке свои знания, чтобы тот мог продолжить его работу на благо прогресса человечества. Увы, болезнь, оборвавшая жизнь Анатолия, помешала реализации этой идеи.

После кончины Анатолия Андрюшкой занималась Марья Ивановна, фактически «выкупившая» его у матери. Конечно, Марья Ивановна понимала, что бывшей невестке он совершенно не интересен – у той занятия повеселее есть. Но когда потребовала отдать ей внука, получила решительный отказ. Попыталась даже угрожать судом, но в ответ, словно плевок в лицо, получила насмешливое: «Даже не надейтесь. Решится в мою пользу. Я мать». Марья Ивановна вышла из себя: «Да какая ты мать, если ты ребёнком своим заниматься не хочешь? Всю чёрную работу я делала за тебя! Ты просто ленивая мразь! Шлюха подколодная!»

Но это были всего лишь эмоции. Когда Марья Ивановна рассказывала эту историю Джонни, тогда ещё 15-летнему подростку, ему уже хорошо было знакомо то отвратительное чувство, когда ты убеждён в своей правоте, но все люди словно объединились против тебя, а на твоей стороне нет никого, кроме собственного обострённого чувства справедливости. Как очень болезненно для себя убедилась Марья Ивановна, «эта тварь словно околдовала всех», в том числе работников компетентных органов, от которых зависело решение этого вопроса. Марья Ивановна так и не поняла, как и каким местом «эта стерва» так ловко всё устроила в свою пользу. В отчаянии, Марья Ивановна была вынуждена сесть за стол переговоров с «гадиной» и выкупить внука у его матери в обмен на квартиру, где они жили с Анатолием.

Рассказывая эту историю Джонни, Марья Ивановна неустанно повторяла: «Если соберёшься жениться, как бы ты её ни любил, какой бы хорошей она тебе ни казалась, НИКОГДА НЕ ПРОПИСЫВАЙ ЕЁ НА СВОЕЙ ЖИЛПЛОЩАДИ!» Марья Ивановна очень хорошо относилась к Джонни, считая его «очень хорошим мальчиком», а потому искренне желала ему добра, словно он также был её внуком. Так, впрочем, тогда относились к нему многие женщины постарше, в отличие от сверстниц, которые были о нём невысокого мнения.

Впоследствии, много лет спустя, уже после Леночки, вспоминая тот разговор с Марьей Ивановной, Джонни чуть ли не волосы рвал на себе оттого, что тогда, четверть века назад, не желая расстраивать собеседницу, бередя прошлое и напоминая о женщине, угробившей её сына, стеснялся задавать вопросы. Ведь даже в те наивные юношеские годы он невольно заочно чувствовал ненависть к женщине, с которой никогда не был знаком, – настолько её бессовестное, беспардонное поведение болезненно попирало развитое в нём уже тогда чувство справедливости. Даже тогда его не волновали вопросы, которые заинтересовали бы

обывателей, типа, как ей удалось присвоить себе квартиру на юридическом уровне – для Джонни такие прагматические моменты блекли в сравнении с моральной стороной проблемы.

Теперь же ему не давала покоя мысль: наверняка, мать Андрея Толстикова была психопаткой. Конечно, трудно с уверенностью ставить диагноз женщине, о которой тебе рассказали однажды двадцать пять лет назад. И всё-таки, судя по тому, что он о ней тогда слышал, было очень на то похоже.

Оставшись жить вдвоём с внуком, любящая бабушка Андрея решила не повторять ошибку, которую она, как ей казалось, в своё время совершила с сыном. Анатолий с ранних лет был настолько увлечён своими занятиями, что обычно не находил даже времени толком поесть. А потому, несмотря на все старания своей мамы, не прибавлял в весе. Глядя на них, многие родственники и знакомые, не в силах сдерживать бестактное любопытство, интересовались у Марьи Ивановны, почему у неё, крупной (очевидно, эвфемизм, чтобы не говорить «толстая» или «жирная») женщины, такой худенький сынок. И хотя Марья Ивановна считала главной виновницей преждевременной кончины сына невестку, она связывала неспособность его организма изначально противостоять возникновению страшной болезни с систематическим недоеданием. У Марьи Ивановны, также, видимо, отложилось кошмаром в памяти, как в последние месяцы своей жизни Анатолий, у которого после множества сеансов химиотерапии даже при всём желании попытки поесть часто сопровождались рвотой, стал напоминать самый настоящий скелет.

С Андрюшкой Марья Ивановна стала действовать более решительно. Она стала готовить ещё вкуснее (сладше и жирнее) и не разрешала ему выходить из-за стола, пока он не съедал всё, что было на тарелке. Джонни однажды довелось испытать на себе, как это происходило, в тот самый день, когда Марья Ивановна рассказала ему подробно про родителей Андрея. Дело было так: Девятиклассник Джонни с его фанатичным интересом к компьютерам однажды засиделся в кабинете информатики. А когда пошёл домой, то оказалось, что его бабка ушла в поликлинику, т.к. ей был назначен приём у врача.

Заметив Джонни сидящим на лавочке у подъезда, Марья Ивановна поинтересовалась, почему он не идёт домой. Когда Джонни назвал причину, Марья Ивановна первым делом спросила, обедал ли он. На что Джонни честно ответил, что не ел с утра. Конечно, Джонни догадывался, каковы будут последствия, да собственно, на них и рассчитывал, мрачно подумав о том, как плохо для его больной печени так долго сидеть без пищи. Марья Ивановна в ужасе всплеснула руками: «Разве так можно?!», привела его к себе домой и усадила за стол. Джонни ел не торопясь, тщательно пережёвывая пищу, чтобы иметь возможность как можно дольше слушать удивительную историю семьи, в которой родился Андрей. Когда Джонни доел содержимое последней поставленной перед ним тарелки и наотрез отказался от добавки, настойчиво предлагавшейся Марьей Ивановной: «Ты почему так плохо кушаешь? Давай я тебе ещё положу?», у него не было сил подняться. Сразу же возникла тревожная мысль: «Я сейчас схохну, или, как минимум, пролблюсь. Похоже, такое обжорство пользы больной печени тоже не принесёт!» В то же время, встать было просто необходимо, так как дальнейшее сидение за столом непременно интерпретируется Марьей Ивановной как завуалированный сигнал покормить ещё, не обращая внимания на протесты. Поэтому Джонни, переполненный едой и впечатлениями, кое-как поднялся и пополз в направлении своей квартиры, расположенной в соседнем подъезде, где его уже ждала бабка, вернувшаяся домой...

Андрею же бескомпромиссная политика бабушки в вопросах питания отпрыгнулась не только количеством и размерами адипоцитов в его организме, но и негативными социальными последствиями. Так, в школе он стал постоянной мишенью насмешек и издевательств, связанных с тем, насколько он соответствовал своей фамилии. Эти систематические унижения со стороны одноклассников настолько отравляли ему жизнь, что Андрей даже несмотря на отличную успеваемость и реальную перспективу поступить в высшее учебное заведение решил не оставаться в старших классах, чего, наверное, очень бы хотел для него его отец, т.е. Анатолий, если бы был жив.

Вместо этого Андрей поступил в техникум, чтобы учиться по интересовавшей тогда многих юношей более «домашнего» склада специальности программиста ЭВМ. В новом учебном заведении ему очень пришлась по нраву среда, в значительной степени состоявшая из если не ботаников, то, как минимум, компьютерных задротов, которые, естественно, его не обижали.

По окончании техникума Андрей без труда нашёл себе работу по специальности в компании, выпускающей обучающее программное обеспечение. Он был, можно сказать, находкой для работодателей. Выполняя работу очень грамотно и более ответственно, нежели многие, Андрей был готов трудиться за небольшую зарплату. Собственно, он бы так и довольствовался небольшим окладом, если бы вокруг него не развернулась интересная ситуация: другие организации того же профиля стали наперебой предлагать ему перейти к ним, предлагая более высокое вознаграждение. Тогда начальство его фирмы, чтобы удержать ценного работника, в качестве «жеста доброй воли» повышало ему ставку.

Джонни было интересно узнать от своей бабки, обобщившейся с Марьей Ивановной, эти новости о жизни бывшего товарища, с которым он не контактировал после того, как закончил школу. Однако они были, в принципе, предсказуемы. Куда больше Джонни поразило известие о женитьбе Андрея. С одной стороны, он, конечно, был рад за товарища. Ведь у Андрея, подобно Жене Терновскому (который на тот момент ещё не встретил свою гастарбайтершу), да и самому Джонни, была стойкая репутация «у него никогда не будет девушки». С другой, как только Джонни это узнал, у него сразу же возникло ощущение: «Так не бывает! Здесь непременно должен быть какой-то подвох».

Первое предположение было: «наверное, какая-нибудь понаехавшая, лимитчица, решила через доброго мальчика Андрюшу проложить себе путь в «не резиновую»». Однако эта версия представлялась совершенно неправдоподобной. Ведь Марья Ивановна совершенно чётко высказывалась о перспективе женитьбы внука на приезжей с пропиской её в их квартире, как «только через мой труп»! Да и не было уже у боевой бабули, после фактического дарения одной хаты психопатке – матери Андрея, лишних апартаментов!

Сгорая от любопытства, Джонни умолял выяснить хоть что-нибудь про Андрея через Марью Ивановну свою бабуку, которая хотя и не питала большого интереса к людям, но в то же время не брезговала сбором и активным разносом сплетен. Однако сведения, выясненные и сообщённые ему его бабушкой, только ещё больше заинтриговали Джонни, сделав распирившее его любопытство поистине невыносимым. Как оказалось, супруга Андрея была москвичкой, дочерью отставного генерала, и новобрачные поселились в её трёхкомнатной квартире.

Джонни прекрасно понимал: его бабука не станет сочинять такие вещи. Значит, это было правдой. Но как же тогда выяснить подробности? Он не находил себе места. Пытаться дать бабушке задание в разговоре с Марьей Ивановной выяснить интересующие его вопросы совершенно бессмысленно: явно недолюбливающая его бабука поступит в точности наоборот, хотя бы ему назло. Пытаться под дверью незаметно подслушивать разговоры Жени с его друзьями в надежде услышать историю про Андрея представлялось слишком непродуктивной тратой времени, даже несмотря на все шансы такой неожиданной женитьбы стать хитом их обсуждений ввиду непредвиденности случившегося.

Не в силах сдерживать своё любопытство, Джонни решил играть ва-банк и обратиться к Жене с прямым вопросом. А если тот спросит: «с какой целью интересуешься?», то можно ответить, мол, Андрея тут не видно, просто интересно, куда он делся? И поскольку Андрей живёт там со своей женой, то здесь его действительно не видно, а потому такая формулировка не должна настораживать.

Карманные мужья и жёны

Услышав вопрос об Андрее, Женя засветился энтузиазмом. Хорошо чувствовалось, как он гордится своим знанием про удивительные события, имевшие место в реальной жизни. И был рад изложить их как можно подробнее. А история, которую поведал Женя про супругу Андрея, была такова:

Как Джонни и предполагал, союз с Андреем был не первым браком в жизни Марины (так звали его супругу). Прежнее замужество более соответствовало её социальному статусу, представляя собой соитие старой и новой аристократии. Точнее, печальную повесть о том, как нарождающаяся дерьмократия отыгмела отживающую военную бюрократию, или «малиновые пиджаки вырубают советский вишнёвый сад».

Отец Максима, первого супруга Марины, был депутатом первого созыва, очень гордившимся своей близостью к «команде Ельцина», а также (менее гласно) своей дружбой с теми очень богатыми и влиятельными персонами, в чьих интересах фактически проводилась политика, формально отправлявшаяся пьяненькой марионеткой, номинально руководившей страной.

Пользуясь нужными связями своего отца, Максим организовал бизнес на квартирах одиноких пенсионеров. Дела у него пошли в гору, так как недвижимость стоила дорого, а жизнь стариков – очень дешево. К тому же, у Макса, как выразительного представителя героев новой эпохи, не было моральных заморочек. Он руководствовался в своём бизнесе двумя золотыми правилами: «цель оправдывает средства» и «деньги не пахнут». А потому даже люди, победившие в Великой отечественной войне, были для него всего лишь человеческими отбросами, отжившими своё, которым пришло время закончить своё не нужное уже особо никому существование.

Но Марина, ставшая невестой Максима, не вдавалась в подробности его бизнеса. Не женское это дело, как говорится. Для неё он был в первую очередь настоящим мужчиной, который не жаловался на жизнь, не ныл о царящей повсюду социальной несправедливости и низкой зарплате, а уверенно шёл к своей цели и добивался успеха. Рядом с ним, ей не нужно было беспокоиться о своём будущем и будущем своих детей. По крайней мере, так ей казалось, когда она выходила за него замуж.

Однако в процессе семейной жизни с Максимом Марину всё чаще стало посещать отрезвление суровой реальностью жизни «не с деньгами, а с человеком». Момент же истины наступил для неё, когда она лежала в больнице с поздним токсикозом, будучи беременной их третьим ребёнком. Неожиданно для самой Марины, её стали одолевать всё более сильные подозрения, которыми она после мучительных раздумий решила поделиться с Максимом, в результате чего между ними случился примерно такой разговор:

– Мне последнее время кажется, ты от меня что-то скрываешь!

– Почему тебя это смущает?

– Я хочу знать правду.

– Иногда лучше не знать всего. Поверь. Так лучше для тебя. Правда может сделать тебе очень больно. Или ты мазохистка? (Максим усмехнулся, сделав при этом, как показалось Марине, презрительное выражение лица)

– Пожалуйста, будь так добр, предоставь мне самой решить, как для меня будет лучше!

– Твоё дело. Только потом не жалуйся!

– Ну а коль скоро мы это прояснили, я хотела бы получить прямые ответы на некоторые вопросы.

- Как скажешь.
- Итак, где ты был вечером в субботу?
- Встречался с девушкой.
- Для ...?
- Нет, для философских дискуссий!

В репликах Максима чувствовалась жестокая насмешка, но ни капельки раскаяния. Марина вдруг почувствовала, как ей стало трудно дышать и губы её задрожали. Тем не менее, она всё же нашла в себе силы поинтересоваться дрогнувшим голосом:

- Тебе не стыдно?
- Почему мне должно быть стыдно? Моя природа просит своего, ты сейчас не в состоянии, какие у меня ещё варианты?!
- А ничего, что я в это время лежу в больнице и жду твоего третьего наследника?
- И чё? Мои тайные свидания тебе мешают ждать наследника? Он от этого в процессе родов у тебя в п**де застрянет?!

Изо всех сил сдерживая слёзы обиды, Марина попыталась объяснить, как важно для неё в трудную минуту, когда она готовится к рождению их совместного ребёнка, знать, чувствовать, что муж её любит и думает о ней, а не спит с другой женщиной. Максиму, однако, эта ситуация представлялась совершенно иначе. Он считал Марину неблагодарной дрянью и просто дурой. Её практически при первых жалобах положили в специализированную больницу, где за ней был превосходный уход. Потом она отправится рожать в элитный роддом, куда не кладут всякое быдло (так Максим привык называть людей с доходами на несколько порядков ниже, чем у него). И все эти возможности обеспечил ей он. А она за это кидает ему свои тупые бабские предьявы о «предательстве» с его стороны – вот ведь неблагодарная тварь! И на каком основании?! Вон, обычные мужики – простое быдло, чуть что баба его ему слово наперекор скажет, так он ей сразу может так накапать по е**лу – мало не покажется. И денег при этом особо не даёт, так как сам пропивает. А он, Макс, обеспечил своей такой комфортный уровень жизни, о котором она без него могла только мечтать, так она ещё и недовольна, непочтительная сука!

И ладно, он бы увлёкся кем-то серьёзно, на содержание взял... Так нет, всего-то трахнул пару раз без каких-либо долгосрочных обязательств. И уже такая истерика! Потом, он даже в этом позаботился о жене – не хотел ей говорить. Но нет, ей, видите ли, захотелось узнать правду! Ну раз так хочешь – получай, только не жалуйся потом, ведь как тебе лучше хотели!

После этого и ещё нескольких подобных разговоров Марина провела не одну бессонную ночь, всхлипывая от обиды. Но потом словно сказала себе: стоп! И с тех пор больше не обсуждала с Максимом тему супружеской верности, не пыталась его в чём-то убеждать или упрашивать. А однажды, как только немного пришла в себя после родов, подала в суд заявление о разводе.

Максим вначале даже не воспринял происшедшее всерьёз. Тонем, каким обычно деспотичные родители отчитывают своих детей, он поинтересовался у Марины: что за тупая выходка? Затем, поняв, что она не шутит, принялся снисходительным тоном уговаривать (пока ещё) жену не совершать ошибку, о которой, по его мнению, она впоследствии непременно пожалеет. Наконец, видя твёрдое нежелание Марины идти на попятную, Максим принялся откровенно ей угрожать.

К его удивлению, однако, прежде обычно робкая с ним Марина отвечала ему не просто уверенно, но даже с некоторой насмешкой. Мол, даже если он захочет её совсем убрать с лица земли, она заранее позаботится, чтобы его оперативно поймали. И тогда у него на протяжении лет двадцати, которые ему присудят как убийце матери своих детей, секс будет возможен только с другими мужчинами через анальное отверстие.

После развода с Максимом Марина осталась одна с тремя детьми. Правда, им нашлось, где жить – безвременно ушедший из жизни отец оставил ей в наследство трёхкомнатную квартиру.

К огромному разочарованию Джонни, Женя не мог сообщить ему подробностей того, как Марина сошлась с Андреем Толстиковым. То ли Андрей не рассказал Жене об этом, то ли, скорее, попросил больше никому об этом не говорить. О, как Джонни хотел, чтобы Женя поступил в этой ситуации так, как обычно делал он сам. Когда Джонни сообщали какую-нибудь тайну, особенно если весьма пикантную, прося об этом никому не рассказывать, он старался, но не мог сдержаться, не поделиться с кем-нибудь ещё, не забывая, правда, также попросить собеседника хранить секрет. В итоге, как обычно бывает в таких случаях, тайное становилось явным, круг замыкался, и Джонни получал пи***. Он тогда считал себя немного виноватым, но не очень сильно, рационализируя своё неумение хранить секреты тем, что если бы люди действительно не хотели предавать какие-то сведения гласности, то не делились бы ими вовсе.

Но, как бы там ни было, Женя сообщил Джонни только, что Марине Андрея порекомендовали друзья, сталкивавшиеся с ним по работе, как очень хорошего специалиста, когда у неё были проблемы с ноутбуком. Андрей несколько раз приезжал, учил Марину работать на компьютере. Так, собственно, и познакомились. Со временем они стали говорить не только про технику. Марина обратила внимание, как Андрей любит детей, как у него хорошо получается играть с ними. А главное – с естественной непосредственностью, словно он ещё сам не забыл, как быть ребёнком. Видимо, Андрей на самом деле просто так и не вырос из детства, – цинично подумал Джонни, слушая рассказ Жени.

Не меньше удивляла Джонни и позиция Марьи Ивановны. Конечно, с одной стороны можно было понять её чувство гордости за любимого внука, переехавшего к генеральской дочери в её трёхкомнатную квартиру. С другой, трое чужих детей – это разведёнка даже не с прицепом, а с грузовым составом! Да, целый грёбаный бронепоезд тащит за собой! – цинично высказался Женя, прозрачно намекая на происхождение Марины из семьи военных, когда Джонни поделился с ним своими соображениями по этому поводу.

Самого Андрея, однако, это как будто совершенно не смущало. Он с энтузиазмом дарил своей супруге практически всё своё внимание и заботу, охотно возился по хозяйству, занимался детьми. Словно желая радовать жену даже своим обликом, Андрей, который теперь много времени уделял физической активности, стал выглядеть подтянутым, если не сказать спортивным. Когда Женя рассказал об этом, Джонни даже не хотел ему верить, пока однажды с удивлением сначала не узнал в стройном мужчине, подъехавшем на автомобиле к соседнему подъезду, Андрея. Да-да, Андрей получил права и сам теперь водил машину. Сначала он рулил на «мерине» своей жены, а затем приобрёл себе новенькую Ауди А4, которой был очень доволен.

Таким образом, несмотря на циничные комментарии и смешки знакомых относительно разведёнки с бронепоездом, Андрей чувствовал себя, можно сказать, счастливым молодожёном. Фактически, единственной пострадавшей в результате его вступления в брак на тот момент оказалась только его бабушка Марья Ивановна. Сначала, конечно, она тоже вроде как была очень рада семейному счастью внука и гордилась событием перед соседками под двору (включая бабку Джонни). Но вскоре почему-то принялась тосковать и переживать за внука, который, к тому же, как ей представлялось, «худел на глазах». Последнее обстоятельство, наверное, также не могло не напомнить Марье Ивановне трагическую судьбу её сына Толи. Возможно, она к тому же теперь постоянно чувствовала себя очень одинокой, даже несмотря на регулярные визиты Андрея, который стремился навещать бабушку минимум пару раз в неделю.

Словно не имея возможности найти иные радости в жизни, Марья Ивановна принялась искать утешение в еде, которую потребляла теперь за себя и за Андрюшку. Тем самым, учитывая её состояние здоровья, она фактически рыла себе могилу столовыми приборами. Не остановила Марью Ивановну даже ампутация пальца, а затем и всей стопы вследствие осложнений диабета 2 типа. И через считанные месяцы она умерла в результате осложнений ещё одной подобной операции.

Похоронив бабушку, Андрей несколько лет жил с Мариной душа в душу. Самым большим разногласием между ними были неоднократные замечания Марины о том, как много времени дети проводят за компьютером, в чём она винила Андрея, увлекшего их играми и интернетом. Впрочем, нетрудно было понять чувства Марины, толкавшие её на предьявление подобных претензий: ей было обидно видеть, как родные дети проявляли значительно больший интерес к общению с отчимом, нежели с ней.

Ситуация начала меняться коренным образом по мере того, как дети переходили в старшие классы. Между Мариной и Андреем стала расти всё более высокая преграда финансовых и статусных разногласий. И основным поводом, снова и снова провоцировавшим конфликты, стало, по-видимому, следующее обстоятельство.

Марина, подобно многим матерям, хотела, чтобы её дети добились успеха в жизни. А для этого, как ей представлялось, им необходимо было хорошо выучиться. Конечно, её первый муж Максим, у которого, несмотря на (несомненно, фактически купленный) диплом престижного вуза, реальный уровень знаний был выразительно на квадратном лице написан, прекрасно обходился без этого. Однако у Макса был влиятельный отец, в своё время проложивший ему дорожку. У детей же Марины был всего лишь отчим Андрей, который хотя и являлся незаурядным специалистом в своей области, с точки зрения статусной был всего лишь программистом, а это не круто.

При таком раскладе, для получения конкурентного преимущества перед сверстниками, детям нужно было получить достойное образование. А источником его могла стать только элитная школа. Это печальное явление, к сожалению, имело место ещё в Советском Союзе. Но при новой, дерьмократической власти оно стало значительно более выраженным. Социальные корни его были очевидны. Политикам, подобным отцу Максима, а также крупному капиталу, стоявшему за ними, не нужны были знающие и мыслящие люди, способные критически оценивать политику правительства, а также продукты и услуги, предлагаемые различными ветвями бизнеса. Новой власти требовалось быдло, пашущее с утра до вечера на своего хозяина за копейки, возможно, даже в долг, который никогда не будет возвращён.

Руководствуясь упомянутыми прагматическими соображениями, Марина стремилась перевести своих детей из обычной в «самую лучшую» школу (которую её продажная администрация попеременно именовала то лицей, то гимназия, словно примеряя, какое наименование принесёт больше дохода). Но это требовало значительных материальных затрат на «благодарность» важным людям, которые в этом содействовали. Ведь капитализм является обществом равных возможностей лишь в демагогических проповедях его идеолухов. В суровой же реальности несколько процентов плесени, находящиеся на самом вершине социально-экономической лестницы, имеют прекрасную возможность передать собственный успех по наследству своим потомкам. Конечно, идеолухи очень любят приводить на сей счёт контрпримеры тех, кто выбился «из грязи в князи», однако те, кому это удалось, достигли этого обычно не приобретением серьёзных знаний, а благодаря чертам личности, делающим их таким дерьмом, что обществу было бы лучше, если бы они так в грязи и оставались!

А для Марины ситуация с образованием детей была также в некотором роде делом чести. Ведь когда она разводилась и расставалась с Максимом, как ей тогда хотелось верить, навсегда, он цинично бросил ей: *твои* (он мог позволить не считать их своими, располагая возможностью в будущем ещё не раз иметь детей, и даже не от одной женщины!) дети без меня вырастут нищими неудачниками! С тех пор её поступки были словно во многом продиктованы стремлением доказать бывшему супругу, насколько он был неправ, особенно в отношении жизненных перспектив детей.

Однако, как стало всё больше выясняться по мере перевода наследников в элитную школу, реализация этих амбиций Марины легла тяжёлым финансовым бременем на её семью. Как оказалось, взятки за поступление, представлявшие ей разорительными, были ерундой в сравнении с расходами, предстоявшими далее. Не выглядели серьёзными уже и возмутительные поборы на охрану (хотя, казалось бы, от кого охранять-то? От педофилов? Так нынешняя школоту скорее сама педофила изнасилует!) и т.д.

Значительно более ощутимые траты были продиктованы следующим обстоятельством: Учащиеся элитных учебных заведений с младых ногтей были ориентированы на успех, на победу. Для них даже в ранние годы жизнь представляла собой арену крысиных бегов. Поэтому уже в столь юном возрасте у них была сильная потребность демонстрировать своё якобы превосходство перед другими. Но в чём?

В спорте? Для них это не очень удачный вариант, так как вон многие представители низшей расы бегают, прыгают и играют в баскетбол так, что за ними не угонишься. Потом, соревновательный спорт – тяжёлый труд, требующий постоянной работы над своим телом, дисциплины, отказа от ряда дурных привычек и т.д. Нет, не годится это! К тому же, спортсмены, даже известные – это в некотором роде челядь владельцев команд, которую можно покупать и продавать.

В учёбе? Так это удел «ботаников» и задротов, которые потом в итоге становятся нищими учёными, преподавателями и т.д. К тому же, как убедительно свидетельствует реальный уровень базовых знаний у многих политиков, олигархов и т.д. на постсоветском пространстве, для достижения успеха во власти и бизнесе в серьёзном учении никоим образом нет насущной необходимости. А если у них будет потребность, скажем, в целях пиара, блеснуть своим образованием, они всегда могут позволить себе приобрести вполне легитимно выглядящие атрибуты – красные дипломы самых престижных заведений, учёные степени и т.д. Соответственно, этот вариант демонстрации своего превосходства тоже не годится.

Таким образом, как показывают подобные аргументы, круче всех тот, кто способен подчинить себе или приобрести в свою собственность значительную часть мира. В результате, именно демонстрация своих ресурсов становилась во многих случаях предметом статусного состязания среди учащихся престижных школ. А определив своих детей в такое учебное заведение, Марина оказалась втянутой в подобную игру. Однако сама она по очевидной причине сначала не работала, сидя с тремя детьми, а затем трудоустроилась скорее с целью почувствовать себя «сильной и независимой женщиной», нежели ради высокой зарплаты. Таким образом, вся тяжесть финансового обеспечения материальных понтов её детей легла на плечи Андрея.

Вначале он был даже рад делать им приятное, видеть их благодарные улыбки и всё такое. Но вскоре, по мере того как запросы начали резко расти, Андрей понял: ему не потянуть эту гонку. Осознав это обстоятельство, он попытался откровенно поговорить с ребятами. В своём обычном стиле, вежливо, добродушно и терпеливо, Андрей изложил свою позицию: главное – сам человек, а не его собственность.

Возможно, будь это всего лишь абстрактный спор по общим вопросам, дети Марины в чём-то и согласились бы с Андреем. Однако в реально сложившейся ситуации у них практически не было выбора: правила крысиных бегов устанавливали не они. Им оставалось только принять игру или отринуть. Однако последнее на практике означало противопоставить себя коллективу, сделаться изгоями и спровоцировать в свой адрес унижения и остракизм. А это было бы невыносимо для подростков, которым так важно быть принятыми в компании сверстников. Соответственно, какой смысл тогда в переходе в элитную школу, если жизнь в ней становилась адом?

В результате, по описанной причине, дети Марины невольно начинали рассматривать Андрея как предателя, из-за которого (в силу его материальной несостоятельности и вытекающей из неё неспособности вооружить их атрибутами «достойного» уровня жизни) одноклассники смотрят на них, как на презренных нищих.

Но в этой ситуации на помощь своим потомкам неожиданно пришёл Максим. Он хорошо знал, что им нужно в сложившейся ситуации и мог без напряжения это обеспечить. Подростки, неожиданно познакомившиеся со своим «настоящим» отцом, сразу же завалившим их подарками, смотрели на него восторженными глазами. А Андрей Толстикова оказался совершенно не у дел. Дети, в которых он долгие годы вкладывал столько усилий, и, можно сказать, всю свою душу, воспринимали его теперь как презренного неудачника, вынужденного, по сути, функционировать в роли гувернёра в чужой семье. В котором, к тому же, теперь практически отпала необходимость.

Наблюдая ситуацию в новой школе, а также общаясь со своим родным отцом, эти подростки быстро впитывали «великую мудрость» жизни в новых условиях: мир будет жить по твоим правилам, если у тебя достаточно власти и средств их устанавливать. Знания не имели ценности в сравнении с обладанием материальными ресурсами. Во всяком случае, если говорить не про сведения о том, где что плохо лежит и как можно урвать для себя (которые, безусловно, могли иметь значение), а о содержании базовых школьных дисциплин.

И за иллюстрациями из жизни не нужно было далеко ходить. Например, с точки зрения обычного человека, Максим был куда успешнее Андрея, несмотря на значительно более высокий уровень реальной образованности последнего. И даже учителя, тщетно пытавшиеся донести до детей Максима и Марины знания по школьным дисциплинам, оказывались теперь нищими представителями презренной касты.

Соответственно, при таком раскладе эти отпрыски уже совершенно не нуждались в помощи Андрея при выполнении домашних заданий. Ведь если им будет нужно, они могли теперь легко приобрести на деньги своего настоящего отца любые школьные проекты уже в выполненном виде. Да и в этом, собственно, также не было необходимости, поскольку при таком подходе проще сразу потом приобрести отличные результаты пресловутого ЕГЭ, диплом престижного вуза, учёную степень и т.д.

Тяжело переживая перемену, происшедшую с его воспитанниками и осознавая бесперспективность обсуждения этого вопроса с ними, Андрей попытался серьёзно поговорить с Мариной. Он подробно рассказал о своих взглядах на справедливость и о том, как Максим гребёт деньги. Однако Марина не только совершенно не поддержала Андрея, но и сказала, что он ведёт себя не по-мужски. Ты просто ему (Максиму) завидуешь, – заявила она.

Эта унижительная отповедь со стороны женщины, для которой Андрей сделал так много за последние годы, так поразила его, что он повёл себя совершенно неожиданным образом. Всю предшествовавшую жизнь самые ответственные решения в жизни Андрея принимались, по сути, другими людьми. Сначала это была Марья Ивановна. Затем Марина, которая, если смотреть на её брак с Андреем с точки зрения традиционных ролей мужчины и женщины, фактически выдала его замуж за себя. Теперь же, можно сказать, впервые за всю свою жизнь, Андрей проявил инициативу. Он не устраивал скандала и ни в чём не упрекал Марину, а просто в один прекрасный день, даже не забрав свои вещи, уехал из квартиры Марины, чтобы больше никогда не туда не возвращаться.

Поселившись в пустой квартире, где он жил раньше с бабушкой Марьей Ивановной, Андрей впал от одиночества в глубокую тоску. Оглядываясь на прошлые годы, которые теперь представлялись ему прожитыми бессмысленно, он не знал даже, как дальше строить свою жизнь. Найти себе другую женщину, которая также будет попросту использовать его в своих целях, пока он не потеряет для неё утилитарную ценность? Нет уж! Слишком свеж ещё был в его памяти горький осадок, оставшийся после союза с Мариной.

Лучом света для Андрея в его одинокой депрессии оказалась встреча с другом юности Женей Терновским. У них сразу нашлось множество интересных тем для разговора и даже общих точек в жизненной ситуации. Конечно, с одной стороны, Женя по-прежнему был женат и даже вроде как являлся настоящим отцом своих двух детей, однако с другой его брак с понаехавшей нельзя было назвать счастливым и гармоничным.

Но главное – возобновление активных контактов со старым товарищем помогло Андрею как будто снова обрести подлинный смысл бытия. Ранее, подобно в своё время своему отцу, он жил, постоянно стремясь своей бескорыстной помощью вносить положительную динамику в жизнь людей. Однако в итоге то и дело был вынужден с горечью осознавать, как они лишь использовали его, и на самом деле объективно вовсе не нуждались в помощи, а попросту находили в его лице доброго и наивного лоха как источник халявной рабочей силы.

Например, ему было неприятно вспоминать, как одноклассница, которая очень нравилась ему, обнимала его и говорила: «Андрюша, ты у нас такой умный и замечательный, пожалуйста, реши за меня контрольную по математике, а то я даже условие не понимаю! А я тебя поцелую в губы!» Потом же, у него за спиной, отвечала на насмешливый вопрос соученика «правда решила с ним целоваться?» брезгливыми репликами типа «не, ты чё, меня от этого так блевать потянет – я до туалета добежать не успею», или «столько не выпью».

Нет, разумеется, Андрей решал ей контрольную отнюдь не ради её поцелуя – ведь она же не проститутка! Более того, это было бы унижительно для него. Ведь ему так хотелось, чтобы девушка целовала его не за выполненную работу, а из искренней любви и симпатии к нему, просто за то, что он есть в её жизни. Но неутешительная для него ситуация от этого, увы, не менялась.

Подобным образом, парни, которых Андрей считал своими друзьями, то и дело просили его объяснять им, как решать те или иные задачи по математике, предлагаемые на вступительных экзаменах, и он подолгу сидел с ними, тщательно объясняя различные методы, выступая тем самым фактически в роли бесплатного репетитора. А потом, окончив престижные высшие учебные заведения, они, проходя мимо него, даже не хотели здороваться. И Андрей так и оставался стоять, как идиот, с протянутой рукой или открытым ртом, пытаясь примириться с горечью обидного факта: они больше ему не ровня!

У него теперь была даже своя теория о том, почему так происходило. По мнению Андрея, всему виной их «успех». Те, которые чего-то «добились» в жизни, на основании этого начинали ощущать себя людьми более высокого качества, нежели он. Андрею же, который не считал себя ничуть хуже, это было невыносимо обидно, особенно учитывая, как в своё время они пользовались его помощью. И в то же время он прекрасно понимал: этих людей уже не изменить. А потому ему оставалось только сделать для себя выводы и принимать верные организационные решения относительно людей, с которыми общался в настоящем, дабы в будущем избежать болезненных эксцессов, подобных описанным выше.

С точки зрения такой теории Женя, по которому было сразу видно: этот никогда не добьётся успеха, а потому не возомнит себя пупом земли, был для Андрея прекрасно подходящим другом. Поэтому в его компании Андрей не только чувствовал себя очень комфортно, но даже испытывал желание заботиться и помогать своему старому товарищу.

Такое стремление Андрей принялся реализовывать, каждый вечер терпеливо обучая Женю работе на персональном компьютере. Это давало Андрею возможность не только удовлетворить свою тягу о ком-то позаботиться, но и помогало ему отвлечься от собственного одиночества и осознания бесперспективности своего существования. Женя же в лице своего товарища впервые в жизни обрёл не просто учителя, которого понимал, но такого, с кем сам процесс усвоения знаний был в радость.

Конечно же, Андрей не мог научить друга программировать или чему-то подобному. Однако в этом и не было необходимости. Зато Женя научился хорошо пользоваться интернетом, находить там, скачивать и устанавливать себе на компьютер различные игры. Обретенные навыки подарили ему немало приятных минут. Однако главный положительный результат заключался, пожалуй, в другом: Жене, неожиданно для него самого, удалось приблизиться к «разгадке великой тайны Джонни». Он начал понимать очень важную вещь: не обязательно постоянно сравнивать себя с другими, болезненно чувствуя при этом собственную ущербность, если ты можешь каждый день ощущать себя героем и победителем в заэкране. Таким образом, уроки Андрея способствовали позитивной трансформации в жизни Жени, пусть даже они привели к её частичному выходу в иное, виртуальное, измерение.

Не обошлось, впрочем, и без серьёзного негативного побочного эффекта: семейный союз Евгения оказался безжалостно раздавленным гусеницами боевых машин из игры «Мир Танков», хотя Женин брак и раньше трудно было назвать «хорошей вещью».

Подробности стали случайно известны Джонни, когда он не устоял перед искушением узнать, как обстояли дела в семейной жизни его друга детства. Однажды, когда поздно вечером Джонни пошёл выносить мусор, его внимание привлёк лежавший на лестничной клетке исписанный корявым почерком листок. Очевидно, кто-то, пытаясь избавиться от сего судьбоносного документа, спьяну промахнулся мимо мусоропровода. Джонни же, кинув взгляд на листок и быстро поняв, о чём, а главное, о ком там шла речь (благо написано было достаточно крупными буквами), не смог сдерживать тягу удовлетворить своё любопытство.

Оглядевшись по сторонам и убедившись в отсутствии соглядатаев, Джонни торопливо засунул листок в карман, после чего, уединившись дома, принялся жадно знакомиться с содержанием. Как выяснилось, судьбоносный документ представлял длинный список ультимативных условий, которые Жене было необходимо выполнить, чтобы его супруга не умертвила их вторую дочь в своём чреве.

Требований было так много, что Джонни устал читать, но больше всего его поразило главное (судя по занятому им месту на бумаге) среди них. Оно сводилось к тому, чтобы Женя пил не с друзьями, а исключительно со своей супругой. Разумеется, речи и не было о том, чтобы бухать отдельно «в кругу семьи», а потом ещё с корешами – этого ему попросту не позволяло здоровье. Ведь даже когда пили только вдвоём, несмотря на больное сердце (на которое она жаловалась всякий раз, когда муж заводил разговор о несправедливом распределении домашних обязанностей), супруга Жени танцевала и орала песни, когда он уже давно стоял на коленях перед белым другом.

Тогда, при первом знакомстве с этой бумажкой, решавшей так много в жизни Жени, Джонни недоумевал. Содержавшееся в ней строгое требование собутыльнической верности представлялось ему совершенно абсурдным, произвольным капризом, никоим образом не способствовавшим даже достижению тех эгоистических целей, которые могла ставить перед собой при этом супруга Жени. Ведь она, как становилось совершенно ясно из разговоров на повышенных тонах, практически ежедневно доносившихся с лестницы, даже не любила своего мужа!

Хотя у Джонни не было возможности поговорить с супругой Жени относительно её подлинных мотивов, понимание смысла упомянутого условия всё же пришло к нему. Случилось это несколько лет спустя, когда у него за спиной уже был опыт общения с Леночкой. Сразу вспоминалось, как Леночка ревновала своего первого молодого человека, которого она по большей части бессовестно использовала весь период их «отношений», к его друзьям. И это было неудивительно: ведь они, видя ситуацию со стороны и имея возможность здраво оценить происходящее, открывали глаза ему, очарованному ею, с какой тварью его на самом деле угораздило связаться. А потому сучка Леночка всячески старалась оградить его от них и их влияния, как источника правды относительно неё.

Подобным образом, как со временем понял Джонни, действовала и супруга Жени. Нет, разумеется, в отличие от Леночки она была не психопаткой, а всего лишь ох*евшей лимитчицей, осознанно избравшей для себя подобное поведение, дабы иметь возможность сидеть на жопе ровно, пока её муж лез из кожи вон, взяв на себя многие её обязанности. А поскольку в мужской компании за бухлом нередко обсуждают жён, особенно когда развяжутся языки, друзья непременно указали бы Жене, мол, нам кажется, между нами, твоя совсем обнаглела! Подобные обсуждения, разумеется, были бы совершенно не на руку его супруге, а потому она решила предпринять меры для их пресечения.

Но, как бы там ни было, до поры до времени Женя шёл на поводу у своей жены, словно пытаясь сохранить если не семейную гармонию, то хотя бы видимость таковой. К тому же, его любимая младшая

дочка самим появлением на свет была обязана покладистости своего отца, предотвратившего её убийство собственной матерью ещё в чреве.

Однако по мере того, как Женя с помощью Андрея Толстикова осваивал виртуальную реальность, в нём происходила неожиданная перемена. Женя словно всё больше осознавал бессмысленность той лжи, из которой была соткана его семейная жизнь.

Джонни догадывался, почему такая трансформация происходила с Женей именно в этот период. Раньше, Женя словно постоянно пытался сказать людям: «посмотрите, какой я хороший!»; «И пусть у меня нет высокого дохода, зато я по-доброму, заботливо отношусь к своей жене и очень люблю своих детей».

Теперь же он уже не чувствовал такой острой потребности нравиться окружающим. Ведь благодаря Андрею, раскрывшему перед ним тайну Джонни, ему стал доступен удивительный виртуальный мир, где он мог почувствовать себя не омега – самым по жизни, а командиром, ведущим свой боевой экипаж к победе. И оттуда ему было всё труднее возвращаться в реальность, где он был всего лишь нищим, субтильным, очкастым неудачником Женей, которого ежедневно нещадно строила его жена – уроженка Чуркистана.

И тогда, к собственному удивлению (словно он был изумлён собственной смелостью и даже немного напуган ею), Женя стал всё чаще переносить решительные схемы поведения из игры в «настоящую» жизнь. Подобно Андрею, который смог вести себя подобным образом с близкими лишь в зрелом возрасте, теперь, когда он не считал себя обязанным что-то делать, Женя уже не принимался выполнять с недовольным видом распоряжения других, а прямо и открыто говорил: «не хочу».

Такая перемена настолько удивила его жену, что она вначале даже не поверила и думала, что он перепил или забылся. Когда же постепенно стал выясняться фундаментальный характер происшедшей с Женей трансформации, его супруга стала приходить по этому поводу во всю большую ярость, жаждая прижать непослушного мужа к ногтю. Наконец, однажды, потеряв терпение, она прямо пригрозила ему разводом. Каково же было её удивление и даже шок, когда в ответ на это Женя почти спокойным тоном предложил обговорить условия.

Каким бы сильным ни было его любопытство, Джонни не нашёл возможности выяснить подробности процесса распада Жениной семейной жизни, а потому был вынужден довольствоваться историей, которую ему удалось узнать лишь в самых общих чертах. Увы, в последовавшей за кардинальной переменой в его поведении бракоразводной тяжбе Женя не проявил и тени той доблести, которую демонстрировал в виртуальных танковых сражениях. А потому, в итоге получился следующий расклад: Дети остались жить у Жени, который теперь занимался ими практически без участия бывшей супруги, а помогали ему только его пожилые родители.

Фактически, в процессе своих переговоров со своей (теперь уже бывшей) гастарбайтершей он оказался в ситуации, подобной той, в которую попал однажды Анатолий Толстиков. С одной стороны, сами по себе дети Жениной экс-супруге были не особо нужны. И в то же время, ей оказалось очень удобно продать бывшему мужу неформальную возможность практически эксклюзивного общения с ними. Формально, впрочем, *де-юре*, у них были равные права.

В обмен же на неофициальную возможность остаться с детьми, которых экс-супруга пригрозила забрать у него совсем в случае его несговорчивости, Жене пришлось ежемесячно отдавать бывшей четверть своего заработка. Естественно, ему самому, а ещё больше – его родителям, всеми фибрами души давно уже ненавидевшим невестку, такая «договорённость» представлялась неприкрытым грабежом. Сама же бывшая Женина гастарбайтерша (ЖГБ), впрочем, называла такую позицию проявлением свинской неблагодарности, так как по её словам, она, если бы захотела, могла бы потребовать и треть, и половину, но смилостивилась над экс-супругом.

Была, впрочем, и принципиальная разница в том, как вела себя по отношению к Андрею в своё время его мать и политикой Жениной экс-супруги в отношении дочерей. Если первая фактически продала своего ребёнка экс-свекрови в обмен на жильё, то вторая сразу предупредила, что собирается навещать детей тогда, когда ей заблагорассудится. Ведь у неё как матери, мол, есть на это законное право.

В такой ситуации единственная надежда Жени (и тем более его родителей!) не видеть её часто основывалась на географической удалённости. Прекрасные условия для этого были созданы, когда Женина мама рассказала очень многим по всей округе, какое Г. её (теперь уже бывшая) невестка. Казалось, после такой рекомендации никто в здравом уме не должен был захотеть сдавать свою жилплощадь ЖГБ. Но здесь, однако, случилось непредвиденное драматическое событие: Женина экс-супруга нашла себе сожителя в том самом подъезде, где жили Женя и Джонни!

Хуже ситуацию трудно было придумать. В самом деле: поселись ЖГБ хотя бы в ближайшем доме или даже соседнем подъезде, в холодное время года ей пришлось бы надевать зимнюю одежду, чтобы пойти навещать детей. Теперь же для этого ей было достаточно всего лишь спуститься три этажа на лифте или даже пешком!

Но как же такое могло произойти? В подъезде, где жил Женя, было всего лишь два лица мужского пола (мужчинами в полноценном, традиционно принятом в обиходном женском словоупотреблении смысле их обоих было сложно назвать) подходящего возраста, не состоявших в браке или серьёзных отношениях. Одним из них был сам Джонни. Другим – Алексей, человек божий. Относительно того и другого, казалось, можно было с полной уверенностью ставить деньги в споре «у него никогда не будет женщины».

Джонни про человека божия как-то подробно рассказал сосед Алексея Сергей, живший на лестничной клетке напротив, с забавной и даже немного неприличной фамилией Ебанька, бывший заядлым сплетником. Слушая рассказ Сергея Ебаньки, презрительным тоном описывавшего аскетически-затворнический образ жизни соседа, Джонни невольно проникался всё большей симпатией к Алексею. Безусловно, обычно Джонни испытывал некоторое презрение к глубоко религиозным людям, смешанное с каким-то странным чувством жалости к этим взрослым детям, так и не научившимся к своим годам видеть настоящие причины происходящих в окружающем мире явлений.

Но, с другой стороны, чем тот же Сергей Ебанька, выглядевший на фоне Алексея таким нормальным, адекватным, разумным человеком, на самом деле лучше последнего?! Формально они оба считали себя людьми верующими. Однако в то же время их мировоззрения кардинально отличались по существу. Для Сергея Господь Бог представлялся чем-то вроде главы могущественной корпорации, способной определять благополучие всех живущих на земле в зависимости от их усердия. Причём в настоящем, материальном мире, а не мифическом загробном, в который Сергей, вероятно, не очень-то и верил. Соответственно, желая приобрести для себя благоволение всевышнего, он регулярно навещался со своими подношениями во вроде как авторизованный офис божественной корпорации (РПЦ), именуемый «храмом».

Раб же божий Алексей, вкусив мало мёда в сей брэнной жизни, среди (как представлялось ему) царивших повсюду насилия, обмана, разврата и прочих пороков, жаждал молитвами своими и праведным поведением заслужить жизнь вечную. И Джонни мог хорошо понять это стремление сбежать от мира зла в другой, пусть даже иллюзорный.

Нет, разумеется, сам он не мог поверить в воскресение и вечную жизнь, равно как и в прочие религиозные мифы. И как бы тяжело ни давалось ему примирение с этим фактом, Джонни прекрасно понимал: по завершении жизни человека, единственный реальный материальный носитель его сознания попросту необратимо разлагается. А потому, в отсутствие надежды на загробное спасение, ему оставалось лишь бегство в виртуальную реальность в этой его единственной коротенькой жизни.

И это упорное нежелание, отказ принимать окружающую суровую действительность такой, какая она есть, и адаптироваться к ней, объединяла праведника Алексея с компьютерным «задротом» Джонни. А ещё, как представлялось Джонни, несмотря на кардинальные различия их взглядов на религию, у них была важная общая черта: твёрдое следование своим убеждениям. Только при этом ограничения, которые накладывал на себя Алексей в соответствии со своими внутренними стандартами праведности, были по необходимости более жёсткими.

Поэтому Джонни был шокирован не меньше Жени, когда бывшая супруга последнего сделала своим сожителем задрота божия Алексея (или Алексия?). Узнав об этом сначала из случайно подслушанного разговора, а затем получив подтверждение от самого Жени, Джонни, с одной стороны, не имел оснований в этом сомневаться, но с другой стороны не мог заставить себя в такое поверить.

Во-первых, он испытывал сильный экзистенциальный дискомфорт, переживаемый им всякий раз, когда окружающий мир и люди в нём вдруг начинали ему казаться совершенно необъяснимыми. Джонни, как человек, которому ничто человеческое и даже немного скотское было не чуждо, в принципе мог понять грехопадение по принципу «ибо плоть слаба», но лишь в том случае, когда это, по его разумению, того стоило. Если, скажем, речь шла о женщине, перед волшебным очарованием которой было сложно устоять. Так, когда Джонни созерцал Леночку, в реальной жизни, или хотя бы в мыслях о ней, она порой представлялась ему той, ради кого стоило продать свою душу.

Но чтобы сойтись с бывшей супругой Жени... Нет, разумеется, в принципе можно понять, что другие, более привлекательные душой и телом женщины, вероятно, Алексею попросту «не светили», но не лучше ли тогда было попросту остаться одному? Или до какого одинокого отчаяния должен был прийти человек, чтобы добровольно вступить в подобный союз?— недоумевал Джонни.

Кроме того, Алексей теперь невольно воспринимался им как предатель, по вине которого для Джонни в мире как будто не оставалось ничего святого. Получалось, даже самая невзрачная блудница может вот так взять и как не фиг делать увести за собой праведника, служившего для Джонни эталоном религиозного благочестия!

Однако на совращении святоши Алексия потрясения Джонни от непонимания происходящего отнюдь не закончились. Казалось, в сложившейся ситуации Жене можно было только посочувствовать – ведь теперь, помимо униженности и разорительности его положения, с точки зрения перспектив построения дальнейших отношений с противоположным полом он оказался в худшей ситуации, нежели до своего брака.

Однако, не прошло и месяца после развода, как Джонни уже видел Женю с новой женщиной. Конечно, с одной стороны, ситуацию можно было счесть предсказуемой, т.к. следующая избранница Жени снова оказалась гастарбайтершей, имени которой Джонни не запомнил, а потому называл её ЖГБ-2. Но, в то же время, отличие от прежней супруги было разительным. В её поведении по отношению к мужу не было ни малейших указаний на то, чтобы она его как-то использовала в своих корыстных, эгоистических целях. Конечно, они жили в квартире Жени, однако она регулярно вносила в семейную копилку суммы, превышавшие его зарплату.

Да и вообще, со стороны нетрудно было заметить, что они жили душа в душу. Например, каждый вечер выходили вместе на лестничную клетку, и даже не столько курили там, сколько просто сидели в обнимку, подолгу обсуждая разные интересные для них темы.

У Джонни оставались приятные впечатления от разговоров с ними, например, когда он подробно рассказывал им о своей поездке в Израиль, работе и прочих житейских моментах, которыми интересовались его собеседники. Новая Женина супруга очень положительно контрастировала в восприятии Джонни с прежней мымрой, невзлюбившей Джонни со дня своей свадьбы, когда он категорически отказался выпить с ней водочки. В противоположность прежней, всегда была с Джонни очень вежливой и неподдельно приветливой, а потому каждый раз после разговора с ней он не мог не подумать невольно: какой она удивительно приятный человек!

Не пыталась ЖГБ-2 сесть на шею мужу не только в финансовых, но и в бытовых вопросах. Напротив, скорее проявляла о Жене заботу, словно он был её большим, но всё же ребёнком; большую, чем она уделяла своему восемнадцатилетнему сыну, который самостоятельно жил отдельно, как взрослый мужчина. В частности, особое внимание обращала на то, чтобы Женя не пил лишнего.

Также, не раз проходя мимо и наблюдая вечерние полуболевые посиделки Жени с его супругой, Джонни ловил себя на странной мысли. Джонни, как и многих других одиноких по жизни людей, обычно сильно раздражали парочки, тискавшие друг дружку в общественных местах. Однако для Жени и его супруги он словно сделал исключение. Скорее, Джонни искренне радовался за друга детства, после стольких перипетий обретшего, наконец, личное счастье.

Неожиданный трагический оборот в судьбе Жени произошёл тогда, когда его супруге пришлось на несколько недель уехать на историческую родину, чтобы навестить тяжелобольную мать. Всего через пару дней после её отъезда Джонни был шокирован, увидев Женю в состоянии изрядного подпития, идущим в обнимку с женщиной, которая была ещё более пьяной. Они шли, крепко держась друг за друга, так как иначе, наверное, попросту свалились бы, учитывая их состояние.

Джонни также не мог не отметить для себя, какой привлекательной была Женина спутница, несмотря на свои сорок с лишним лет возраста и алкогольное опьянение, обычно явно не украшающее женщину. Естественно, Джонни был заинтригован, однако вначале не придавал увиденному большого значения. Ему подумалось: супруга свалила на время, не имеет возможности следить за исполнением Женей «сухого закона», вот он и дорвался. А собутыльница та, небось, просто какая-нибудь родственница дальняя, приехавшая отметить некий семейный праздник. Какой? А не всё ли равно? Если есть желание выпить, разве трудно повод отыскать?!

Однако удивительная женщина стала регулярно приходить к Жене. Они целовались в губы прямо на лестнице. Теперь стало совершенно очевидно: это явно не «дальняя родственница».

Наблюдая бурные события, разворачивавшиеся в жизни соседа, Джонни испытывал противоречивые чувства. С одной стороны, конечно, можно было порадоваться за товарища, которого долгие годы считали таким неудачником, у какого «никогда не будет девушки», умудрившегося найти себе не только жену, но и любовницу. С другой – Джонни видел в Женином романе также глупость, безрассудное малодушие и даже предательство по отношению к супруге. Джонни был уверен: да будь эта тётка в сто раз сексапильнее жены, с ней вряд ли будет возможно такое душевное единение, которое он, как ему казалось, наблюдал в семейной жизни товарища.

Джонни хотелось подойти к Жене и сказать: «Ты дурак! Зачем ты это делаешь?» Ещё неделю назад, возвращаясь домой, и видя, как Женя сидел в обнимку с женой, Джонни думал о том, как хорошо, когда в твоей жизни есть человек, с которым ты можешь говорить обо всём и просто быть рядом. Теперь же он не находил себе покоя, размышляя над вопросом, что заставило Женю так поступить. Неужели эта, несомненно, привлекательная женщина ему так понравилась? Секс? Но разве ради этого стоило предавать человека, который тебе по-настоящему близок? Конечно, со стороны всегда судить удобнее, – думал Джонни. Потом, в любом случае это было совершенно не его ума дело, как говорится.

И в то же время, любопытство относительно женщины, так круто изменившей жизнь его соседа, не давала Джонни покоя. Ему так хотелось разгадать её загадку, а для этого было важно знать как можно подробнее про её жизнь, по возможности, всю подноготную. И вот что Джонни удалось выяснить:

В начале бурных девяностых ещё совсем молодая Александра имела среди знакомых репутацию умницы и красавицы. Её привлекательность для мужчин заметно отличалась от холодной красоты надменных стерв, игравших с чувствами своих поклонников. На их фоне Александра выглядела очень добродушной и домашней.

Будучи благодаря этим своим качествам завидной невестой, она привлекла внимание очень достойного по традиционным житейским меркам жениха. В тот период, когда для многих молодых людей считалось круто работать продавцом коммерческой палатки, Валерий, ставший мужем Александры, был владельцем сети торговых павильонов.

Затем, несмотря на то, что дела у него шли хорошо, он не побоялся сменить направление деятельности – открыл автосервис, организовал команду людей, пригонявших Мерседесы из Германии. Складывалось впечатление, что у Валерия в делах получалось всё, за что бы он ни брался.

В то время как многие бывшие одноклассницы Александры оказывались в обстановке постоянных скандалов и терпели пьяные побои своих супругов, она, растя сына, чувствовала себя с мужем как за каменной стеной.

Конечно, иногда в её мысли закрадывались тревожные мысли, вызванные ощущением какого-то отдаления супруга, практически сошедшей на нет интимной жизнью (муж как будто постоянно был слишком занят, чтобы проявлять к ней нежность) и т.д. Однако она всячески старалась гнать прочь терзавшие её сомнения, уверяя себя, что семейная жизнь не может быть вся сплошь медовым месяцем. Тем более, когда она пыталась делиться своим беспокойством с мужем, он обнимал её и заверял: всё хорошо. «Ты ведь знаешь, дорогая, как я загружен своим бизнесом. И это всё ради семьи!» Услышав такие увещевания супруга, Александра уже начинала стыдиться и раскаиваться, что потревожила его такими глупостями. Какая же я всё-таки неблагодарная,— думала при этом она, вспоминая жуткие истории о том, как живут со своими мужьями некоторые другие женщины.

Но шли годы, и, несмотря на внешнее бытовое благополучие и традиционные заверения Валерия про «всё в порядке», неприятные мысли, словно черви, всё больше глодали Александру изнутри. Наконец, не в силах больше оставаться наедине со своими сомнениями, она набралась решимости поделиться своим беспокойством, зарегистрировавшись под вымышленным именем на женском форуме, где обсуждали проблемы в семьях. Александра так хотела, чтобы её заверили: «Не переживай. У вас всё нормально. Ты не знаешь, как бывает у других!»

Но вместо этого первая же ответившая цинично намекнула: «Твой муженёк попросту спит с другими! Или ты думала, не старый ещё, здоровый, достаточно успешный мужик так занят делами, чтобы интерес к сексу потерять? Наивная...» Когда Александра прочитала это, у неё на мгновение потемнело перед глазами. Потом, немного придя в себя, она принялась гневно писать своей собеседнице: «Это твой мужик, быть может, гуляет от тебя налево и направо, а я своего уважаю и полностью ему доверяю!»

Однако собеседницы её не только не смутились, но принялись насмешливо писать ей: «А, и ты пришла сюда похвалиться, как у тебя с мужем всё чудесно, да? Ну-ну!..» Александра чувствовала себя ужасно. Она ощущала себя встревоженной пациенткой, пришедшей к доктору в надежде услышать: «всё хорошо, не беспокойтесь», а ей сказали: «у меня для Вас плохие новости».

Поэтому, естественно, первой её реакцией было категорическое отрицание, которое по мере остывания бурных эмоций стало перерастать в вопросы о том, насколько достоверен диагноз и какие есть диагностические тесты, которые дали бы возможность получить точную информацию. Женщины принялись наперебой сообщать ей, на какие моменты в поведении мужа следует обращать внимание в первую очередь. У Александры больно жгалось сердце: так вот, оказывается, что скрывалось за теми эпизодами, когда поведение мужа казалось ей странным, а она тушевалась и даже стыдилась таких мыслей, списывая подозрения на свою «паранойю»!

Нет, теперь она не собирается смотреть на это сквозь пальцы! Александра настроилась решительно при первом же подходящем случае потребовать от мужа объяснений. И такая ситуация не заставила себя ждать. Однако поведение Валерия перевернуло все ожидания, планы и сценарии Александры – настолько оно казалось ей шокирующе возмутительным.

Однажды, набравшись решимости, Александра спросила мужа:

– Мне часто кажется, ты от меня постоянно что-то скрываешь. Зачем ты это делаешь?

– Так лучше.

– Кому?

– В том числе и тебе!

(Александра всё больше начинала злиться).

– Откуда ты знаешь, как лучше для меня?! Почему ты берёшь на себя это решать?!

– Потому что мне нужно спокойствие в семье, а не твои истерики!

Эта вызывающая реплика так потрясла Александру, что гневный то ли ответ, то ли вопрос, который она собиралась бросить мужу, комком застрял у неё в горле. Сообразив, что уже не сможет на данный момент больше ничего ему сказать недрогнувшим голосом и не разревевшись, а такое проявление с её стороны, несомненно, будет расценено им как истерика, она порывисто убежала в туалет, где долго потом сидела и рыдала. Наконец, немного приведя себя в порядок, Александра вышла и сказала Валерию: «Можно тебя кое о чём попросить? Пожалуйста, если я захочу что-то у тебя выяснить, постарайся говорить мне правду, как есть. Хорошо?» В ответ, её супруг хладнокровно, и даже, как ей показалось, почти равнодушно, ответил: «Ладно. Только не жалуйся потом, что я тебя не предупредил».

После данной просьбы драматический разговор между ними не заставил долго себя ждать. Всего через пару дней, заподозрив явно неладное в поведении мужа, Александра поинтересовалась: «Кому это ты там так сосредоточенно строчишь смс?»

Ответ Валерия прозвучал цинично, почти насмешливо, и тем самым одной своей формой способствовал нагнетанию негативных эмоций жены:

– Ты действительно желаешь это знать?

– Да. Мы ведь недавно с тобой договорились!..

(Тон голоса Александры выказывал явное раздражение)

– Ок. Потом не говори, как больно тебе было это слушать! Я писал смс одной своей сотруднице.

Мгновенно догадавшись, о чём могли быть сообщения, отправленные мужем коллеге женского пола на ночь глядя, Александра словно вскипела внутри. Но тут же, словно собрав остатки самообладания в кулак и не желая показаться истеричкой, поинтересовалась ехидно:

– У тебя производственная необходимость писать ей в такое время?

– Не совсем. Просто... как тебе объяснить... Она хорошая женщина. А приятной девушке отчего ж не написать?

От услышанного у Александры резко спёрло дыхание. Конечно, с одной стороны, она ещё совсем недавно настойчиво просила, требовала от мужа быть с ней полностью откровенным. Однако теперь, когда ей начали вот так прямо, в лицо сообщать правду, которую она жаждала услышать, это оказалось для неё слишком. В самой возмутительной откровенности мужа видела она теперь вызов и даже констатацию крайне унижительного для неё факта: получается, он её вообще ни во что не ставит!

Не в силах продолжать разговор, Александра, как и в прошлый раз, порывисто убежала в туалет, где долго сидела и рыдала, и вышла оттуда лишь тогда, когда сын Дима стал настойчиво проситься воспользоваться данным помещением. Он, вероятно, в какой-то мере догадался о происшедшем и/или заметил её состояние, так как спросил: «мам, что с тобой?», но не получил ответа. Александра же ушла хлопнуть носом в ту комнату их просторной квартиры, где в это время не было ни Валерия, ни Димы.

В тот день она больше не смогла сказать мужу ничего. Однако через несколько дней, исполнившись намерения «серьёзно поговорить», заявила ему: «Наверное, ты мнишь себя очень крутым. Считаешь, можешь позволить себе завести любовницу, не принимая во внимание мои чувства. Но ты напрасно ведёшь себя столь самонадеянно. Я не собираюсь это терпеть».

И Александра, стараясь изо всех сил говорить так, чтобы её голос не дрожал, сформулировала ультиматум мужу: если он будет ей изменять, она с ним расстанется. Валерий, однако, никоим образом не был обескуражен агрессивным тоном своей обычно тихой и покорной супруги. Он просто холодным и циничным тоном изложил веские аргументы, почему Александра, встав на путь конфликта с ним, сделает хуже в первую очередь себе.

В случае развода Александре придётся вернуться в тесную квартирку её престарелых родителей, которых она, вероятно, добьёт известием о крахе своей семейной жизни. Поскольку у неё в её сорок четыре года нет ни специального образования, ни опыта работы, ей будет очень сложно в короткие сроки найти себе достойно оплачиваемую работу, да и в долгосрочной перспективе тоже. Таким образом, ей придётся некоторое время фактически сидеть на шее у родителей – пенсионеров, которым сейчас, живя с Валерием, она щедро (во всяком случае, по меркам уровней достатка среднестатистических представителей старшего поколения) помогает финансово.

Получалось, Валерий мог вести себя так вызывающе нагло, рассчитывая на её беспомощное положение в браке с ним. Осознание этого факта довершило трансформацию, зреющую в сознании Александры с момента первого объяснения с мужем. Если первой реакцией Александры как человека, услышавшего плохую новость относительно собственной судьбы, было отрицание, то теперь, когда отрицать очевидное стало бессмысленно, на его место пришла невыносимая обида. Чувствуя подобную смесь гнева и жалости к себе, жертва обычно задаётся вопросами: «Почему я?!» и «За что?!»

Однако если в случае страшного медицинского диагноза человеку остаётся винить разве что господ бога (разумеется, только тем, кто в него верит), то в данной ситуации в сознании Александры сразу же возникал образ конкретного «героя». Остатки чувства, которое у неё ещё могло оставаться к Валерию (да и то давно выродилось уже в «чувство долга», типа «мужа положено любить») резко сменили валентность. Александру одолевала жажда мести.

И в то же время она чувствовала свою беспомощность. Ведь ей даже некому было толком о случившемся рассказать. Так сложилось, что почти все знакомые, с кем она общалась последнее время, появились у неё по линии Валерия, а потому ей было глупо и даже опасно рассчитывать, что они встанут на её сторону или хотя бы просто отнесутся с пониманием. От острого осознания своего бессилия в такой ситуации и отсутствия реальной возможности хорошенько наказать мужа, Александру стали душить слёзы обиды. Не желая продемонстрировать свою слабость Валерию и даже Диме, она оделась и вышла из дома.

На улице Александра огляделась по сторонам. На дворе была зима. Нужно было куда-то идти, т.к. стоять на месте и тем более сидеть на лавочке не позволяла погода. Но куда? Как уже отмечалось, подходящего человека, чтобы поплакаться, у неё не было. Поэтому Александра отправилась, как говорится, куда глаза глядят, и неожиданно для самой себя оказалась в кабаке, где принялась сосредоточенно пить, словно жаждая смыть алкоголем ту унижительную ситуацию, которая сложилась в её семейной жизни.

Только выйдя из питейного заведения, Александра поняла, насколько была пьяна. Дорога уходила у неё из под ног. Первые сто метров пути основной заботой её было не упасть, чтобы не погибнуть, замёрзнув в снегу, как умирают каждый год многие пьяницы, до которых никому нет дела. Однако по мере приближения к дому другая мысль начала тревожить её ещё больше: Как она вернётся домой в таком состоянии? Что скажет по этому поводу Валерию? А Диме?

Тем временем Александре всё труднее было идти, а состояние опьянения с возраставшей настойчивостью давало о себе знать. К тому же, иллюзия согревания, вызванная алкоголем, прошла, и шуба уже не спасала полностью от ночного мороза. В результате, случайно проходивший мимо в тот момент мимо Женя увидел её державшейся за дерево и дрожащей от холода. Он участливо поинтересовался: «Вам

плохо?» Подойдя ближе, Женя, которому часто доводилось общаться с людьми, находящимися в подобном состоянии, сразу же понял по запаху изо рта причину затруднительного положения Александры, и вежливо предложил проводить её домой. Та, однако, после некоторого замешательства отрицательно покачала головой и неожиданно принялась объяснять, что не может сейчас вернуться в свою квартиру «по семейным обстоятельствам».

Смерть на крысиных бегах

Женя галантно не стал допытываться, что препятствовало Александре вернуться домой, муж ли, который её бьёт, или что-то ещё. Для него очевидным было только одно: нынешнее состояние этой приличной, хорошо одетой женщины, несомненно, было вызвано её «семейными обстоятельствами». В то же время, необходимо было что-то решать. Но Александра заплетающимся голосом наотрез отказывалась даже близко подходить к своему подъезду.

Зайти в соседний или даже другой дом также не было возможности. Городские власти давно уже, якобы заботясь о безопасности москвичей (и многочисленных гостей столицы?) оборудовали подъезды кодовыми замками, домофонами и прочим. Конечно, с точки зрения социальной науки в этом направлении куда лучше бы работали подлинная справедливость в распределении доходов, сокращение пропасти между богатыми и бедными и т.д., однако такая политика власти противоречила бы классовым интересам тех, кто за ней реально стоял.

И уж конечно, кому какое дело до бомжей и алкоголиков, которые умирали, замерзая, каждую зиму! Ведь для правителей, которые любили разглагольствовать о христианском милосердии, приезжая отмечать религиозные праздники в Храм Христа Спасителя и прочие головные офисы корпорации РПЦ, они были всего лишь биологическим мусором, от которого нужно было очистить славный город. Разумеется, к вящей радости «приличных» граждан, обычных офисных служащих, очень гордых тем, что во вселенской драке за место под солнцем им удалось взобраться на ступеньку выше «всяких отбросов», а потому безучастных к их судьбам.

В результате, Жене пришлось вести Александру в свой подъезд. К его удивлению, ему оказалось несложно довести её, несмотря на состояние сильного алкогольного опьянения женщины. У Александры словно открылось второе дыхание оттого, что она встретила человека, которому было не наплевать на её судьбу, даже если он на тот момент ещё был ей совершенно чужим.

Скоро, впрочем, они стали гораздо ближе друг другу. Александра и Женя долго сидели на лестнице, рассказывая друг другу о перипетиях семейной жизни, оставшихся за плечами, даже ещё вместе выпили немного. Потом Женя как бы невзначай сказал: «Куда ты сейчас пойдёшь?», и, не дожидаясь ответа на риторический вопрос, добавил: «А у меня сейчас дома никого нет, я один, и вторая комната свободна». В итоге, Александра в ту ночь осталась до утра у Жени.

Но наутро, вместе с больной головой, её словно настигло прозрение. Александра как будто очнулась от дурмана и смотрела на происшедшее с ней за последние сутки совершенно другими глазами. Её вчерашняя уединённая пьянка и последовавшее затем ночное приключение вдруг показались ей постыдными прегрешениями, которые теперь необходимо было скорее загладить скорейшим возвращением в лоно семьи и примерным поведением там.

Александра поспешила домой, и была очень довольна тем, что ей удалось там быть до того, как Дима пришёл из школы, т.к. это делало менее вероятными его расспросы на тему: «мам, ты где была?» Она также включила телефон, чтобы иметь возможность принимать звонки мужа. Однако первый же разговор с ним в значительной степени отбил у неё желание реставрировать свою пошатнувшуюся семейную жизнь.

Валерий даже не стал ругать её прямо по телефону. Он просто сказал: «когда я вернусь домой, у нас будет серьёзный разговор по поводу твоего вчерашнего поведения». Такая скрытая (или не очень) угроза со стороны мужа совершенно вывела Александру из равновесия. Она вдруг почувствовала себя школьницей, которой велели после уроков зайти в кабинет директора школы для «серьёзного разговора». И Александра уже не могла ни на чём сосредоточиться, радоваться чему-либо, или хотя бы просто жить, как ни в чём не бывало – она была слишком глубоко погружена в тревожное ожидание предстоящей экзекуции.

Однако вскоре внезапно, непредвиденно для неё самой, беспокойство Александры сменилось сильным гневом. Какого хрена? – подумала она. Ведь ещё совсем недавно, фактически до вчерашней ночи, она была такой доброй, заботливой, покладистой и верной своему мужу женой. И как он отблагодарил её за годы преданности ему и семье?! Подло используя своё служебное положение, снюхался у себя на работе с малолетней шмарой, прокладывая себе путь к успеху ртом и промежностью за неимением более продуктивных навыков!

И, разумеется, Валерий не снизошёл объясниться с ней, Александрой, прямо по телефону! Получается, ей теперь нужно ждать в страхе и трепете, когда её господин соизволит вернуться и устроить ей разнос! Ах, ну конечно же, ему не хочется вести такие разговоры при ЭТОЙ, которой он, небось, наплёл, как мечтает развестись со сварливой и утратившей облик женщины супругой и жениться на ней. Впрочем, Александра не испытывала ни малейшего сострадания сослуживице, а по совместительству любовнице,

мужа, которую, получается, тоже жестоко обманут. Так и поделом молодой сучке, решившей, ловко работая своими дырками, быстренько обрести материальное благополучие, достающееся порядочным женщинам за годы семейной жизни. Да и то немного, как болезненно уяснила себе Александра, может быть в любой момент отнято мужем, нашедшим себе другую женщину.

Слёзы ярости душили Александру. Ей больше всего теперь хотелось отомстить мужу, наказать его. Но как? Развестись? Однако, как он цинично и в то же время очень убедительно объяснил ей, это попросту оставило бы её у разбитого корыта в компании престарелых родителей, травмированных крахом семейной жизни дочери. Таким образом, разводиться в этой ситуации глупо. Но как же тогда проучить негодяя?

Александра также прекрасно понимала: никаких шансов победить в открытом конфликте, непосредственном противостоянии с мужем, у неё не было. Он располагал по сравнению с ней не только большей физической силой, но и экономическими/социальными ресурсами, связями и т.д. Александра даже не могла представить себе приём, который оказался бы эффективным против мужа в ходе скандала с ним. На ум ей приходило лишь традиционное женское средство: устраивать постоянные истерики по разным поводам, дабы вынести ему мозг.

Однако тут же, к собственному отчаянию, Александра представляла себе, как Валерий будет реагировать. Он, скорее всего, не станет заводиться и огрызаться, а просто будет наблюдать её подобно родителям, отучающим своего ребёнка устраивать сцены. Вероятно, муж отвернётся и скажет ей хладнокровно: «Я продолжу с тобой разговор только тогда, когда ты продемонстрируешь мне свою способность к спокойному и цивилизованному общению. Истерикой ты от меня ничего не добьёшься!»

Получается, она будет только зря изводить себя, заходясь в надрывах своих рыданий, уставая морально и даже, возможно, подрывая своё физическое здоровье. Результат же с точки зрения наказания обидчика будет нулевым. Доведя себя до иступления постоянным прокручиванием в голове обид на мужа, а также горьким осознанием собственного бессилия, Александра неожиданно исполнилась решимости: она ни за что не доставит мерзавцу удовлетворения отчитывать её, когда он вернётся! Напротив, ей вдруг захотелось специально, целенаправленно приводить его в ярость своим неподчинением ему. С этой злорадной мыслью Александра оделась и вышла на улицу. Теперь она знала, куда направится сегодня.

У неё не было даже номера телефона Жени. Ведь проснувшись утром и вспоминая события предыдущего дня, Александра сочла своё безрассудное поведение ужасной ошибкой, которую спешила исправить скорейшим возвращением в лоно семьи. На тот момент у неё даже не было мысли о том, зачем ей может ещё понадобиться Женин номер. Теперь же всё изменилось. Несмотря на незнание номера телефона, Александре удалось вспомнить, в каком доме и подъезде живёт Женья, а также как расположена его квартира. Не забыла она и его слова: «моих не будет ещё несколько дней».

Когда Женья открыл ей дверь своей квартиры, Александра принялась сбивчиво объяснять: «...Я сегодня так поспешно ушла, не поблагодарив даже толком за гостеприимство, мне так неудобно...» Сам же хозяин, быстро поняв смысл происходящего, поспешил извиниться от продолжения неловкой сцены, сказав просто: «Заходи...» В результате, Александра провела с ним ещё одну ночь.

На этот раз, впрочем, она не отключила сразу свой мобильный телефон. Когда вечером позвонил Валерий и грозным тоном поинтересовался её местонахождением и причинами отсутствия, Александра заявила: «Я не собираюсь сидеть дома и ждать, пока ты вернёшься и устроишь мне допрос о причинах моего отсутствия, когда сам шляешься с проститутками, которых набрал себе на работу...» После чего сбросила звонок и выключила телефон.

На следующий день с утра, однако, Александру стали одолевать тяжёлые, мрачные мысли. У неё как будто снова включились отделы мозга, отвечающие за долгосрочное планирование и способность предсказывать и анализировать возможные последствия своих поступков. Ведь она же не может всё время теперь жить у Жени! Получается, рано или поздно ей придётся вернуться к мужу и выяснять отношения с ним!

Неожиданно Александра ощутила себя в ситуации нашкодившего школьника, гордо не желающего просить прощения у старших за своё непослушание и неблагоприятные поступки, и в то же время с испугом осознающего: чем дольше он не явится с повинной, тем сильнее его накажут.

К её изумлению, Валерий сам ей указал комфортный путь выхода из сложившейся неприятной ситуации. Точнее, то, что Александре вначале показалось таковым. Ответив на очередной звонок мужа, она неожиданно услышала предложение в канун Нового года «забыть старые обиды» и дружно встретить этот семейный праздник.

Вначале такой жест Валерия вызвал у Александры внутреннее ликование – ведь с её плеч свалился груз тревожного ожидания, казалось бы, неизбежного конфликта с человеком, который был значительно сильнее во всех смыслах, а потому при желании мог раздавить такую слабую женщину, как она, если не физически, то морально. Александра даже невольно испытала на первых порах прилив благодарности мужу за такое изъятие, как ей в тот момент показалось, доброй воли.

Однако постепенно, по мере того как сильный страх перед неминуемым, казалось, серьёзным семейным конфликтом, точнее, наказанием со стороны Валерия, стал тускнеть в её памяти, Александра начала всё более негативно интерпретировать (как она со временем отчётливее начинала догадываться, псевдо-) дружелюбную инициативу супруга. Теперь Александра обиженно – злобно думала: «Какого хрена? Этот козёл наверняка не преминет «поздравить» свою шлюшку с работы, перепихнуться с ней пару раз (а

может, больше) в честь праздника! А я тут, понимаешь, как дура, ещё должна чувствовать себя благодарной ему за великодушное помилование, отпущенное им мне в честь праздника. Да иди ты на х**, мерзавец!»

В то же время, несмотря на гневные чувства, страх перед открытым конфликтом с мужем был у Александры обычно сильнее жажды отомстить ему, а потому она решила действовать хитрее. С такими подлыми людьми, как он, так и надо, – успокаивала Александра своё сверх-я. В упомянутом телефонном разговоре с мужем она приветливым тоном поддержала его мирную инициативу. Сама же, пока он был на работе, продолжила тайком встречаться с Женей.

Как раз в этот период произошло знакомство Джонни с семьёй Александры. Случилось это при следующих обстоятельствах. Александра хотела сделать на Новый год своему сыну Диме ценный подарок. Мотивом этого её намерения, впрочем, было не только и не столько желание сделать ему приятное, сколько, если угодно, подкупить, с целью перетянуть на свою сторону в конфликте с мужем.

Александра хорошо знала из слышанного ею как-то недавно разговора Димы с Валерием, о чём мечтает сын: он хотел новый компьютер. Однако желание сына упиралось в жёсткую позицию отца. Валерий не собирался допускать, чтобы его сын рос «мажором», а потому заявил Диме: «Новый компьютер не есть необходимость для учёбы и твоего прочего развития. Если считаешь, что он для тебя так важен, найди возможность сам на него заработать».

Дима попытался представить отцу бизнес-план: «Я собираюсь делать крутой видео-проект, а для этого мне нужен мощный компьютер». Однако Валерий был неумолим, заявив: «Если эта идея для тебя так важна и серьёзна, ты сумеешь изыскать средства на её развитие, а иначе оно того не заслуживает».

Дима был в известном смысле достойным наследником своего отца. Подобно Валерию, ему удавалось практически всё, за что бы он ни брался. Несомненно, Дима был в состоянии заработать себе на компьютер, если бы уделил этому достаточно внимания. Однако на тот момент у него были другие приоритеты. Он учился в последнем классе школы и прекрасно понимал: поступление в престижный вуз принесёт ему в долгосрочной перспективе гораздо больше средств, нежели любой случайный заработок сейчас.

Между тем, от нового компьютера Дмитрий отказываться также не собирался. Просто у него была по этому поводу более рациональная идея, нежели самостоятельное добывание денег. Несмотря на создаваемую им видимость невмешательства и даже неведения, он прекрасно понимал смысл происходящего между его родителями. Не мог он не отметить для себя и стремление матери, бывшей, очевидно, более слабой стороной в конфликте, привлечь его на свою сторону с помощью новогоднего подарка. Поэтому ему для получения нового компьютера было достаточно лишь прозрачно намекнуть ей (даже фактически точно указать) что именно он хотел получить от неё в подарок.

Не рисковал Дима при этом и навлечь на себя гнев отца, так как дарение выглядело со стороны инициативой исключительно матери, а сам он вроде как всего лишь не хотел её расстраивать своим отказом. Впрочем, несмотря на взаимное избегание конфликта, Валерий с сыном на самом деле отнюдь не были такой сплочённой командой, как идилически представлялось Александре до того, как ей открылась болезненная для неё правда о муже и реальном состоянии их семейной жизни.

Как уже отмечалось, Дима уверенными шагами шёл по стопам отца к тому, чтобы стать успешным человеком. А такие люди склонны строить отношения с другими, даже своими (вроде как) близкими не на основе эмоциональных привязанностей, которые зачастую иррационально непрактичны и открывают уязвимости к злонамеренной игре на чувствах, а на уровне сравнения альтернатив, без сожаления покидая тех, кто утратил для них прагматическую значимость.

Поэтому Дима, например, в случае чего не погнушался бы продать своего отца, если бы ему предложили за него больше, чем он мог рассчитывать когда-либо получить от Валерия. И если бойкий сыночек до сих пор этого не сделал, то это было обусловлено отнюдь не лояльностью, а тем, что, во-первых, никто не предлагал, а во-вторых, в этом случае было бы очень трудно избежать очевидных негативных социальных последствий такого поступка.

Но, какова бы ни была моральная неприязнь Джонни к предприимчивому юноше и его отцу, он был рад представившейся возможности познакомиться поближе с этой семейкой и подробнее изучить её представителей, а не только со слов Жени. Сначала ему довелось пообщаться с Александрой. Она возлагала на Джонни большие надежды в той непростой ситуации, в которой она оказалась. Ведь ей хотелось приобрести для сына «хороший компьютер», но в то же время «очень недорого». Правда, последнее пожелание, которое озвучивали многие клиенты Джонни (а потому он к нему давно уже успел привыкнуть) в данном случае было продиктовано не жадностью Александры, а объективным обстоятельством. Ведь фактически она свободно располагала лишь теми денежными средствами, которые ей Валерий выдавал на карманные расходы.

Джонни же, которого давно уже бесили такие заявления клиентов, поспешил уточнить: «компьютер хорош, если он решает те задачи, для которых предназначается». После чего поинтересовался у Александры, чем обычно занимается Дима. И когда та, как следовало ожидать, ответила «лазит в интернете», Джонни озвучил конфигурацию и цену. Не дожидаясь ответа Александры, Женя, присутствовавший при разговоре, восторженно оценил предложение Джонни, в результате чего договорённость была достигнута практически немедленно.

Однако когда довольная Александра решила вручить сыну подарок, её ждал сюрприз, неприятный не только для неё самой, но и для Жени и Джонни. Дима наотрез отказался, заявив, что ему нужен более мощный компьютер. Естественно, узнав об этом, Джонни был не в восторге, т.к. его совершенно не прельщала перспектива возвращать деньги за уже проданный агрегат. Очень неприятно было также и Александре, которой, во-первых, очень неловко было даже пытаться вернуть обратно то, что она сама заказала, а во-вторых, приходилось отказываться от давно лелеянной надежды порадовать (а заодно привлечь на свою сторону в конфликте с мужем) Диму подарком.

Но более всего, как ни странно, в данной ситуации был разозлён Женя. Его бесило даже не только и не столько то, что его рекомендация Александре заказать компьютер у Джонни не принесла нужных результатов. Гораздо больше злило другое: этот зарвавшийся щенок, оборзевшая школоты (как он, разумеется, внутри своего сознания, обозначал Диму), в такой наглой форме побрезговал компьютером, который был гораздо круче, чем у него самого.

Поэтому, выслушав объяснения Александры, Женя принялся её убеждать, правда, естественно, в более сдержанных выражениях, чем думал внутри себя. Он сказал: «Ты знаешь, сейчас такая молодёжь, особенно школьники, у них очень высокое мнение о себе, а на самом деле они знают очень мало». Однако такое увещание мало помогало Александре. Внутренне, она могла сколько угодно соглашаться с Женей, но это нисколько не помогало ей на практике, так как Дима оставался непреклонен в своём решении. И спорить с ним было бесполезно. Например, когда Александра, вспоминая слова Джонни о том, что предлагаемого им компьютера для инета будет вполне достаточно, упомянула об этом, Дима заявил, что его новый проект предполагает «работу с видеоматериалами», требующими высокопроизводительной системы.

Наконец, по предложению Джонни им удалось прийти к решению, устраивавшему всех, если не считать того, что Александре пришлось для этого занимать деньги у своих престарелых родителей, с которыми она, впрочем, надеялась со временем расплатиться из средств ненавистного мужа. В итоге, Дима получал от матери в подарок крутой компьютер, как и хотел.

Благодаря достигнутому таким образом соглашению, Джонни представилась возможность пообщаться с другими представителями заинтересовавшего его семейства – Валерием и его сыном. Особенный интерес вызывал вопрос: каким образом у Димы даже в его юном возрасте так ловко получается достигать поставленных целей, в то время как самому Джонни практически никогда не удавалось толком реализовать ни одно из своих масштабных начинаний.

Собственно, за конкретными примерами не надо было далеко ходить: на сайт Джонни по-прежнему заходили единицы посетителей, в то время как открытый совсем недавно канал Димы на youtube уже имел сотни тысяч просмотров, и было очевидно: счёт скоро пойдёт на миллионы.

Сравнивая два ресурса, Димин и свой, Джонни также отметил для себя парадокс, который находил очень примечательным. Казалось бы, он, Джонни, создавал свой ресурс для блага народа, преследуя чисто альтруистические цели. И в самом деле, ведь с самого начала было ясно: ему за это никто никаких денег не заплатит! Однако при этом Джонни даже ни разу не удосужился поинтересоваться у публики, а интересно ли ей будет читать такое? Нет, он думал при этом про свои идеи и знания, которыми он хотел поделиться с людьми, хотя бы они этого, или нет. Дима же, напротив, размещал на своём канале то, чем народ заведомо интересуется: различные свежие приколы, забавные сцены, милых зверюшек и т.д. При этом, разумеется, его совершенно не волновали судьбы ни героев роликов, ни зрителей. Видеоматериалы были для него лишь инструментом привлечения «кликов» на сайты и прочие ресурсы, которые он раскручивал посредством своего канала.

В таком подходе Дима был достойным наследником своего отца. Кстати, как с удивлением узнал Джонни, на канале было немало фрагментов записей песен, исполненных Валерием под гитару. Когда-то в годы молодости Валерий покорила своим пением Александру. Теперь же его исполнением восхищались посетители канала Димы.

Впечатление, производимое песнями Валерия, очень поразило Джонни. Он поймал себя на весьма неуютной мысли: если бы он ничего не знал про исполнителя, то непременно отметил бы, что тот поёт «с душой». Однако теперь, когда он был наслышан о том, как Валерий ведёт себя в жизни, Джонни пришёл к убеждению, что у такого человека просто не может быть «души».

Кстати, его впечатления от непосредственного общения с Валерием только подкрепляли такое ощущение. Перед Джонни вырисовывался образ собеседника как матёрого дельца по жизни. Джонни не мог не поражаться практической хватке Валерия даже в тех вопросах, в которых тот, казалось бы, не должен был хорошо ориентироваться.

Так, судя по вопросам со стороны Валерия, Джонни понял, что тот догадался, как Александру и Диму перехитрили, пользуясь их неосведомлённостью о различии между различными моделями процессоров Intel Core i7. В то же время, по миролюбивому тону Валерия было ясно: он не держал зла против Джонни по этой причине. Валерий, будучи опытным и успешным предпринимателем со стажем, исповедовал на такие вещи циничный взгляд, который он считал отражением суровой реальности. По его убеждению, в таких делах все друг друга обманывают, и Джонни на фоне остальных подвизающихся в этой сфере был изумительно порядочен. Поэтому, Валерий пытался не уличить или обвинить Джонни в хитрости, а вместо этого использовал шанс бесплатно получить для себя от знающего человека ценные в практическом смысле сведения. Например, как Валерий и догадывался ранее, Джонни заверил его в

бесперспективности продажи песен через интернет: если кто-нибудь и купит, то всё равно со временем выложат в сети, и другие примутся скачивать бесплатно.

Затем Валерий поинтересовался у Джонни, не занимается ли тот «раскруткой сайтов». На что Джонни, естественно, ответил отрицательно, подумав про себя: «мой бы кто раскрутил» (вслух, правда, он эту мысль озвучить не решился, дабы не позориться).

Тем временем Джонни задумался над вопросом: зачем Валерий непременно хочет продавать свои песни? Почему нельзя их просто выложить в интернете, чтобы желающие слушали? Джонни мог бы это понять, будь Валерий нищим музыкантом, отчаянно ищущим хоть какие-то средства к существованию. Но в данной ситуации было совершенно очевидно: ему никогда не достичь такой популярности, чтобы исполнение собственных песен приносило ему доход, сравнимый с его бизнесом. Так ради чего же тогда затевать эту торговлю?

Не в силах сдерживать своё любопытство, Джонни поинтересовался этим у самого Валерия. Тот ответил уклончиво: «почему нет?», причём таким тоном, каким обычно отвечают на вопросы, которых адекватные люди не задают. Настаивать в такой ситуации, естественно, было бесполезно, да и просто глупо, а потому Джонни вынужден был отложить своё любопытство, в надежде когда-нибудь у кого-нибудь поинтересоваться «для поддержания разговора» о возможных мотивах Валерия. Впрочем, поскольку общаться Джонни было в любом случае особо не с кем, этому вопросу, наверное, в итоге так и суждено было остаться открытым.

На данный же момент его ещё больше, пожалуй, беспокоил следующий диссонанс в восприятии им Валерия: каким образом пение этого дельца, который свои клипы в инете бесплатно удавится выложить, могло показаться ему таким трогательным?! Ведь если откинуть предубеждение относительно человеческих качеств исполнителя, сформировавшееся к тому времени у Джонни, он мог бы только восхищаться творчеством этого поэта-песенника, слушая его игру на гитаре и пение на фоне изумительных пейзажей разных уголков мира, где бывал в разное время Валерий. Для Джонни, если попса практически всегда по определению продажна, то барды через музыку раскрывают людям свою душу, которая у них для этого, очевидно, непременно должна присутствовать. На какой-то момент Джонни даже усомнился в адекватности своего априорного мнения: а вдруг классовая ненависть заслонила в его глазах то хорошее, доброе и душевное, что действительно присутствует в этом человеке?

Но, как бы там ни было, последовавшие затем события дали Джонни достаточно оснований ещё более негативно воспринимать Валерия. Вскоре после празднования Нового года Валерий отправился за город, где у него, как он сказал жене, были важные дела «по работе». Александра, однако, сразу догадалась, для чего он на самом деле туда поехал и с кем. На этот раз она даже не попыталась выяснять отношения, а просто сама наладилась ходить «в гости» к Жене, и вроде как могла считать, что они с мужем квиты. Конечно, в некотором объективном смысле, наверное, это не было справедливым воздаянием, т.к. Валерий в эти дни за городом совокуплялся с весьма привлекательной самкой репродуктивного возраста, подходившей ему для этого куда больше Александры, которую он считал в этом плане уже отработанным ресурсом. Однако сама Александра не проводила такого сравнения, которое было бы для неё слишком болезненным.

Неожиданно, в один из дней этой как бы командировки Валерия, он позвонил супруге, лежавшей как раз в это время на кровати у Жени, и спросил, где она находится. Сразу же почувствовав неладное и стараясь не быть уличённой в случае звонка на стационарный номер, Александра не стала врать что дома, а сказала: у подруги. То ли Валерий понял неладное по напуганному голосу жены, то ли уже догадывался обо всём заранее, но такой ответ его явно не устроил, о чём он тут же заявил в угрожающей форме: «У какой, интересно? Как её зовут? У «подруги» твоей вообще женское имя? Может, ты дашь ей трубочку или сразу скажешь мне правду?»

Но к тому времени Александра уже выпила достаточно, чтобы исполниться храбрости. Неожиданно для неё самой, наглый допрос мужа, весело проводившего где-то там эти дни со своей любовницей (Александра нисколько не сомневалась в этом своём предположении), привёл её в ярость. Александра ответила ехидным тоном:

– Да, обязательно, но только после того, как ты дашь трубочку своей сотруднице, с которой ты там, я так понимаю, очень плодотворно сотрудничаешь, не будем уточнять каким местом...

– Моё взаимодействие с коллегами тебя не касается!..

– Ах, да, конечно же! Если так, то моё взаимодействие с моими подругами и *друзьями* (Александра специально сделала ударение на этом слове) пусть тоже тебя не касается!

– Ты напрасно разговариваешь со мной в таком стиле. Когда придёшь домой, мне придётся провести с тобой серьёзную беседу.

(Валерий произнёс это мрачным, скорее даже свирепым, тоном).

– Как скажешь.

Александра в тот момент вдруг сообразила, что Валерий был уже дома. Её взяла оторопь от неожиданного осознания того, какая экзекуция ей светит по возвращении домой. Но как же так получилось? Ведь он только вчера уехал, и, судя по тому, когда собирался вернуться, ему ещё целую неделю предстояло нежиться в объятиях своей «сотрудницы». Однако расспросить Валерия по телефону Александра уже не могла, т.к. он к тому времени уже сбросил звонок, а перезвонить ему она не решилась.

Новогодние каникулы Валерия действительно не заладились. А начиналось всё так хорошо, можно сказать, романтично. Когда его «коллега» Юлия прыгнула в его машину, обдав его нежным запахом дорогого парфюма, по телу Валерия пробежало сладострастное предвкушение. Окинув свою очаровательную спутницу выразительным взглядом, он не удержался, чтобы не сделать комплимент её красоте. Он неожиданно почувствовал себя влюблённым школьником, жаждущим говорить о своих чувствах.

Но его пассия, несмотря на свой возраст (она была примерно в два раза младше Валерия), была уже матёрой шлюхой, умеющей не только разжигать в сердцах (или, скорее, в других *членах*) мужчин нешуточные страсти, но и ловко использовать их к своей выгоде. В ответ на признания Валерия она включила ему характерную для паразитических содержания, подобных ей, песню: «Ты так поэтично говоришь! Но знаешь, опыт общения с мужчинами научил меня не верить словам, а только поступкам...»

Валерий мгновенно понял, к чему она клонит, и естественно, его покорило такое заявление, но он, словно ещё не веря услышанному, постарался перевести намёк в шутку:

– Поступкам? Мне прыгнуть в прорубь вон в том пруду, чтобы произвести на тебя впечатление?

– Перестань, пожалуйста. Не надо дурачиться – это тебя не красит. Ты взрослый, солидный мужчина, и прекрасно понимаешь, о чём я говорю.

И тут же, словно желая увести разговор в сторону от неприятной темы, Юлия принялась рассказывать, какие она недавно видела замечательные украшения, бриллианты и всё такое. После чего произнесла мечтательно: «Ах, если бы мне подарили...» И тут же, как будто пытаясь дать своему спутнику ещё один шанс проявить щедрость, упомянула замечательные норковые шубы. Мол, поскольку скоро уже вторая половина сезона, то цены там очень хорошие сейчас даже для тех, кто жмотничает. И при этих словах она очень выразительно посмотрела на Валерия и улыбнулась ему.

– Да, я услышал твой намёк. Но это слишком! Я забочусь о тебе достаточно. Не надо наглеть!

– Мне очень жаль слышать это от тебя. Знаешь, мне, как и всякой женщине, наверное, очень хочется, чтобы близкий мне мужчина отвечал за свои слова. А получается, человек мне говорит, как я ему дорога, а чтобы сделать девушке приятное, подарить ей какую-нибудь мелочь, так мало того что самой надо выпрашивать, он ещё и удавится купить! Ну что ж, раз ты так относишься, надеюсь, ты хорошо проведёшь время, когда будешь спать в обнимку со своей жадностью!

Такая откровенная, вызывающая наглость настолько поразила Валерия, что он даже не пришёл в ярость, а всего лишь спросил с усмешкой: «А тебе не кажется, что тебя позвали сюда и оплачивают твоё пребывание здесь с тем, чтобы ты составляла мне компанию?»

Юлия, однако, и на это нашлась что ответить: «Так я же не отказываюсь с тобой проводить время и общаться! Просто, пока ты ведёшь себя так, как сейчас, спать будешь сам с собой!»

В свою очередь Валерий, которого такие бесстыдные попытки развести его на деньги начинали бесить всё сильнее, ехидным тоном принялся объяснять Юлии, словно она этого не знала, ради чего на самом деле её пригласили. Мол, для «просто пообщаться» у него есть более интересные люди, с богатым внутренним миром, с которыми действительно есть о чём поговорить, помимо «купи мне то-то». Юлия же, по словам Валерия, в данной ситуации ведёт себя подобно человеку, взявшему предоплату за работу, приехавшему на место, и теперь требующему на непонятно каком (помимо наглости, разумеется) основании, чтобы ему доплатили, прежде чем он фактически начнёт выполнять свои функции. Но ему такие сотрудники не нужны! Здесь Валерий перешёл непосредственно к устрашающей части, намекая своей зарвавшейся любовнице на её подчинённое положение по отношению к нему в возглавляемой им организации.

Однако Юлия не только не испугалась сказанного, но и принялась угрожать в ответ. Она сказала Валерию, что напрасно он считает её такой дурой. По её словам, она позаботилась подготовиться к такому повороту событий, и если её попытаются уволить, то многие значимые для Валерия люди узнают, как он использует своё служебное положение, и такая публичность, как насмешливо заметила Юлия, очень «поможет» ему в делах.

Слушая циничные рассуждения своей собеседницы, Валерий почувствовал, как у него внутри вскипает ярость, которую всё труднее контролировать. От приятного, сладострастного влечения к Юлии, ещё несколько минут назад толкавшего его осыпать её комплиментами, не осталось и следа. Ему вдруг сильно захотелось прямо там, на месте, так изувечить свою спутницу, чтобы она уже больше никогда не смогла заработать сколько-нибудь значимые средства своим телом.

И в то же время разумом Валерий понимал: действовать на основании этого порыва, даже если бы следование ему доставило громадное краткосрочное удовлетворение, было неразумно – слишком дорого такая несдержанность обойдётся впоследствии. К счастью, он не был психопатом, а потому даже находясь в возбуждённом состоянии, сохранял способность действовать так же стратегически расчётливо, как в своё время Никколо Макиавелли учил Лоренцо II ди Пьеро де Медичи. Как бы ему этого ни хотелось, он не будет сейчас марать руки и калечить эту сучку, а просто отпустит её на все четыре стороны. Однако по возвращении в Москву непременно свяжется с нужными людьми, которые организуют ей «сладкую» жизнь – этой мрази мало не покажется! Разумеется, их придётся отблагодарить, но это, несомненно, стоит того – если оставлять такие вещи безнаказанными, всякая подстилка захочет его за лоха держать!

Но по мере того, как Валерий стал обдумывать и планировать предстоящие конкретные действия, его стали посещать очень неприятные мысли. Ему сейчас предстояло отказаться от этого упругого, молодого, стройного тела, к которому он уже так привык как источнику страстных утех, и вернуться к стареющей супруге, которую он уже давно не воспринимал всерьёз как сексуальный объект на фоне своих любовниц. Деньги, не потраченные на побрякушки для Юлии, придётся, не получая от этого особого удовольствия, отдать типам, которые её накажут, да ещё рисковать при этом возможными неприятностями вплоть до уголовного преследования, если откроется кто заказчик.

Под влиянием таких мыслей Валерий неожиданно решил не отказывать себе в удовольствии хорошо провести время в угоду своим амбициям. Он пустил в ход свои коммуникативные навыки и обаяние, не раз выручавшие его на сложных переговорах и просто у трудных житейских ситуациях. Хотя не меньшую роль, наверное, также сыграло его организационное предложение «давай сейчас поедем с тобой купим, что ты там хотела»... Почти сразу же после этих слов Юлия нежно прильнула к Валерию и поцеловала его в губы: «Я всегда знала, что ты разумный и достойный человек. Я рада, что мы вместе».

Казалось, теперь между ними должна была наступить идиллия, насколько таковая вообще возможна в данной паре. Но совершенно неожиданно Юлия испортила всё приступом алчности. Манерно сложив губы жопкой, она заявила: «только поскольку вначале ты повёл себя нехорошо, тебе придётся искупить свою вину передо мной дополнительными подарками».

Когда Валерий услышал такое бесстыдное заявление, его внезапно просто переклинило. Он неожиданно задумался... о справедливости. Нет, разумеется, он никогда прежде не размышлял о ней, например, сравнивая свой доход с зарплатами своих сотрудников. Ведь он же особенный, человек более высокого качества, а потому достоин несоизмеримо более высокого вознаграждения. Чтобы получать приличный по меркам этой страны доход, ему приходится применять свои знания и талант, рисковать, вступать в конфликты. А эта шалава, знай, подставляет свои дырки. Валерию почему-то вспомнилось, как он принципиально не хотел покупать компьютер сыну, своему единственному наследнику, настаивая, чтобы тот сам зарабатывал, раз ему надо. В результате жене пришлось приобретать с рук у какого-то оборванца, который был, судя по всему, очень доволен тем, что у него хоть что-то купили! Эта мысль стала последней каплей, окончательно склонившей чашу весов.

Валерий послал Юлию куда подальше и вернулся в Москву. Перед его отъездом она сначала даже не могла поверить в такую резкую перемену, когда, казалось, они уже помирились. Видимо, Юлия поняла, какую ошибку совершила изначально, а затем ещё раз, прося Валерия возместить ей «плохое поведение». Она вначале тщетно пыталась обратить ситуацию в шутку, говоря, мол, не сердись, а то ещё больше подарков мне придётся покупать для компенсации, однако Валерий уже был неумолим. Наконец, когда Валерий уже садился в машину, Юлия, вся в слезах, была готова встать на колени, обещала в качестве бесплатного бонуса лишний раз сделать минет и дать «в попу», но в ответ получила лишь презрительную усмешку. Валерий наотрез отказался даже возвести её обратно в своей машине, чтобы ей не пришлось стоять у заснеженной дороги и ловить машину, как она выразилась, «как дура». «Да ты и есть дура! Тупая, продажная, алчная дура!» – кинул Юлии на прощание Валерий и дал газу.

В столицу он возвращался в отвратительном настроении, поскольку ехал навстречу периоду вынужденного полового воздержания, несвойственного и даже неподобающего, как ему представлялось, такому успешному мужчине. Снять шлюху также не было для него подходящим вариантом, так как Валерий, считая себя человеком приличным и порядочным, мог вступать исключительно в «серьёзные отношения», какие были у него, например, с Юлией и другими ей подобными девицами.

Зато рассерженный Валерий хорошо знал, на ком он сорвёт свою злость за не сложившиеся у него «романтические» новогодние каникулы – на своей супруге. Разумеется, Валерий также не собирался оставлять без последствий странные, мягко говоря, выходки его дотоле покорной и безропотной жены. Просто тогда, перед новогодними праздниками, он объявил перемирие, чтобы не учинять экзекуцию на глазах сына, у которого суровое наказание его матери может вызвать неуместные вопросы. Поэтому Валерий – человек, как уже отмечалось, трезвого и прагматичного расчёта, решил перенести дрессировку супруги в начало нового года, когда Дима уедет на две недели на каникулы в зимний лагерь. Теперь же, после срыва совместного отдыха с Юлией, у Валерия было даже несколько дополнительных дней на то, чтобы как следует «вправить мозги» своей жене.

В чём же была виновата Александра? Нет, конечно же, у Валерия и мысли не было о возможности супружеской измены со стороны женщины, которую он давно уже не воспринимал как сексуальный объект. Он был уверен: когда Александра не ночевала дома, она спала у какой-нибудь своей подруги. Наверное, две дуры ночь напролёт ныли друг другу о том, какие их мужья сволочи, – строил циничные предположения Валерий. Но он не собирался оставлять безнаказанной «истерическую выходку» жены, а заодно хотел выместить на ней свои фрустрации по поводу его неудачи с Юлией, словно Александра специально «сглазила» или наколдовала, чтобы у них там всё разладилось.

Конечно же, Александра не могла знать подробностей происшедшей за городом истории, но по голосу мужа сразу же почувствовала, как в её собственной жизни ступились тучи. Она принялась обеспокоенно собираться домой, словно готовилась к своей казни. Но в какой-то момент тяжело опустилась на диван, её лицо перекосилось в трагической гримасе, губы задрожали, и вскоре всё тело Александры стало сотрясаться от рыданий.

Женя сел рядом с ней и принялся успокаивать, как мог. Наконец, когда к Александре вернулась способность членораздельно говорить через всхлипы, она спросила: у тебя есть что-нибудь выпить? Женя принёс ей воды, но она стала требовать алкоголь. Потом Александра выключила телефон, и они вместе пили всю ночь. А утром, точнее, уже днём, опохмелившись, поплелась, сильно шатаясь, домой, настоятельно попросив Женю её не провожать.

Добравшись, наконец, до своей квартиры, Александра заплетающимся языком ответила на вопрос мужа «где была?» так: «У любовника. Думаешь, только ты имеешь право шляться?!» Валерий, скорее всего, совершенно не поверил в правдивость слов супруги, списав услышанное им от неё на глупую женскую обиду, толкавшую её на жалкие попытки хоть как-то отомстить ему за неверность. Это, однако, не помешало ему предпринять суровые репрессивные меры. Он сформулировал набор жёстких ограничений, которые впредь будут регламентировать поведение его жены. В случае же непослушания пригрозил поместить её «в дулку строгого режима для чистки организма и в первую очередь дурной головы».

Больше Александра и Женя не виделись никогда. Лишь однажды она позвонила ему с левого номера и вздрагивающим голосом попросила «простить за всё» и больше не искать встречи с ней. Женя собрался было ей возразить, но услышал гудки, а его попытка перезвонить наткнулась на безжалостные слова: «Аппарат вызываемого абонента выключен или находится вне зоны действия сети», лишившие его навсегда возможности ещё хоть раз увидеть женщину, с которой он неожиданно стал так близок.

После этого прощального разговора с Александрой Женю как будто подменили, в нём словно что-то надломилось. И его жена, вернувшаяся через несколько дней, не могла не заметить происшедшей с ним перемены, а потому первым делом, как только увидела его, поинтересовалась: что случилось? Женя привык говорить ей правду и ничего не скрывать, а потому просто рассказал всё, как было. Она простила его и даже попыталась понять, но когда спустя несколько дней ей снова пришлось отправиться на свою родину, чтобы ухаживать за матерью, состояние здоровья которой ухудшалось, необходимость оставить Женю на пару недель также вызвала у неё сильное беспокойство.

Случайно встречая Женю после отъезда его супруги, Джонни мог хорошо понять её тревогу за мужа. Каждый раз, когда Джонни видел Женю, тот был пьяным. И каждый раз, с трудом ворочая языком, говорил примерно одно и то же: скоро у меня будут деньги, и тогда я попрошу тебя сделать мне новый крутой компьютер. Это вызывало у Джонни тяжёлые, противоречивые чувства.

С одной стороны, ему было по-человечески жаль Женю, как и всех алкоголиков и наркоманов, а также вообще людей, которые сами, своими же действиями вынуждены губить собственное здоровье. Конечно, Джонни и сам был таким – он хоть и не пил, зато несколько лет обжирался и жирел, и уже не первое десятилетие не мог лечь спать раньше трёх часов ночи, делая себя тем самым ещё более больным. Однако чужое нездоровое поведение, которое видишь со стороны, обычно кажется куда более абсурдным, нежели твоё собственное, которому для себя непременно находишь веские оправдания, кажущиеся весьма логичными.

Поэтому теперь, практически каждый день наблюдая пьяного Женю, Джонни испытывал сильное желание поговорить с другом детства и уберечь его от беды, которая, как был убеждён Джонни, непременно случится с Женей, если тот не прекратит пить. Но в то же время не решался, думая: «У нас не столь близкая дружба с ним, чтобы лезть в его жизнь! И в самом деле, кто я ему теперь? Друг детства? Так то дела давно минувших дней!» Джонни представил, как нравоучения о вреде пьянства будут бесить Женю, как злило бы его самого, если бы ему кто-то напомнил, к примеру, о необходимости соблюдать режим сна и питания. Так он и сам об этом прекрасно знает! А толку?!

Кроме того, Джонни не мог не заметить, как выросла за последнее время агрессивность Жени. Джонни становился свидетелем её проявлений, например, когда слушал доносившиеся с лестницы пьяные вопли всё более распяляющегося соседа о том, что тот сделает с Валерием, мужем Александры, когда его встретит. Нет, разумеется, речи и быть не могло о реальном противостоянии. Тем более, у тщедушного Жени не имелось ни малейшего шанса в открытом рукопашном бою против Валерия, сохранившего, несмотря на свой возраст, прекрасную спортивную форму и трахавшего молодых баб. Поэтому, наблюдая товарища, гневно размахивавшего хильми кулачками в воздухе и угрожавшего при этом заочному противнику, Джонни скорее чувствовал жалость, нежели верил в реализацию звучавших угроз на практике. Тем не менее, Джонни находил саму сцену весьма показательной.

Вероятно, Женя также осознавал серьёзность сложившейся в его жизни ситуации, но просто не мог её изменить. Джонни в таком духе интерпретировал и навязчивое стремление товарища каждый раз говорить о планах (или, если смотреть более реально – мечтах) приобрести новый компьютер как более «экологичный» наркотик на фоне ежедневного заливания внутрь этанола.

С другой стороны, в пьянстве Жени Джонни находил очень странное, в прямом смысле слова болезненное, утешение для себя. Последние месяцы, примерно с тех пор, как умерла его мама, Джонни чувствовал себя так плохо чисто физически, что ему трудно было сходить даже в ближайший магазин за продуктами. Но, проходя мимо пьяного Жени, то и дело курившего уже даже не сигареты, а какие-то самокрутки со странным запахом, Джонни думал про себя: «если при таком нездоровом образе жизни Женя до сих пор жив, может, и я ещё сколько-нибудь протяну?»

Но неожиданно наступила трагическая развязка. Это произошло как раз накануне праздника 23 февраля, в тот самый день, когда должна была вернуться Женина супруга. Джонни, возвращавшийся из

поездки за железками для своей работы, выйдя из лифта на своём этаже, наткнулся на двух сотрудников скорой помощи, склонившихся над человеком, лежавшим на лестничной клетке. У него сразу же мелькнула мрачная мысль: кто бы это ни был, он уже не нуждается ни в каких реанимационных мероприятиях, а медики просто исполняли положенный в таких случаях протокол. Слишком поздно. Жизнь этого человека оборвалась. И тут же, даже не рискуя ещё раз взглянуть на лежащего, чтобы лучше его рассмотреть, Джонни остолбенел от ужаса, когда интуитивно понял: Женя. Джонни даже не думал больше над вопросом, как он догадался, не видя лица человека, но больше в этом не сомневался. Словно робот, не чувствуя пола под ногами, Джонни прошёл в свою квартиру.

Когда он вышел на улицу за второй партией, Андрей Денисов, перевозивший его добро на своей машине, стал ругаться на него: «Ты чего там так долго? Сколько я тебя тут буду ждать?!» – «Там у нас на лестничной клетке кто-то умер. Кажется, Женя, мой сосед, ну ты знаешь...», – только и смог выдать из себя Джонни. Услышав новость, Андрей переменялся в лице и сказал мрачным тоном: «Да ты что? Не может быть!..»

Внеся домой остаток привезённого товара, Джонни не рискнул больше выйти на лестницу, словно боясь немого вопроса близких и собутыльников Жени: «А ты какого хрена тут делаешь? Пришёл поглазеть на труп?» Поэтому дальнейшие события он наблюдал уже сквозь замочную скважину.

Как и положено в таких случаях, вскоре приехали менты, судя по всему, заинтересованные в том, чтобы в этой истории было как можно меньше криминала. Поэтому они просто кратко поинтересовались: «Пил?», чтобы утвердительный ответ раз и навсегда закрыл вопрос о причинах смерти. Им рассказали, как, собственно, было дело. Мол, отмечал человек праздник, вышел на лестницу покурить (не упомянули только: смесь под названием «спайс», которой начал баловаться последнее время). Ему стало плохо – он лёг.

Нет, разумеется, собутыльники Жени не были людьми бессердечными. Просто в этой компании слишком часто человек, приняв внутрь лишнего, уже не мог стоять на ногах, чтобы каждый раз считать это предвестником смерти. А потому Женю просто уложили поудобнее, чтобы он проспался, как вскоре выяснилось, вечным сном. И только потом заметили полное отсутствие признаков жизни...

По мере приближения приезда труповозки, которая должна была увезти тело Жени, эмоции собравшихся стали накаляться. Вова, давний (ещё с детства) товарищ и собутыльник Жени, словно внезапно осознав, что скоро его лучшего друга заберут у него навсегда, не просто пустил скупую мужскую слезу, но дал волю чувствам, и заплакал навзрыд, обращаясь к усопшему: «Зачем ты оставил меня?! Почему я не могу уйти вместе с тобой?!»

Вскоре также пришла супруга (теперь уже вдова) Жени. Мгновенно осознав смысл и трагическую необратимость случившегося, она издала надрывный вопль великой скорби, который был слышен на всех этажах, после чего опустилась на колени с другой стороны от Вовы и также принялась обнимать умершего.

Наблюдение этой траурной сцены вызвало у Джонни сложные и неоднозначные чувства. С одной стороны, несмотря на безысходный трагизм ситуации, она наполнила его радостью от осознания того, что есть ещё люди, которым не наплевать, когда умирает близкий человек. С другой – он вдруг с горечью подумал о том, как когда уйдёт он сам (а Джонни знал, что это произойдёт скоро), то если об этом кто-то и будет сожалеть, то исключительно из-за невозможности его дальше использовать.

От этой печальной мысли Джонни отвлёк приход первой супруги Жени. Эта не только не зарыдала при виде трупа своего бывшего мужа, но принялась совершенно хладнокровным тоном выяснять у его родителей интересовавшие её организационные моменты. А когда кто-то из присутствовавших при этом не выдержал и резко заявил ей, мол, давай об этом не сейчас, имей почтение к покойному, она высказала искреннее недоумение: «он оживёт, что ли, от этого почтения?!»

Наблюдая её реакцию и то, как она была воспринята окружающими, Джонни не мог также не задуматься о собственном двойном стандарте. Он вдруг вспомнил, как сам вёл себя чуть более полугодом назад, когда хоронил свою маму. Но если бы ему указали на безэмоциональность в его поведении тогда, Джонни, несомненно, списал её на то, что в стиле дедушки Фрейда принято называть изоляцией аффекта, т.е. проявление в травмирующей ситуации защитного механизма и без того нездоровой психики. Со стороны же бывшей Жениной гастарбайтерши подобное представлялось ему теперь указанием на серьёзный порок её личности. Психолухи назвали бы это искажением в собственную пользу с основной ошибкой атрибуции, – цинично подумал про себя Джонни.

После того как труповозка забрала Женю и из коридора все разошлись, Джонни прекратил своё наблюдение за происходящим на лестничной клетке. Однако мысли о происшедшей трагедии ещё долго не давали ему покоя. Почему его друг детства ушёл так рано, в 40 лет? Ведь даже при низкой средней продолжительности жизни в России, казалось, он мог бы ещё жить и жить. Тем более, Женя, наверное, не был таким больным, как сам Джонни. Кто же был виноват в случившемся?

Простые люди, обыватели, как правило, в такой ситуации винили самого человека. Для них любой алкоголик – слабый, безвольный и вообще ничтожный человек, не сумевший вовремя взять себя в руки, а потому так, мол, ему и надо. В крайнем случае, могут обвинить тех, кто продаёт загадочную хрень под названием «спайс», выкурив которую Женя упал на лестнице и больше никогда уже не поднялся.

Однако Джонни был категорически не согласен с таким взглядом. У него была другая теория. По мнению Джонни, человек пил и курил травку в первую очередь с тем, чтобы изменить своё состояние сознания, дабы сбежать от реальности, которая его не устраивала и порой была просто невыносимой. Так,

Женя, сколько ни старался, не мог найти средства для приобретения тех (в первую очередь материальных) благ, которые были доступны другим людям.

Он очень хотел, например, чтобы росла здоровой его любимая младшенькая дочка. Тем более, она родилась очень слабенькой и болезненной, в значительной степени, видимо, из-за нежелания своей матери в период беременности отказаться от вредных привычек. Но, несмотря на свои благие побуждения, Жене оставалось только завидовать, когда он слушал рассказы соседа, который был на пять лет младше, и у которого также было двое детей. Дима (так звали соседа) гордился тем, как он возил (а у Жени и автомобиля-то своего не было!) своего старшего сына в шикарный бассейн, как с младшим занимались в элитном детском саду всяческие логопеды и психолухи, способствуя раннему развитию. Получалось, Женя вроде как очень любил своих дочерей, но, сколько бы ни работал, не мог дать им того, что без труда обеспечивали своим наследникам другие отцы. Например, Дима, казалось, также был простым парнем, который университетов не заканчивал. Но он работал ментом, точнее, гаишником. И если Жене за несчастную тысячу рублей приходилось часами трудиться в поте лица, то Диме было проще: «двойную сплошную пересёк – косарь должен!»

В результате, Женя чувствовал себя жалким неудачником, не способным даже достойно позаботиться о своих детях. Масла в огонь подливали его родители. Так, отец постоянно ставил ему в пример двоюродную сестру Юлю, которая окончила школу с медалью, институт с красным дипломом, устроилась в престижную фирму и «хорошо» вышла замуж (т.е. за богатого, высоко статусного жениха).

Жене стало морально легче на какое-то время, когда благодаря компьютерным урокам Андрея он стал открывать для себя тайну Джонни, сбежавшего от суровой реальности в виртуальный мир. Однако Женя не мог считать такой путь идеально подходящим для себя – ведь у него, в отличие от Джонни, были любимые дети, его не радовала перспектива быть изгоем, и он хотел чувствовать себя полноценным, достойным человеком в «настоящей», а не нарисованной жизни. Однако удовлетворительного решения этой жизненной задачи найти не мог, а потому приходил в отчаяние и пил.

После безвременной кончины друга детства Джонни не давал покоя вопрос, который он снова и снова задавал себе: как сделать так, чтобы честные, простые работяги не чувствовали себя ущербными из-за своих незавидных результатов на крысиных бегах по жизни, даже несмотря на тотальное засилье идеологии потребления? Однако удовлетворительного ответа ему пока найти не удавалось.

Новые встречи с сучкой

Впрочем, это был не единственный вопрос, занимавший Джонни в те дни. Не меньше его мысли были заняты той, с кем он снова встретился примерно неделю назад.

Джонни не верил в чудеса. Поэтому? когда случались совпадения, представлявшиеся ему слишком маловероятными, он старался найти им объяснение. Это, однако, ему не всегда удавалось. Так обстояло дело и с совпадениями, предшествовавшими последней встрече.

Джонни вспомнил, как в субботу, 19 января, когда он был у Светланы, ему написала Леночка. Тогда он не мог встретиться, т.к. ещё было много дел у клиентки, к которой он специально приехал на другой конец Москвы. Другой примечательной особенностью той январской субботы для него была необычная посещаемость его сайта после размещения ссылки на женском форуме. Конечно, 17 визитов в день для других – смешной показатель, однако для Джонни, на ресурс которого обычно заходили 1-2 человека, и это было праздником.

Суббота 16 февраля выдалась ещё более изумительной. В этот день 17 человек успели побывать на сайте Джонни уже к двум часам дня. Он догадывался, с чем это было связано. В ночь на ту субботу он поместил ссылку на свой сайт в гостевой книге газеты красных пенсионеров. Нет, разумеется, это издание было в принципе адресовано читателям всех возрастов, просто политическую ориентацию данного печатного органа оппозиции разделяли практически лишь обездоленные представители старшего поколения, скудно разбавленные некоторыми «выродками» помладше, вроде Джонни.

И, само собой, издание такого толка было бедным и ретроградным в смысле использования современных веб-технологий. А потому вместо создания крутого сайта с современными средствами обратной связи с читателями было вынуждено использовать антикварные гостевые книги.

Другие, более стильные ресурсы, не могли себе позволить прибегнуть к такому методу связи с посетителями даже не по причине его старомодности как таковой. Гостевые книги было проблематично защищать от спама, а потому они моментально оказывались загаженными тоннами чужой рекламы.

Однако что касается сайта газеты старых большевиков, то складывалось впечатление, словно спаммеры специально инструктировали своих ботов обходить его стороной. И это было предусмотрительным решением, т.к. такой аудиторией не только ничего особо не продашь, но можно и нарваться на особые любезности, когда ретивые представители старой гвардии будут специально звонить, дабы выразить своё отношение: «Сталина на вас нет, твари!»

В то же время, сайт Джонни был встречен весьма радушно. В психопатах, о которых писал Джонни, боевые пенсионеры охотно узнавали руководителей своего государства, министров, депутатов дерьмократического толка, а также «буржуев», обокравших народ – олигархов и прочих представителей «воровского» бизнеса.

Сам Джонни, впрочем, был совершенно не согласен с такой оценкой. Он старался строго разграничивать. Настоящие психопаты, такие как Сергей Туповский, Андрей Валенков или Леночка – это просто больные от природы люди, обречённые своим недугом на антисоциальное поведение. А потому, как бы они ни бесили людей, которые так или иначе от них пострадали (о, как хорошо мог Джонни понимать чувства этих жертв!), то была не вина, а скорее беда этих бессердечных монстров, поскольку у них на самом деле не было выбора.

И совсем другое дело – руководители государства, проводящие политику, ведущую к чудовищному социальному неравенству, когда многие трудящиеся оказываются не в состоянии обеспечить себе сколько-нибудь достойную и комфортную жизнь, у значительной части молодёжи отняли качественное фундаментальное образование, а бедные больные умирают, будучи лишены возможности получить медицинскую помощь на современном уровне. Или воротили сырьевого, финансового и т.д. рынков, которые наживаются на своих нищих соотечественниках. У них *был* выбор, и они его сделали в ущерб другим людям. Поэтому, для Джонни такие правители и дельцы были не психопатами, а просто мразями. Негодяями, которые по справедливости должны ответить за содеянное.

Впрочем, как бы там ни было, Джонни был заочно признателен старшим идейным товарищам за внимание к его проекту – большее, нежели ему удалось когда-либо снискать во всём интернете. Такой неожиданный интерес невольно также заставил Джонни вспомнить о тех психопатах, которых ему довелось изучать лично, и в первую очередь о Леночке. Как там она? – думал Джонни, и мысли о ней упорно не хотели уходить у него из головы.

Тем временем неожиданно раздался звонок. Взглянув на телефон, чтобы узнать номер, Джонни обомлел: это была ОНА! Леночка своим привычно очаровательно-приветливым тоном звала его встретиться. Джонни же, как обычно, не успев ничего сообразить, машинально согласился. И лишь потом, уже завершив звонок, попытался осмыслить случившееся. Совпадения не могли не настораживать его. Мало того, Леночка позвонила именно в тот самый момент, когда Джонни её вспоминал, так ещё словно специально выбрала день, когда на его сайт про таких как она пришло больше всего посетителей. Случайность? Но тогда не слишком ли маловероятная, чтобы быть ею?

В большую голову Джонни теперь лезли самые дикие мысли: быть может, эта дрянь хочет организовать его убийство, чтобы он не смог сделать свой сайт о психопатах ещё более популярным? Но тут же, вздрогнув от такой идеи, будто этим судорожным движением Джонни пытался сбросить с себя собственный бред, он словно скомандовал себе: «отставить паранойю!» Джонни встал и принялся собираться в ресторан.

По дороге, помимо странности уже отмеченных совпадений, ему не давала покоя мысль: «зачем она меня позвала?» Этот вопрос начал проявляться, когда при встрече Леночка рассказала ему о том, как она провела период их разлуки. По словам Леночки, три месяца из этих четырёх она работала, а потом её сократили. «Не иначе, начальник тамошний себе новую сосалку нашёл, а то эта совсем ох*ела, не прокормить её стало», – цинично подумал Джонни. И, разумеется, просидев месяц без работы, Леночка поиздержалась, а потому решила встретиться с ним, чтобы стрелнуть у него немного денег.

Джонни, впрочем, не отказал себе в удовольствии поинтересоваться её мотивами у неё самой, даже прекрасно понимая, что правды она не скажет: «чего это ты вдруг вспомнила про меня и решила встретиться?» Леночку, разумеется, вопрос никоим образом не смутил, хотя ответ её оказался несколько необычным. Оказывается, на этот раз инициатива исходила от мамы Леночки, поинтересовавшейся у дочери: «А где там Муся? Ты не общаешься с ним?» Джонни полубопытствовал: «Она знает, что ты сейчас здесь?» Ответ изумил его: «Да. Обычно я сижу дома. А мама хочет, чтобы я скорее выходила замуж, поэтому она очень рада, что я пошла с тобой встречаться».

Разумеется, сказанное по большей части было ложью. Во-первых, Леночка обычно не сидела дома, а шлялась по мужикам, занимаясь, по сути, проституцией, а также изошрённым паразитизмом. Во-вторых, с одной стороны, Джонни, конечно, мог понять ситуацию несчастной женщины, проведшую к тому моменту большую часть своей жизни в тщетных попытках совладать с однажды вылезшим из её чрева монстром и всячески стремившуюся теперь удалить это милое с виду чудовище со своей территории. Но с другой – в каком бы раю для дураков Леночкина мать не жила относительно собственной дочери, ей хватило бы ума сообразить, что Леночка НИКОГДА не выйдет замуж за Джонни, даже если бы он ей это предложил, чего, естественно, тоже точно никогда не случится!

Потом Леночка рассказала, как в тот месяц, когда уже не работала, она заболела гриппом, «с высокой температурой, под 40». Джонни, разумеется, опять ей не поверил. Во-первых, за весь период их регулярного общения она не болела простудой ни разу и вообще представлялась ему здоровой сучкой, на которой всё жаждало, как на собаке. Во-вторых, из вероятностных соображений, у неё было гораздо больше шансов заразиться гриппом, пока она ездила каждый день на работу, чем когда изредка выбиралась на собеседования. Зато теперь ей было очень удобно не только разжалобить Джонни рассказом о болезни, от которой она «чуть не умерла», но и частично объяснить этим, почему она до сих пор не устроилась на работу.

На упомянутом вранье, однако, сюрпризы того дня, связанные с Леночкой, для Джонни ещё не закончились. Когда они вышли из ресторана, вместо того чтобы пойти в сторону метро, Леночка повернула в противоположном направлении. Джонни, не нашедший слов от неожиданности, пошёл за ней. В принципе,

Леночка двигалась в сторону своего дома, но было совершенно очевидно, что она не пойдёт по снегу километр с лишним – целый перегон между станциями метро.

Конечно же, Джонни не в первый раз приходилось становиться свидетелем её, мягко говоря, необычного поведения. Однако раньше в действиях Леночки всегда просматривалась пусть жестокая и деструктивная, приносящая вред другим людям и в итоге вред ей самой, но – логика. Теперь же Джонни решительно не понимал смысла происходящего. Несомненно, где-то там, в глубине её психопатического мозга, сидело объяснение её необычного поведения, но оно было не понятно Джонни, и это его пугало.

Наконец, пройдя метров пятьдесят, Леночка сказала: «Ты куда идёшь? Мне в другую сторону, к метро!» После чего развернулась и пошла обратно. Опешивший Джонни пробормотал в ответ: «Я за тобой!», на что Леночка ему ответила: «А я за тобой!»

Вскоре они спустились в метро и попрощались, а Джонни остался наедине с очередной загадкой. Теперь у него всё сильнее становилось ощущение, что это был какой-то тест, который он, очевидно, не прошёл. Но что же тогда проверялось?

Разумеется, у него не было никакой возможности выяснить этот вопрос достоверно, а спрашивать у самой «экзаменаторши» представлялось совершенно глупым и бесперспективным. Поэтому оставалось только строить догадки. Среди них, за неимением лучшего, наиболее правдоподобной Джонни представлялась версия, связанная с половоролевыми стереотипами. Он вспомнил, как однажды Леночка разглагольствовала о своём желании видеть рядом с собой мужчину, «за которым хоть на край света». Очевидно, Джонни никоим образом не подходил под этот критерий, так как во время их встреч сам повсюду плёл за Леночкой, словно овца.

Она, разумеется, была отнюдь не единственной в этой стране, кто озвучивал подобные мнения. Видимо, важным мужчинам, располагающим властью и ресурсами, была выгодна такая позиция представительниц пола, которому навязывали роль слабого, поскольку она способствовала формированию вполне легитимного рынка недалёких самок.

Конечно, где-нибудь в цивилизованном мире, в Пиндостане или тем более какой-нибудь Швеции, свободная, независимая, самодостаточная женщина не задавалась вопросом, поведёт ли её мужчина или она его – главное, куда они придут вместе. Зато здесь наглые рассуждения о том, кто ей что должен, были очень удобным инструментом в руках паразитических сучек, торгующих своими дырками (и чаще даже просто соответствующими посулами), у которых за душой-то больше и нет практически ничего. Но, с другой стороны, прорастание подобных стереотипов в обществе калечило жизни честных, порядочных, работающих женщин, разбивавших свои головы о стеклянный потолок с надписью: «Рот закрой! Твой день – 8 марта! Твоё место – кухня и спальня!»

Насколько бы ни была справедлива половоролевая интерпретация выходки Леночки, когда она пошла не в ту сторону, её поведение в начале следующей встречи было в этом отношении вопиющим. Собираясь увидеться с ней 23 февраля, Джонни был уверен: эта сучка ничего ему не подарит на мужской праздник. Но как она это объяснит? Конечно, у неё есть вариант прямо заявить: «Я безработная, у меня нет денег и всё такое». Но в то же время, что-то подсказывало Джонни: «Это было бы слишком примитивно. Такая артистка непременно поступит оригинальнее».

Таким образом, Джонни был до некоторой степени морально готов к нестандартному поведению Леночки. Но даже несмотря на это, она поразила его. При встрече, поздоровавшись, Леночка первым делом поинтересовалась: «А где мой подарок?» –?! Заметив явное недоумение и даже некоторый шок со стороны Джонни, Леночка пояснила, используя аргумент, уже применявшийся ею прежде в разговорах с ним. Дескать, в их общении Джонни ведёт себя подобно девочке, соответственно она вынуждена брать на себя роль мальчика. А потому, раз такое дело, ей полагается подарок в честь мужского праздника.

Когда они уже сидели вместе в кино, снова и снова прокручивая эту сцену в своей голове, Джонни вначале чувствовал сильную обиду. «Получается, эта о**евшая дрянь вообще ни во что меня не ставит, раз имеет наглость так вести себя со мной», – думал раздражённо Джонни. Однако по мере того, как он размышлял над происшедшим, в его сознании постепенно стала вырисовываться совершенно иная картина.

Джонни вспомнил, какую замечательную собачку Леночка подарила ему на 23 февраля ровно два года назад. Он и теперь, глядя время от времени на эту милую игрушку, испытывал трогательные чувства. Как ни странно, собачка даже не впитала в себя тот негатив, который накопился у него со временем к реальной Леночке, оказавшейся омерзительной сучкой, словно данная зверюшка была подарена ему совсем другой девушкой из доброй сказки.

Однако теперь подобная игрушка, например, даже если бы Леночка на неё раскошелилась, смотрелась бы совершенно абсурдно в своей неуместности. И в то же время, наверное, нельзя однозначно сказать, что Леночка на этот раз оставила Джонни без подарка. Ведь она преподнесла ему изумительный сюрприз, разыграв перед ним такой спектакль! И в результате у него помимо ярких впечатлений от самого действия остался очень ценный иллюстративный материал о поведении психопатов. И в самом деле, кто ещё, кроме как человек, начисто лишённый и намёка на совесть, мог повести себя таким образом?!

Переориентировав такими рассуждениями свои мысли в более позитивном направлении, Джонни уже не прокручивал навязчиво в своих мыслях обиду, нанесённую ему Леночкой, а думал о том, как и дальше развивать свой прогресс в понимании её внутреннего мира.

С тех пор, как Джонни начал изучать психопатов, ему не давали покоя вопросы: «О чём же они на самом деле думают? Что у них на уме?» С другими, «нормальными», более-менее честными и порядочными людьми это выяснялось прямолинейно. Обычно достаточно было просто поинтересоваться, чтобы получить достоверный ответ.

С психопатами и прочими деструктивными личностями дело обстояло куда сложнее. Номинально, их стиль коммуникации следовал негласным правилам общения: рассказываешь о себе и узнаёшь историю другого человека из его рассказа. Но вот незадача: ты-то вываливаешь всю правду-матку, как есть на самом деле, тем самым дополнительно повышая свою уязвимость перед обманом, эксплуатацией и прочей деструктивной активностью. А твой милый такой с виду собеседник ещё дополнительно провоцирует тебя на откровенность своими наводящими вопросами, да и просто держась как: «Я твой лучший друг, и ты можешь рассказать мне о том, что тебя беспокоит». Сам(а) же он(а) сообщает тебе строго дозированные сведения, ловко нафаршированные ложью, чтобы произвести на тебя нужное впечатление и вообще в целом было удобней манипулировать твоим сознанием.

Психопат при этом также по возможности старается сделать так, чтобы у вас с ним не было общих знакомых – так у тебя нет возможности проверить справедливость услышанных историй. Подобным образом дело обстояло, например, когда Леночка рассказывала Джонни о том, как она болела гриппом: он знал, что это не так, но не мог её уличить.

Оглядываясь назад, Джонни не мог не задуматься о том, какая прекрасная возможность у него тогда имелаась узнать правду о Леночке от неё самой, когда она консультировалась с ним относительно своего любовника, и как он, Джонни, бездарно просрал тогда свой шанс. Ведь в тот период ему было реально убедить её быть правдивой с ним, ссылаясь на важность получаемых от неё сведений.

Конечно, она в принципе могла бы подумать о том, как сообщение истинных сведений о себе навредит ей в долгосрочной перспективе, но будучи увлечена текущей задачей – заполучить любовника обратно – не придавала бы этому большого значения.

Но, как бы там ни было, Джонни теперь было глупо кусать локти в отчаянии, обречённо глядя на события, безвозвратно оставленные за кормой в этом необратимом движении вперёд по реке времени. Разумней было, как наставляла его когда-то сама Леночка, сосредоточиться на происходящем между ними здесь и теперь, и стараться тщательно выбирать зёрна истины среди множества плевел лжи, из которых в основном состояли её истории.

А пока Джонни размышлял над этим, Леночка рассказывала ему очередную небылицу. В принципе, он уже давно понял, к чему Леночка собирается его подвести, а потому в качестве превентивной меры поинтересовался, ищет ли она работу. С видом человека, оскорблённого заведомо неуместным вопросом, она ответила утвердительно. По словам Леночки, она не просто ездила на собеседования, иногда по несколько раз в день, но и делала это порой с ущербом для своего здоровья.

После чего Леночка рассказала, как недавно, когда она направлялась в важную контору, ей на голову упала сосулька. При этом Джонни, который сразу же не захотел верить в эту историю, попытался представить себе здания в окрестности метро Белорусская, но не мог вспомнить. А поскольку нужно было что-то ответить Леночке или хотя бы прокомментировать, поинтересовался: «На какое место, в смысле, часть головы?» Потом, услышав ответ: «макушка, темя, или как это называется», Джонни сказал: «Такая травма может быть очень опасна». Как принялся объяснять Джонни, удар сверху, даже если не вызывает внутреннего кровотечения и соответственно образования внутричерепной гематомы, представляет угрозу повреждения ствольных структур – самой важной с точки зрения поддержания жизни части человеческого организма. По словам Джонни, повреждение ствола и в первую очередь продолговатого мозга (где расположен дыхательный центр и т.д.) вызовет мгновенную смерть, а если травмируется кора, то «скорее станешь совсем дурочкой или овощем, но больше шансов выжить».

Его собеседница ответила: «Нет, тогда уж лучше сразу умереть!» И услышав эту реплику Леночки, Джонни сразу же понял: при всей своей лживости, в этих конкретных словах она говорила совершенно искренне. Для Леночки жизнь имела смысл лишь «на всю катушку», во всей полноте ощущений. В противоположность ей, у самого Джонни страх перед вечным небытием, наступающим за той чертой, из-за которой нет возврата, был столь велик, что он был согласен стать выжившим из ума овощем, лишь бы хоть как-то протянуть ещё немного своё существование.

Тем временем, словно увлекшись этой темой, Леночка принялась говорить о том, как она хотела бы жить только до пятидесяти лет, а дальше не видит смысла, т.к. в старости, мол, уже не то. Сказанное ею, разумеется, не подразумевало планов совершить суицид на следующий день после встречи своего полтинника, но идея была ясна: в отличие, например, от Джонни, у неё не было бы сложностей с тем, чтобы подвести черту под своей жизнью.

Для Леночки не имело смысла просто присутствовать на белом свете – только жить во всей полноте ощущений. В её восприятии, существование, которое день за днём влачил Джонни, в постоянной тревоге, терзаемый множеством болезней, реальных и предположительно у себя диагностированных, она бы не смогла назвать жизнью.

Наверное, Леночка при случае с большим садистским удовольствием заявила бы Джонни, что в его ситуации глупо бояться смерти, т.к. он всё равно не живёт в сколько-нибудь полноценном смысле. Однако если Леночка выскажет это ему прямым текстом, несомненно, его обида на неё будет столь сильной, что ей

станет проблематично продолжать с ним общение и дальше использовать его в своих корыстных целях, а потому она сдерживалась.

Видя интерес Леночки к данной теме, Джонни захотелось продолжить с ней разговор о смерти и жизни по возвращении домой. Благо, теперь у него имелась такая возможность, поскольку у Леночки появился скайп. Джонни прекрасно понимал, почему она перебралась из аськи в этот новый формат виртуального общения. Подобно многим другим паразитическим контенткам, Леночка использовала скайп в качестве канала оказания услуг дистанционной проституции. Разумеется, Джонни свечку ей там не держал, чтобы точно сделать такой вывод, но по косвенным признакам можно было судить об этом с уверенностью. Например, однажды она была онлайн в такое время, когда ей давно пора было спать, или не отвечала на его сообщения, очевидно, слишком «занятая» видеозвонком. И получить от неё правдивые разъяснения по этому поводу, кроме «а тебя е**т?», было невозможно. Леночка просто не могла сознаться в этом Джонни, а потому, когда он сказал: «у меня без видео», охотно поддакнула: «у меня тоже». К тому же, у Леночки совершенно не было желания ни себя лишней раз ему демонстрировать, ни тем более без надобности лицеизреть его рожу.

Джонни же, несмотря на невозможность видеть и слышать Леночку, был доволен тем, что ему в результате их общения оставались написанные ею реплики, которые можно было снова перечитать, дабы более тщательно проследить образ мыслей этой психопатки.

И естественно, с ней будет связано ещё много загадок. Взять хотя бы сам её идентификатор в скайпе, что-то вроде Lina-5964. Джонни мог догадаться, что 64 – год рождения её матери, хотя трудно было быть уверенным даже в том, что это число было выбрано именно по такому признаку. Но каков тогда смысл 59? Задумавшись над этим вопросом, Джонни в итоге решил не терзать себя догадками, подумав о том, как важно уметь вовремя отставить в сторону бессмысленное любопытство, как бы оно тебя ни мучило, и тратить своё время и энергию лишь на вопросы, на которые реально найти важные и полезные ответы.

Одной такой продуктивной темой ему представлялось продолжение разговора с Леночкой о финале человеческой жизни, начатого в ресторане. Джонни очень хотелось побеседовать с ней о драматических событиях, свидетелями которых он в той или иной форме стал за последние десять дней.

Конечно, происшедшее оставило у Джонни на душе гнетущее – депрессивное впечатление. И ему на самом деле очень хотелось бы поделиться своими переживаниями по поводу случившегося с действительно близким человеком, настоящим другом или подругой. Джонни в такие моменты мог даже понять людей, которые ходят ко всяческим психолухам, психотерапевтам и прочим мозготрахам. Нет, разумеется, не ради фрейдистского и тому подобного высера о том, как они сами виноваты в своих проблемах и терзаниях. Просто иногда человеку нужен человек. Тот, кто не осудит, а выслушает, постарается понять и поддержит, хотя бы «морально». Однако в эпоху нарциссизма люди разучились дружить и любить друг друга по-настоящему (если, конечно, говорить о подлинных чувствах, а не о сделках, скажем, между мужчинами и женщинами по поводу купли-продажи актов совокупления оптом и в розницу). Тем, кто жалуется на жизнь, вначале вежливо предлагают «взять себя в руки», потом обратиться к «специалистам» – психолухам и прочим шлюхам души человеческой, а затем их и вовсе начинают обходить стороной, клеймя нытиками и энергетическими вампирами. Державшиеся же «молодцами» всячески стараются на словах и в социальных сетях пускать друг другу в глаза пыль своих поверхностных достижений, обычно вызывая вместо радости за товарища зависть, плавно перераставшую в ненависть. То и дело наблюдая подобные взаимоотношения, всю фальшь и обман, которым люди подвергают тех, кто считает их близкими и доверяет, Джонни уже не завидовал тем, у кого якобы есть друзья. Он прекрасно знал: стоит кому-то оказаться в действительно трудной ситуации, из которой не предвидится реального выхода, как большая часть «преданных товарищей» улетучатся вместе с успехом.

Однако в отсутствие подлинных друзей, равно как и шансов когда-либо обзавестись ими, Джонни приходилось рассказывать о наболевшем тем, кто, как говорится, попадался под руку. И в данной ситуации на этом месте оказалась Леночка. Казалось бы, с одной стороны, она была едва ли не самым худшим выбором собеседника с кем пооткровенничать. Ведь фактически тем самым он в некотором роде демонстрировал ей свою душевную уязвимость, открывая перед ней дополнительные перспективы манипулировать им, эксплуатировать в эгоистически – корыстных целях, да и просто давал ей возможность получить свойственное психопатам садистское удовлетворение, нажимая на его больные места.

Но, с другой стороны, осознанно провоцируя Леночку на такие проявления, Джонни получал изумительную возможность изучать внутренний мир психопатки, наблюдая её реакцию на описываемые им драматические события.

Настроив себя таким образом, Джонни рассказал Леночке о том, как события последних дней привели его к навязчивым мыслям о смерти. Сначала поведал про Женю, друга детства, умершего прямо на лестнице чуть ли не у него на глазах. Затем следовала история Ирки.

Джонни познакомился с Иркой на сайте «супер эксперт», где он выступал в роли психолуха, предоставляющего бесплатные консультации, надеясь таким образом выйти на пострадавших от психопатов и прочих деструктивных личностей. К сожалению, эти надежды не оправдались, т.к. по большей части его «пациентками» оказывались тётки и девицы, не поладившие со своими мужьями и кавалерами по весьма банальным причинам типа быта, собственных душевных проблем или неоправданно высоких запросов к избранникам и т.д. К тому же, вместо беседы по существу многие из них начинали разговор с

совершенно неуместных (с точки зрения Джонни) вопросов: «а Вы точно психолог?», «а почему Вы консультируете бесплатно?» Хотя в некотором роде, конечно, Джонни мог их понять, т.к. безвозмездный психолух выглядел как проститутка, дающая даром. Тем более, не секрет, что во многом эффективность помощи психологов, если вообще от них может быть какая-то польза, объясняется потугами клиента самому исправить свою ситуацию, дабы не было так обидно терять деньги, отданные за трях мозга.

Ирка же была совершенно особой историей. Разумеется, вначале она консультировалась не только с Джонни. Однако со временем все другие, «настоящие» психолухи её заблокировали, поскольку задачей их пребывания на сайте было добывание бабла сеансами виртуальной психотерапии, а не бесплатный церебральный секс с Ирккой, в процессе признательна (насколько, конечно, присутствовавшая у неё аномалия личности позволяла её испытывать благодарность) за то, что он не отказывался выслушивать (точнее, читать) её излияния. А когда Джонни надоел сайт «супер эксперт» и он не планировал там больше появляться в ближайшее время, он галантно сообщил об этом Иркке и оставил свой номер icq, предлагая переместить общение туда.

Подолгу общаясь зимними ночами с Ирккой, Джонни так и не смог понять, какое у неё расстройство личности. С одной стороны, она демонстрировала некоторые черты пограничницы. Джонни, правда, не сумел выяснить, в какой мере, т.к. в отличие от более деструктивных патологий, которыми он интересовался, с представителями данной категории ему не довелось общаться, а потому не было практического опыта. Впрочем, в любом случае в поведении Ирки было заведомо достаточно того, что не вписывалось в картину пограничного расстройства личности. Зато со временем Джонни на её примере начал понимать, почему американские клинические психолухи и психиатры часто ставят своим пациентам диагноз «расстройство личности, неуточнённое» и это достаточно распространённая ситуация. Общаясь с Ирккой, Джонни всё больше приходил к убеждению, что это как раз тот самый случай.

Самой ей, впрочем, не очень нравилось такое видение ситуации. Иркке как будто очень хотелось, чтобы у Джонни непременно нашёлся для неё какой-нибудь конкретный диагноз, даже если это будет антисоциальное или нарциссическое расстройство личности. Словно пытаясь подвести собеседника к такому впечатлению о себе, она указывала на своё наплевательское отношение к другим людям, безразличие к их проблемам и страданиям, эгоцентризм, лживость и т.д.

Но Джонни было не провести. Он прекрасно понимал: в Иркке нет деструктивной манипулятивности, столь выраженной у Леночки и прочих психопатов, которых ему довелось изучать. Ирка общалась с ним отнюдь не для того, чтобы его использовать в корыстных целях, а просто пытаясь как-то отвлечься от невыносимого одиночества.

Ирка даже порывалась сделать бесплатно для Джонни сайт. Благо у неё для этого присутствовала почти профессиональная квалификация. Будучи человеком, удобно устроившимся на шее у родителей, занимавших позицию «чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось», она имела возможность долго «искать себя», осваивая разные специальности, одной из которых оказалось веб-программирование.

Разумеется, Джонни не строил иллюзий и обоснованно предполагал, что Ирка, скорее всего, в итоге не сделает и трети его сайта. Тем не менее, ему очень нравилось само по себе такое бескорыстное стремление помочь с её стороны, какое, увы, в наше время можно встретить обычно лишь у людей, которых окружающие «нормальные» обыватели клеймят «неадекватными».

Конечно, с одной стороны, ему было трудно понять мотивы её поступков. Например, зачем она часто резала себе руки, а потом присылала ему фотографии своих увечий. И в то же время был очень важный момент, который их связывал: они были каждый по-своему очень одиноки.

У Ирки, впрочем, в отличие от Джонни, когда-то всё же была «личная жизнь». Она много рассказывала про своего первого (и последнего на тот момент в смысле сколько-нибудь полноценных отношений) молодого человека: о том, как они любили друг друга, как она не может его забыть, и что у неё, наверное, никогда больше не будет столь сильных чувств к другому.

Но на вопрос «как расстались?» Ирка ответила: «сама ушла». Почему? А просто «потому что не может быть всё время так хорошо!» Она, по её мнению, недостойна такого счастья. А поскольку, как она считала, столь гармоничные отношения так или иначе должны были развалиться, Ирка ушла сама, дабы сделать процесс расставания менее болезненным. Но так как жить дальше без любимого она не видела смысла, Ирка решила «скрасить» их разрыв актом суицида, бегая по большим дорогам с намерением попасть под машину. Парень же её (теперь уже бывший) повсюду носился за ней, пытаясь удержать от трагического поступка.

Молодой человек, видимо, по-прежнему любил её. Долгие месяцы, годы словно ждал, пока она опомнится. Оней периодически поддерживали между собой удалённый контакт по телефону и в инете. Однако в процессе такого общения Ирка часто не находила ничего лучше, чем рассказывать ему о том, как она спит с мужиками направо и налево. И он знал: это было правдой. Она не стала бы специально сочинять такие вещи. Он бесился, приходил в отчаяние, называл её дурой, сукой и шлюхой, но поделаться с этим ничего не мог. Ирка же делала это, чтобы «чувствовать себя хоть кому-нибудь нужной».

Потом, правда, на неё словно сошло просветление. Её охотно трахали, но никто не спешил, да и не собирался особо, строить отношения с такой ё***той. Ирка вдруг осознала, как мужчины, с которыми она таким образом «встречается», попросту её используют подобно писсуару, перед которым расстёгивают

ширинку, дабы слить накопившуюся потребность. И по большей части свела общение с противоположным полом к виртуальной коммуникации с молодыми людьми, которые сами чувствовали себя уязвимыми и неполноценными, всякими там задротами – социофобами, а также парнями, страдающими загадочной болезнью «ВСД».

С последними, кстати, её объединяла сильная тревога по поводу возможного серьёзного заболевания. Ирка была убеждена: ей суждено умереть от рака лёгких. И ни рентген грудной клетки в разных проекциях, ни флюорография, ни компьютерная томография не могли убедить её в безопасности. Когда же Джонни попытался намекнуть ей на возможность снизить вероятность такого трагического исхода, если перестать курить по пачке в день, Ирка отмахнулась, фаталистически заявив, что этим не изменить предначертанного ей на роду.

Не все, впрочем, её собеседники в анонимных чатах и тому подобных значных местах были испуганными по жизни невротиками. Встречались и буйные, решительно настроенные изменить мир, пока отлучились санитары, но не забывающие в то же время и про свои параноидальные идеи. Например, такого плана:

Ирка Чем Вы занимаетесь в свободное время?
Некто Я не буду Вам об этом рассказывать
Ирка Почему?
Некто Не важно
Ирка А о чём будете?
Некто Не знаю. Но об этом не буду
Ирка А зачем Вы вообще зашли в чат?
Некто Не знаю
Некто Мне выйти?
Ирка Мне-то всё равно
Ирка Что Вы у меня-то спрашиваете?
Некто Ну вот и мне
Ирка Просто у каждого действия должен быть какой-то смысл
Некто Думал найти единомышленников тут
Ирка В чём они должны быть едины с Вами?
Некто Вы действительно хотите об этом знать?
Ирка Да
Ирка Если я спрашиваю
Ирка Значит, хочу знать
Некто Не думаю я, что это Вам будет интересно
Ирка По-моему, это логично
Некто Что?
Ирка Что если я что-то спрашиваю, то я действительно хочу знать ответ
Некто Ну хорошо
Некто Я ищу людей, кто видит, как русские вымирают, кто борется с этим, кто видит всю правду, что творится в нашей стране
Некто Вряд ли Вы из таких людей
Ирка И как Вы боретесь?
Некто А ещё, вряд ли Вас это волнует
Ирка Какими способами Вы боретесь с вымиранием русских?
Некто Жду, пока всех перебьют
Некто Всё, не задавайте подобных вопросов
Ирка Почему?
Ирка Почему вы не пропагандируете свои идеи в массы?
Ирка Ведь если у Вас будет больше единомышленников
Ирка То больше шансов справиться с бедой
Ирка А Вы даже мне не хотите рассказать
Некто Многие уже допропагандировались
Некто Теперь или с пулей в башке
Некто Или за решёткой
Ирка Это анонимный чат
Некто Да что вы говорите!
Ирка Где, как не здесь, пропагандировать идеи свободно?
Некто О, Вы слишком умная, да?
Некто В контакте, наверное, сидите
Ирка Нет, не слишком, потому и задаю вам вопросы
Ирка Не сижу
Ирка Просто хочу найти рациональное зерно в причинах вашего молчания
Некто В нашей стране нет свободы слова нигде!!!

Ирка Но почему Вы не можете сказать в анонимном чате, как Вы боретесь с вымиранием русских?
Ирка Какие Вы видите риски?
Ирка Что я, из ФСБ?
Ирка Или что, ФСБ читает логи?
Ирка Знаете, что такое чат, социальные сети? Как они работают, тем более такие, как эти и для чего они?
Некто Если бы мы сидели, скажем, у Вас на сайте, я бы Вам ответил
Некто Всё, не задавайте мне глупых вопросов!

Видимо, устав от такого общения, Ирка принялась в отчаянии метаться между тягой к реальным контактам: «Хорошо бы собраться с кем-нибудь выпить» и стремлением обрести, наконец, самодостаточность, дабы не быть терзаемой таким одиночеством и осознанием собственной ненужности людям, бесполезности и бессмысленности собственного бытия.

В ночь на 14 февраля поведение Ирки в разговоре начало становиться всё более странным, хотя и раньше её манера общения была, мягко говоря, несколько необычной. Их беседа с Джонни развивалась примерно так:

Трололо (Ирка): Интересно, идти завтра на работу или нет?
Джонни: Вы у меня спрашиваете?
Трололо: Нет. Рассуждаю.
Джонни: Ааа.
Трололо: Рассуждаю. Письменно.
Трололо: Ничего, что я вам в аську буду письменно рассуждать?
Джонни: Надеюсь, это позволит Вам прийти к разумному выводу
Джонни: О котором Вы не станете в дальнейшем сожалеть.
Трололо: Все мои выводы разумны. :)
Трололо: Какие ещё могут быть выводы у дуры? :)
Джонни: У дуры ещё могут быть неразумные. Это как вариант.
Трололо: Сегодня день грустный какой-то.
Трололо: Не то что грустный, странный.
Джонни: Чем он грустный и чем он странный?
Трололо: А, точно. Спасибо. Вы это верно подметили.
Трололо: Значит, мне придётся сделать неразумный вывод.
Джонни: На здоровье, ещё приходите.
Трололо: Непременно. Буду приходиться до тех пор, пока Вы меня не удалите.
Трололо: И даже если Вы будете игнорировать.
Джонни: Не дождётесь!
Трололо: Я буду приходиться.
Джонни: Так приходите! Забавная Вы! Пишете это так, словно Вы угроза какая.
Трололо: И сделаю фарш.
Джонни: Фарш?!
Трололо: Из Вашего мозга, если Вы будете всё читать, что я пишу.
Джонни: Не обольщайтесь. Тоже мне, напугала: Я буду приходиться, я буду писать... Да пожалуйста!
Трололо: А вдруг вы недооцениваете мои потенциальные возможности?
Джонни: Боюсь, Вы их переоцениваете. Так что пишете, сколько влезет.
Джонни: Если решите, что мало тут появляюсь - могу ещё свой номер телефона дать. Будете ещё звонить и смс писать.
Трололо: Хех, жаль, что Вы не верите.
Джонни: Конечно, не верю. Сами себя монстром каким-то представляете.
Джонни: Может, конечно, Вам нравится так прикалываться.
Трололо: Хотя это действительно сложная задача, в аське что-то такое сделать.
Джонни: Ну да, тем более по аське. Так что расслабьтесь.
Трололо: Хех. А если я узнаю Ваши данные, найду, и сделаю в реале мозгофарш секретным способом, а Вы даже не узнаете, но Ваше мышление поменяется, и Вы станете ядрёным сусликом?

Последнее упоминание произвело на Джонни особенное впечатление. Создавая свои письменные труды, будь то статьи или истории про Леночку и прочих психопатов, он всячески стремился не только к фактической достоверности и логической последовательности, но и доходчивости, которая сделала бы его сочинения доступными для понимания широким кругом читателей. А ещё, Джонни очень расстраивался, когда у него не получалось писать увлекательно, так, чтобы аудитория не могла оторваться. Ему казалось: будь у него чуточку больше таланта и умения, способности донести до читателя всю важность сообщаемых сведений, и к нему, наконец, пришло бы признание.

Однако в действительности, как выяснялось, ни один из перечисленных выше факторов не был ни необходимым, ни достаточным, о чём убедительно свидетельствует успех Дмитрия Лёвушкина – создателя учения о ядрёных сусликах. Джонни, правда, даже нигде не удалось найти внятную биографию великого «гуру». Говорят, раньше он был программистом. Но не таким, разумеется, какими в советское время были люди, серьёзно изучавшие вычислительную и дискретную математику, а затем писавшие программы, рассчитывавшие движение космолётов по орбите. Нет. Лёвушкин был современным быдлокодером – шлюхой виртуального пространства, по сходной цене загаживавшей всемирную паутину рекламным спамом своих заказчиков. Но он стремился ввысь. Или, по крайней мере, в том направлении, где видел «верх» своего развития и всё такое.

Дмитрий Лёвушкин жаждал программировать не прибыль чужих контор, использовавших его наряду с прочими SEO-шниками в качестве дешёвой рабочей силы, а сознание многих тысяч последователей его собственного учения, подобно тому, как это удавалось устроителям сект. Вначале, правда, не полагаясь на свой скудный ум, он счёл разумным тянуться к высотам, стоя на плечах титанов, таких, как известный сайентолог Живодёр Сливонский. Однако в итоге Дмитрию удалось разработать собственное весьма оригинальное учение, названное им «ядрёный суслик», и опубликовать книгу, где оно было изложено.

Джонни был очень признателен Ирке, познакомившей его с этим направлением. Ядрёный суслик представлялся ему очень удачным индикатором... реального образовательного уровня населения РФ. Джонни сразу вспоминал слова бывшего министра образования и науки А. А. Фурсенко о том, что задача школы – «взрастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других».

Отзывы в интернете на книгу о ядрёном суслике производили недвусмысленное впечатление о данном плоде творчества Дмитрия Лёвушкина как важном достижении в сфере «развития личности» или чего-то подобного. Причём множество хвалебных рецензий на разных ресурсах были подписаны пользователями с высоким рейтингом на соответствующих ресурсах, то есть людьми вроде как социально адаптированными, не такими изгоями и фриками, как сам Джонни.

Но какой же товар втюхивал своим adeptам Дмитрий Лёвушкин? Прежде чем ответить на этот вопрос, полезно проанализировать, кому и как он его продавал. Подобно психолухам и особенно организаторам тренингов, психосект и т.д., Дмитрий Лёвушкин старался искать своих клиентов среди наиболее уязвимых, склонных считать исключительно самих себя виновными в собственных проблемах.

Так, в самом начале предисловия к своему опусу он пишет:

«Если вы из тех, кто наконец-то понял, что источником ваших жизненных и психологических проблем являетесь вы сами, а не кто-то другой – вы сами как таковой, то есть все то, что называется вашей личностью, вся та куча дерьма в вашей голове, которая называется убеждениями, верованиями, комплексами, обидами, психологическими травмами, глюками, страхами, вашим прошлым, вашим ожидаемым будущим; Если вы понимаете, что альтернативы тому, чтобы отправить все это «хозяйство» на помойку, просто нет (если, конечно, вы хотите жить, а не прозябать)»...

Естественно, такое вступление помогает Дмитрию по максимуму снять ответственность с себя:

«Как и в случае других методик работы с подсознанием и «мозгами» вообще, очень многое зависит от вашего исходного состояния – то есть, насколько глубоко вы в заднице, насколько у вас замусорены «мозги», сколько у вас имеется «глюков» и каких именно, сколько мусора тянется из прошлого».

Он не высказывает, таким образом, и тени сомнения, что adept его учения пребывает по жизни в заднице и с замусоренными мозгами – вопрос может стоять только, как глубоко и насколько. После чего заявляет: «Менять свою жизнь или нет – ваше личное дело, и мне совершенно наплевать, будете вы и дальше сидеть в заднице, или вылезете из нее».

В описанном подходе, обычно характерном для организаторов деструктивных тренингов, он особенно напоминает, кстати, такого гуру, как Вернер Эрхард (см. «Психосекты. Ловцы раненых душ»).

Дмитрий Лёвушкин предлагает своим читателям с помощью ядрёного суслика избавиться от переполняющего их головы «ментального дерьма» и обрести свободу. Сделать это им предстоит, перепрограммируя своё подсознание при помощи специальных протоколов, часть из которых бесплатны, но требуют большого объёма работы, а другие, якобы обладающие особой эффективностью, должны приобретаться за отдельную плату. О том, как она выглядят, даёт представление следующий

«Протокол «Йа Креведко».

Эти инструкции – для тебя, НАШЕ подсознание.

Эти инструкции инсталлируют протокол «Йа Креведко». Начиная с этого момента, все ранее выданные инструкции, касающиеся протокола «Йа Креведко», в его более ранних модификациях, прошу считать недействительными, и всю работу по протоколу «Йа Креведко» вести только по этой версии инструкции. Если какой-то материал в настоящее время находится в обработке по более старому протоколу, прошу перевести его на обработку по новому протоколу, начиная с этого момента.

Начиная с момента активации механизма обработки, описанного в этой инструкции, после произнесения специальной ключевой фразы («Йа Креведко СТАРТ»), ты будешь проводить полностью автономную и автоматическую работу по следующей процедуре:

Сначала ты устранишь любого рода сопротивление обработке нижеописанного материала, неверие в возможность и результаты обработки, а также любого рода страх перед этой обработкой, обрабатывая каждое сопротивление, неверие и страх при помощи протокола «Обработай это».

После этого ты произведешь обработку всего имеющегося у НАС материала, вне зависимости от того, помним ли этот материал, или нет. В случае, если МЫ чувствуем нежелание обрабатывать какой-то материал, или блокируем его в каких-то закрытых областях памяти, или иным образом сопротивляемся любой работе с этим материалом, ты будешь обрабатывать каждое сопротивление, нежелание, блокировку при помощи протокола «Обработай это».

Под материалом в данной инструкции имеется в виду:

- Любые представления о том, кем или какими МЫ являемся, были или будем когда-либо, а также какими мы должны быть, должны были быть и должны будем быть;

- Любые представления о том, кем или какими другие люди или существа являются, были или будут когда-либо, представления о том, какими они должны бы быть и как они должны бы действовать и поступать, а также НАШИ ожидания от других людей и существ;

- Любые представления о том, каким является мир, вселенная, жизнь и реальность вообще, какими они были или будут когда-либо, представления о том, какими они должны бы быть и как они должны функционировать, а также НАШИ ожидания от мира, вселенной, жизни и реальности вообще, представления о НАШЕМ месте во вселенной, жизни и реальности, и НАШЕМ взаимодействии с ними;

- Все НАШИ представления, идеи, фантазии, мысли, теории, знания, убеждения, верования, постулаты и решения, имеющие любое отношение к вышеописанному материалу, которые у НАС есть или когда-либо были в прошлом (как в этой, так и в прошлых жизнях) а также будущем (как в этой, так и в будущих жизнях), а также которые имеются сейчас.

- Все НАШИ комплексы, страхи, беспокойства и опасения, любым образом связанные с вышеназванным материалом, которые у НАС есть или когда-либо были в прошлом (как в этой, так и в прошлых жизнях) а также будущем (как в этой, так и в будущих жизнях).

- Любого рода критицизм, осуждение, непрощение, обиды, претензии, зависть, недоверие, раздражение, ненависть, жалость, злость, угрызания совести или чувство вины или стыда, или любого другого типа негативное отношение к себе, другим существам, людям, реальности и миру вообще, в связи с любым вышеперечисленным в этом протоколе материалом, которые у НАС есть или когда-либо были в прошлом (как в этой, так и в прошлых жизнях) а также будущем (как в этой, так и в будущих жизнях).

- Все аффирмации, афоризмы, пословицы, поговорки, крылатые слова, анекдоты, байки, мифы, легенды, сказки, истории, а так же расхожее мнение и житейская мудрость, каким-либо образом связанные с этим материалом, которые МЫ знали или любым образом воспринимали когда-либо в прошлом (как в этой, так и в прошлых жизнях) а также будущем (как в этой, так и в будущих жизнях).

Обработку каждого из этого материала, без какого либо исключения, ты будешь вести по протоколу «Обработай это».

После обработки всего вышеперечисленного материала, ты произведешь круговой процессинг от лица всех задействованных в вышеперечисленном материале людей и существ, а также любого бога, мира и реальности вообще. Ты по очереди идентифицируешься с каждым из этих людей и существ, групп, богом, миром и реальностью вообще, и проведешь процессинг всего вышеназванного материала, а также любого отношения этих людей, существ, бога, мира и реальности вообще к НАМ, с помощью протокола «Обработай это».

После этого, ты найдешь все диссоциированные/отделенные части НАШЕЙ личности, ставшие таковыми в результате любых из вышеперечисленных эпизодов, а также любые части личности, имеющие любое отношение к этим эпизодам, и проведешь процессинг всего вышеназванного материала от лица каждой из этих частей без исключения при помощи протокола «Обработай это». После этого, ты интегрируешь каждую из этих частей с НАМИ с помощью протокола «Слив».

Кроме того, касательно каждого из вышеназванных людей, существ, групп людей или существ, ты обрабатываешь с помощью протокола «Обработай это»:

- НАШИ представления о том, кем или каким он является, являлся в прошлом или будет являться в будущем;

- НАШИ представления о том, какими он должен быть и как он должен действовать и поступать;

- НАШИ ожидания от него;

- НАШЕ мнение о том, что именно он о НАС думает сейчас, думал в прошлом или будет думать в будущем;

- НАШЕ мнение о том, как он к НАМ относится, относился или будет относиться;

- НАШЕ мнение о том, что он говорит о НАС, говорил или будет говорить;

- НАШЕ мнение о том, как он влияет на НАС, влиял или будет влиять;

- НАШЕ мнение о том, что он сделал НАМ в прошлом или сделает в будущем;

- Вообще любые мысли, картинки, эмоции и ощущения в теле, абсолютно любым образом связанные с ним;

- А также абсолютно любое НАШЕ отношение к нему вообще;

После этого, ты проведешь полную процедуру прощения всех задействованных в вышеописанном материале людей, существ, групп людей, бога, мира и реальности вообще, а также НАС самих, при помощи протокола прощения «Хоппо», выполняемого тобой в воображении в фоновом автоматическом режиме.

Данный механизм обработки деактивируется, и данная инструкция перестанет действовать, автоматически после того, как весь имеющийся у НАС материал, будет обработан тобой с помощью протокола «Йа Креведко». При необходимости, МЫ можем временно приостановить обработку, после произнесения НАМИ ключевой фразы «Йа Креведко СТОП».

Обработку материала ты будешь делать для НАС совершенно автоматически и полностью автономно, круглосуточно, во время НАШЕГО сна и бодрствования, и без ущерба для сна и функционирования в бодрствующем состоянии. Вся работа по обработке материала, будет производиться тобой максимально мягко и безболезненно. Ты также будешь обрабатывать любое неверие в возможность и результаты этой обработки, а также любой страх, связанный с этой обработкой, и любые негативные эмоции или эмоциональные состояния, а также любое сопротивление, которое МЫ можем иметь по отношению к этой обработке, с помощью протокола «Обработай это».

Вся работа по протоколу «Йа Креведко» будет тобой проведена в течение 3 земных суток или менее с момента первоначальной активации данного механизма. Распределение нагрузки на НАШ организм будет тобой произведено максимально равномерно, так чтобы не допускать перегрузок. Запуск механизма обработки, а также остановку его, после произнесения соответствующих определенных выше ключевых фраз, ты будешь сигнализировать при помощи зевания НАШЕГО организма.

НАШЕ подсознание, ты всегда будешь делать все то, что МЫ описали в этой инструкции, начиная с этого момента, вне зависимости от того, в каком состоянии, в каких обстоятельствах, в какой ситуации или в каком ментальном или эмоциональном состоянии МЫ находимся. И МЫ благодарим тебя и глубоко признательны тебе и уважаем тебя за то, что ты всегда остаешься НАШИМ верным и преданным слугой.

Конец инструкций».

Пробегая глазами по диагонали эти материалы (разумеется, у него никогда не хватило бы терпения прочитать их от начала до конца, не говоря уже о многократном прочтении, как делали те, кто «работал» согласно упомянутым протоколам), Джонни приходил в ужас. Даже явно «неадекватная» Ирка не воспринимала суслика всерьёз, используя его по большей части только для приколов и троллинга. Например, когда к ней подходили Свидетели Иеговы и предлагали поговорить о Боге, она принималась им рассказывать про сусликов, управляющих нами из космоса, которым мы должны приносить дары, дабы великий суслик гармонии поселился в душе. Даже матёрые сектанты не выдерживали такого бредового натиска ответной проповеди, и вынуждены были спастись бегством.

Но что же тогда творилось в головах у тех, кто всерьёз, день за днём, месяц за месяцем, «прорабатывал» протоколы и даже платил за них деньги?!

С особенным презрением, видимо, Дмитрий Лёвушкин относился к своим читательницам, которым был адресован следующий протокол, попирающий не только здравую логику, но и элементарные принципы физиологии:

ВЕРХ

Процедура обработки следующая:

1. Ты обрабатываешь все причины того, что вес НАШЕГО тела превышает оптимальные 50 килограмм, а процент содержания жира - 15%, процент содержания воды 50% при помощи протокола «Обработай это», как с НАШЕЙ точки зрения, так и с точек зрения всех задействованных в данной проблеме органов и систем НАШЕГО организма, а также задействованных (по нашему мнению) в этой проблеме других людей и существ, путем Кругового Процессинга от имени всех задействованных в проблеме органов, систем, людей и существ.

2. Ты обрабатываешь с помощью протокола «Обработай это» любое неверие и сомнение в то, что вес, процент содержания жира и воды в организме, форма тела могут быть изменены подсознанием по нашему желанию.

3. Ты обрабатываешь с помощью протокола «Обработай это» любое имеющееся у НАС недоверие подсознанию в том, что оно может успешно регулировать функции и форму НАШЕГО тела.

4. Каждую ночь во время НАШЕГО сна ты будешь проводить следующую процедуру:

* Ты выделишь отдельную, полностью изолированную и не влияющую на НАШЕ функционирование и самочувствие, область подсознания, в которой ты будешь в дальнейшем проводить процедуру. Эта отдельная область будет служить своего рода защитным буфером, предназначенным для защиты НАШЕГО существа от любых возможных непредвиденных негативных последствий, могущих возникнуть в процессе процедуры.

* Ты проведешь, полностью в воображении, но таким образом, чтобы влияние оказывалось на органы, мышцы НАШЕГО тела, жир и воду в нашем организме, следующие действия:

* Полную симуляцию 20 повторений комплекса упражнений «Бодифлекс» из 11 упражнений, как описано в имеющейся у НАС инструкции по Бодифлексу. Ты ускоришь время симуляции так, чтобы выполнение 20 повторений комплекса заняло 1 час земного времени, но сохранишь при этом все нагрузки на

мышцы, жир и воду, и все системы организма так, как будто в действительности МЫ выполнили 20 повторений.

* Полную симуляцию 5 занятий плаванием в бассейне в течение 60 минут каждое. Ты ускоришь время симуляции так, чтобы выполнение 5 повторений занятия заняло 1 час земного времени, но сохранишь при этом все нагрузки на мышцы и системы организма так, как будто в действительности МЫ выполнили 5 повторений.

* Полную симуляцию пятичасовой пробежки по парку в среднем темпе. Ты ускоришь время симуляции так, чтобы выполнение этой пробежки заняло 1 час земного времени, но сохранишь при этом все нагрузки на мышцы и системы организма так, как будто в действительности МЫ бегали 5 часов.

* Полную симуляцию одночасового посещения сауны со средней температурой воздуха 80 градусов Цельсия.

* Полную симуляцию одночасового сеанса массажа всего тела.

* После окончания симуляции упражнений, ты рассоздашь эту отдельную область подсознания, забирая в распоряжение всего подсознания эту область и соответствующие ей ресурсы подсознания.

* Ты будешь воздействовать на ткани НАШЕГО тела таким образом, чтобы подкожный жировой слой уменьшался вплоть до минимально необходимого для НАШЕГО организма уровня.

* Ты отрегулируешь наш аппетит и наши привычки в еде таким образом, чтобы в дальнейшем вес НАШЕГО тела держался на стабильном уровне 50 килограмм.

Скорость снижения веса НАШЕГО тела и уменьшения процента содержания жира в организме с помощью вышеприведенной процедуры ты будешь регулировать так, чтобы она равнялась 1 килограмму в неделю, и чтобы снижение веса остановилось при достижении целевого веса 50 килограмм, то есть через 5 недель после первоначального запуска данного механизма, а снижение процента содержания жира происходило со скоростью 2% в неделю и остановилось через пять недель на отметке 15%.

Процесс снижения веса ты будешь производить путем сжигания лишнего жира, который есть в нашем организме, доведя его содержание до 15%.

В процессе похудения ты уменьшишь объем наших бедер до 90 см, объем талии до 60 см.

Ты отрегулируешь наше похудение таким образом, что визуально уменьшатся наши ягодичцы, объем бедер, исчезнет лишний животик, похудеют ноги, руки, лицо (щеки).

Наша грудь при этом останется прежнего размера или увеличится до требуемого объема 90см.

Процесс снижения веса будет проходить одновременно с процессом набора мышечной массы. При этом будут видны спортивные контуры наших мышц и сами мышцы - ног, рук, пресса, спины.

НИЗ

Конечно, в самом приведенном выше тексте протокола нигде не упоминается пол, однако вес 50 кг (который вряд ли может быть признан оптимальным или желанным для мужчины), а также пресловутые 90-60-90 не оставляют никаких сомнений в том, кому на самом деле адресована инструкция.

Впрочем, с чисто человеческих, эмоциональных позиций Джонни мог понять чувства фанатов суслика, анализируя то, как на них играл Дмитрий Лёвушкин, с позиций поведенческой экономики. Создателю системы было важно, чтобы адепт не просто ознакомился с её основными положениями, но непременно стал систематически «работать над собой» по ней. Зачем? А просто после того, как на суслика будет потрачено достаточно много времени, человеку будет всё труднее честно сказать себе: «Я такая дура, потратила на занятия этой абсурдной хренью месяцы (а то и годы!) своей жизни!» В этом плане ситуация напоминала ту, в которой оказывалась паства психосекты системно-векторной психологии, платя сначала сотни, а затем тысячи долларов за тренинги главаря культа Юрия Баблана (см. «Психосекты. Ловцы раненых душ»).

Зачем же тогда люди начинали заниматься подобной ерундой изначально? Джонни видел тому разнообразные причины:

Во-первых, многие обыватели жили под гнётом идеологии крысиных бегов: Им постоянно приходилось думать не только о том, как удовлетворить свои объективные нужды, но и сравнивать свои результаты с показателями таких же обывателей в навязанной извне потреб***кой гонке. При этом, те или иные признаки отставания (а угнаться во всём за всеми, естественно, было проблематично) вгоняли многих в депрессию. Эти «неудачники» невольно задавались вопросами: «Почему это случилось со мной? Неужели я хуже других?!»

И тут психолухи и прочие представители индустрии обмана, сколачивавшие свои состояния, трахая чужие мозги, услужливо подсказывали ответ: «Конечно, ты можешь до конца жизни сетовать на то, как несправедлив мир, как тебя подставили и вообще плохо с тобой поступили другие. Но окружающая действительность от этого не изменится. Единственное, что ты можешь изменить – ты сам».

Во-вторых, идеология потребления навязывала специализацию, «лучше доверить профессионалу, чем пытаться самому». Людям как бы говорили: «Да, конечно, ты и только ты сам(а) виноват(а) в своих проблемах. Но если до сих пор тебе не удалось самостоятельно выбраться из той задницы, в которой ты находишься, может, пора обратиться за помощью к специалисту, пока ещё не слишком поздно»? Ситуация

усугублялась муссируемым психолухами мифом, что человек не может быть самому себе психотерапевтом. Это, мол, как сам себе стоматолог: неудобно, больно и чревато серьёзными осложнениями.

Наконец, самое, пожалуй, главное – отсутствие сколько-нибудь серьёзных фундаментальных знаний о мире даже у тех, кто наскрёб денег на приличный диплом. Лакей новой власти Фурсенко и его приспешники не зря старались разрушить старую добрую систему образования: Малограмотный человек, способный по большей части лишь жрать, испражняться (ах, пардон, ещё фотографировать себя на телефон в туалете!) и совокупляться – очень удобный потребитель, которому при помощи ловко построенной рекламы можно без проблем продавать разные товары и услуги, принесут они ему на самом деле пользу, или нет. К тому же, при таком уровне отечественных технологий быть неучем не проблема.

Кроме того, человеку, которому вовремя не вбили в голову, как в старой доброй советской школе, что бытие определяет сознание, можно успешно внушать всякую хрень – очень удобное обстоятельство для тех, кто готов на этом заработать. Например, психосоматические мифы о том, что его даже самые что ни на есть телесные болезни являются следствием неправильных мыслей или неуместных эмоций. Естественно, Дмитрий Лёвушкин, подобно прочим шарлатанам, также не преминул этим воспользоваться в своём опусе: «Неурегулированное прошлое – это... подрываемое с каждым днем здоровье. Или вы думаете, что все те обиды, непрощение и осуждение, которые вы в себе таскаете, пройдут для вашего тела даром? 95% болезней имеют психическую природу – как раньше говорили (и, кстати, совершенно правильно), «все болезни от нервов». Теперь представьте себе, что с вашим организмом делает весь этот психический яд из прошлого!»

Тем же, кто смеет сомневаться в способности их собственных ментальных процессов творить с ними такие злые штуки, можно накидать мути в глаза рекламными статейками о роли подсознания. И не беда, что понятие это в том виде, как оно обычно используется, по большей части лишено смысла, восходя, по сути, к высеру буйной фантазии хитрого еврея дедушки Фрейда, зарабатывавшего на этом деньги. Зато сколько мошенников норовит на нём нажить, включая, опять-таки, Дмитрия Лёвушкина, который также лезет со свиным рылом в калашный ряд сознание наивных лохов перепрограммировать!

Суицид ядрёного суслика

Таковы примерно были мысли Джонни, когда Ирка в их ночном виртуальном разговоре упомянула тему ядрёного суслика. А тем временем его собеседница становилась настроенной всё мрачнее:

Трололо: Не бойтесь?

Джонни: В смысле найдёте?

Джонни: Зачем меня искать, я разве скрываюсь от Вас?

Джонни: Вы так хотите из меня сделать ядрёного суслика?

Трололо: Эффект неожиданности. А Вы?

Джонни: А что я?

Трололо: Вы совсем не опасаетесь стать ядрёным сусликом?

Джонни: Нет. Я ничего не делаю, чтобы им стать.

Трололо: А если это произойдёт внезапно?

Джонни: Ядрёный суслик подкрался незаметно? Не думаю.

Трололо: Да.

Трололо: Это плохо.

Джонни: Почему?

Трололо: Если вы его не видите сейчас, это не значит, что его нет.

Трололо: Плохо, что Вы такой разумный.

Трололо: Ему с Вами тяжело.

Кому ему? Суслику?! – недоумевал про себя Джонни

Трололо: Вот я Вам и надоела. А Вы говорили... Ещё немножко осталось, и будет красная карточка.

Джонни: Бедный суслик!

Джонни: Красной карточки не будет! Не дождётесь!

Трололо: Ваше молчание и немногословность я буду воспринимать как жёлтую карточку.

Джонни: И если Вы увидите красную карточку

Джонни: Красный цветочек

Джонни: То у меня мог просто интернет пропасть

Джонни: А других контактов Вы не знаете

Джонни: Но это не значит, что Вас удалили

Джонни: Или отправили в невидящие

Трололо: Это значит, что мою личность растоптали!

Трололо: Вытерли ноги

Трололо: И прогнали вон грязными тряпками!

Трололо: Погнали из аськи поганой метлой! Логично!

Джонни: Моё молчание может быть связано с тем

Джонни: Что мне позвонили

Джонни, впрочем, тут же понял, насколько абсурден был бы такой вариант, учитывая, в какое время они обычно переписывались с Ирккой, но не стал исправлять или уточнять сказанное

Джонни: Что я вышел на кухню приготовить пожрать

Джонни: Ядрёные свиньи это любят, не знали?

Джонни, как обычно, нравилось называть себя свиньёй, и если у пошёл такой разговор, то непременно ядрёной! И готовить себе пожрать он мог действительно и среди ночи, даже помня о том, насколько это вредно для его слабого здоровья.

Джонни: Я Вас не гнал и не собираюсь!

Трололо: Слушайте, я вижу логику, я все поняла!

Джонни: И какую логику Вы видите?

Трололо: Дела, за всем стоят какие-то дела, от которых зависит моя судьба!

Джонни: Какие дела, вы о чём?

Трололо: Процесс завершён! Фарша...

Джонни: То есть у меня в голове уже фарш?

Джонни: Ну ладно, в таком случае пошёл готовить котлеты!

С одной стороны, Джонни начинала утомлять эта беседа. Получалось, ещё одну ночь своей жизни, которых у него и так осталось немного, он провёл в бессмысленном разговоре, от которого, скорее всего, пользы не будет не Ирке, ни ему. Но с другой – ему было как-то совестно, неловко оставлять свою собеседницу именно сейчас. Что-то в её манере разговора с ним в эту ночь его явно пугало. Эти прежде не свойственные ей, лишённые логики переходы от одной темы к другой по косвенным аналогиям, какие обычно случаются у шизофреников, нестабильность её эмоционального состояния в целом... Джонни не мог толком понять, почему, но в ту ночь у него сформировалось стойкое ощущение: если он сейчас уйдёт из аськи, прервав нить их беседы, Ирка может сотворить с собой что-нибудь ужасное. Поэтому Джонни, раз уж ему не судьба была по этой причине выспаться, пытался хотя бы согласовать с Ирккой возможность для себя отвлечься на некоторое время на более осмысленные дела, сохраняя при этом иллюзию виртуального наблюдения за ней.

Трололо: До свидания!

Джонни: Пока-пока!

Но Ирка словно не хотела уходить, но в то же время ничего не писала в отсутствие Джонни. Минут через двадцать она поинтересовалась:

Трололо: Приготовили котлеты?

Джонни: В процессе! Думаете, так просто котлеты из собственного мозга приготовить?

Трололо: Не просто. Я всё понимаю. Дело ответственное. Непростое.

Джонни: Ага, сейчас как слеплю что – нить – отпишусь.

Трололо: Удачи!

Джонни надеялся, что Ирка как-нибудь свалит из аськи, и он пойдёт спать. Ему не хотелось самому оставлять её под предлогом лечь спать пораньше, т.к. она наверняка интерпретирует это как попытку сбежать от неё. С такими, как она, нужно обращаться осторожнее – кто знает, какие драматические фокусы она может выкинуть?

Однако Ирка не выходила из аськи. Через сорок минут она написала:

Трололо: Это сложнее, чем я думала.

Джонни не знал, относилось это к приготовлению им котлет из своего мозга или чему-то ещё, пока через несколько минут Ирка не продолжила:

Трололо: Если я тупая и никчемная, но почему мне многие кажутся тупее меня? Это мания величия или ещё один минус тупости?

Трололо: Почему меня так раздражают люди в чате?

Трололо: С кем общаться-то?

Трололо: Я хочу пообщаться, но меня все бесят. Что это вообще за ерунда? Я Вам пишу даже большую тупость, чем все те люди, которые меня раздражают. И я это осознаю. Однако, они меня раздражают почти с первого сообщения.

Трололо: Поэтому я лучше буду писать сюда. Вы, как я поняла, не против.

Джонни: Что сложнее?

Джонни: И чем они Вас бесят?

Джонни: Нет, я же сказал, что не против. Пишите, сколько влезет.

Трололо: Сложнее слепить котлеты.

Трололо: Словами. Почти любимыми.

Трололо: Сложнее, чем я думала, в смысле, вы долго лепили их.

Джонни: А, да мне свой мозг стало жалко.

Трололо: Да, мозг это святое, берегите мозг.)))

Джонни: Я долго медитировал: стоит – не стоит.

Джонни: Потом стал готовить муляж из цветной капусты.

Джонни: При изготовлении которого ни один мозг ни одной свиньи не пострадал.

Трололо:))))))))

Трололо: Почему свинья-то?

Джонни: Ну вот так уж сложилось. Вы же видите аватарку!

Трололо: Да.

И тут же Ирка неожиданно сменила тему:

Трололо: В субботу пойду на какую-то пьяную вечеринку.

Джонни: Куда? На какую-то?! Вы даже не знаете, на какую?!

Трололо: Надо идти! Может, там, наконец, напыюсь. Раз на корпоративе не получилось.

Джонни: А что значит надо?

Трололо: Надо общаться. Надо жить. Чтобы было потом, что вспомнить.

Трололо: Ха-ха. Ни фиги! Надо жить по-настоящему!

Трололо: Я всё знаю. Мне нравится сидеть за компом. И общаться в аське.

Трололо: Но я не хочу, чтобы так прошла вся жизнь.

Трололо: Чтобы весь смысл был в сообщениях, которые иногда даже никто не читает.

Трололо: Это неправильно. Смысл должен быть в чём-то другом.

Трололо: Хотя бы в реальном общении.

Трололо: Хоть кому-то стать нужной в реале. Завести друзей. Жить хотя бы для друзей. Знать, что если ты придёшь, тебе будут рады, а если тебя не будет, то кто-то расстроится.

Трололо: А не писать сообщения в никуда, сводя весь мир к монитору.

Но тут же, словно вернувшись в реальность нереальности, бесперспективности, с одной стороны, найти себе компанию в реальной жизни, а с другой – обрести самодостаточность, Ирка продолжила:

Трололо: Так смешно всё это!

Трололо: Потому что мне плевать, читаете вы или нет. Просто у меня есть эмоции, все они придуманы мной, можно так существовать и полностью автономно.

Трололо: Отныне мой блог будет здесь.

Трололо: На это можно, конечно, не обращать внимания.

Трололо: Но всё равно в глубине души будет немного неприятно, даже если не признаваться себе в этом.

Трололо: А Вы воспитанный человек и гадость не скажете, в крайнем случае, будете просто игнорить.

Трололо: А это не так страшно.

Трололо: Поэтому блог лучше вести здесь.

Трололо: Мне не нужен общий доступ

Трололо: Мне нужен хоть кто-то.

Трололо: Я вам благодарна за возможность, которую Вы мне предоставили, писать, и не получать в ответ обсирательства.

Трололо: Это всё и смешно и грустно.

По мере приближения утра, точнее, того времени суток, которые нормальные люди (а не такие, как Ирка и Джонни, называют утром) её речь становилась всё менее логически связной:

Трололо: Ночь сегодня прикольная, почти как тогда, когда я по лесу гуляла, даже лучше.

Трололо: Только машины откапывать с утра не надо будет.

Трололо: Тогда снега было больше.

Трололо: Больше нечего написать, но хочется.

Трололо: Вот оно, опять пусто.

Потом Ирка процитировала фрагмент рассказа, когда-то сочинённого ею, который Джонни нашёл трогательным:

«Иду по дороге. Дорога расплывается передо мной. Люди, идущие навстречу, смешиваются в бессмысленную воронку, от которой исходит какая-то неживая энергия. Энергия безразличия имеет негативную природу, потому что когда проходишь мимо человека, излучающего её, получаешь новую порцию осознания своего одиночества. А когда с надеждой пытаешься заглянуть в безразличные лица, получаешь этой энергии больше и больше. Она занимает в тебе место, которое должно быть заполнено чем-то другим. Она опасна тем, что когда поглощает полностью, совсем не оставляет места для жизненной силы. Одиночество в толпе ощущается болезненно. Одиночество странника, добровольно ушедшего в лес жить в землянке – это целостность. Он сам порождает в себе путём духовной работы положительную энергию. Это человек со знаком плюс, хотя для кого-то он одинокий, но на самом деле это не одиночество, а именно целостность и независимость.

При добровольном осознанном одиночестве нет желания заполнить пустоту чёрт знает чем: потреблять, потреблять, потреблять без конца, потреблять хоть что-то, пускаясь в самообман, приумножая одиночество и пустоту в себе. Люди в Москве в своей массе похожи на воронку серой бессмыслицы. Если долго смотреть на сплошной поток, то хочется вырваться, поскорее убежать от него, только бы не стать его частью. Быть как можно дальше, хотя бы запереться дома. Тут пусто. Но лучше пустота, чем голодный пустой взгляд человека, сидящего напротив тебя, который с удовольствием поделится с тобой энергией одиночества».

Трололо: А это кусок моего бредового рассказа.

Монолог Ирки, в который трансформировалась их виртуальная беседа в отсутствие реакции со стороны Джонни, становился всё более мрачным и самокритичным:

Трололо: Мне кажется, Вам действительно лучше удалит меня.

Трололо: А то я как спам.

Трололо: Или, в переводе на русский, мусор.

Трололо: Бестолковый, бессмысленный кусок материи, одарённый некоторым количеством энергии, чтобы печатать бестолковые сообщения. И всё.

Трололо: А главная деталь, доказывающая, что я настоящий спаммер – это однообразие.

Трололо: Одно и то же. Спаммер всегда пишет одно и то же.

Трололо: Мне не хрен делать.

Трололо: Молочко пью. Сука такая, не заработала на него.

Трололо: Ну, бывает, ничего страшного. Сейчас мало кто имеет совесть.

Трололо: По крайней мере, я не одна такая.

Трололо: И даже я не самая плохая. Есть и хуже в мире люди.

Трололо: А Вы в шашки любите играть?

Трололо: А на какой из кавайных смайликов Вы похожи?

Джонни подумал спросить у Ирки, что такое «кавайные смайлики», но не успел. Она написала: «Ну ладно, фтопку. Поучу что-нибудь к институту», после чего вышла из аськи.

Джонни пошёл спать, наконец, но, несмотря на очень позднее, точнее, даже уже раннее (утро) время долго не мог уснуть. Его не оставляли мысли об Ирке. У него было мрачное предчувствие, даже уверенность, что она может наложить на себя руки. По крайней мере, попытаться. Однако в отсутствие других способов контакта с ней, помимо аськи, из которой Ирка уже вышла, Джонни всё равно ничем не мог ей помочь, а потому, повертевшись ещё немного, уснул.

Мрачные прогнозы Джонни оправдались, правда, лишь частично. Несколько дней подряд Ирка ему не писала и вообще ни разу не появилась в аське. Однако через неделю, в ночь на тот самый день (22 февраля) когда умер Женя, она выписалась из специализированного лечебного учреждения и собиралась в другое, но прежде чем отправиться туда, связалась с ним. В разговоре Ирка рассказала ему о том, как в день прошлой их беседы «наелась таблеток, как убогая тварь». С одной стороны, Джонни был рад, что она жива, но с другой стороны, его очень настораживала её ещё большая «самокритичность»:

Трололо: Нормальные люди не боятся, что их мясо размажет по асфальту и мозги растекутся.

Значит, я тоже ненормальный! – подумал Джонни, прочитав эту её реплику. Впрочем, в своей неадекватности он в любом случае не сомневался.

Трололо: А оставлять себе последний шанс – это удел мрази.

Джонни: Почему мрази?

Трололо: А кто?! Мразь не может довести дело до конца!

Трололо: Человек может, а мразь – нет! На то она и мразь!

Потом Ирка сказала: «Я завтра поеду в психушку, в платную. По-моему, лучше было сдохнуть. Вам не кажется?» После чего пояснила, как после того как она «таблеток наелась и не сдохла», поскольку вовремя откачали, её «батька заставил сделать выбор между платной и бесплатной, куда меня хотели отправить после таблеток». По словам Ирки, отец сказал ей: «собирайся, тебя дурка ждёт!»

Под влиянием драматических событий 22 февраля Джонни решил на следующий день поделиться своими впечатлениями от случившегося с Леночкой. Он рассказал ей о том, как утром был рад тому, что Ирка была жива, как ходил весь день с этой мыслью, пока уже вечером не наткнулся на мёртвого Женю, и теперь эти драматические происшествия в совокупности вызывали у него навязчивые мысли о смерти.

Реакция Леночки была если не предсказуемой (Джонни, наверное, не смог бы предвидеть её конкретные слова), то, во всяком случае, объяснимой задним числом. Она заявила, что ей жалко Женю, но не Ирку. Вероятно, в отсутствие (в силу её психопатии) способности испытывать человеческие чувства, в данном случае жалость, Леночка воспринимала случившееся с чисто прагматической точки зрения. С этих позиций мёртвый Женя, очевидно, уже никоим образом не мог претендовать на финансы Джонни, которыми по очевидной причине интересовалась и она. Поэтому покойника можно было и пожалеть.

Иначе дело обстояло с Иркой. Во-первых, вероятно, Леночка не предполагала, что Джонни может интересоваться молодой или даже не первой свежести женщину иначе как с точки зрения развести его на деньги. Поэтому Ирка представлялась Леночке в некотором роде конкуренткой, претендовавшей на нужный ей самой весьма ограниченный ресурс. Во-вторых, даже совершенно бескорыстное общение другой женщины с Джонни могло помочь ему чувствовать себя не таким одиноким, а потому мешать Леночке манипулировать его скорбной психикой.

Впрочем, несмотря на ясность общей картины, Джонни было всё же любопытно почитать, как Леночка раскроет эту тему. Она писала:

«Жалко соседа. Друзей всегда жалко, если они были настоящими и не предавали (читая эту фразу, Джонни невольно цинично усмехнулся о том, какой «настоящей» и «не предающей») Леночка выступала по отношению к своим друзьям). А вот девочку не жалко. Извини (это фальшивое извинение Леночки Джонни находил очень показательным – произнося его, она как бы констатировала его равнодушие к Ирке, по крайней мере, к судьбе последней). Либо это полная выдумка с её стороны, чтобы привлечь к себе

внимание... А если это так на самом деле, то это дурость. Люди борются со смертельными болезнями. С раком, СПИДом. Цепляются за жизнь, как могут. Её бы в хоспис. На экскурсию. Или поработать санитаркой, чтобы мозги на место встали... Есть такая книжка, «Вероника решает умереть». Посоветуй своей больной. Там и про таблетки, и про дурку, и про желание жить, когда до смерти остается неделя. Но таким людям не объяснить – они не поймут. Здесь либо жизнь научит, либо она добьется того, чего хотела, и на этом конец. Вообще нужно стараться держаться от таких подальше – это бывает заразительно».

Джонни с интересом читал Леночкины разглагольствования на эту сильно волновавшую его тему, пусть даже они были по большей части пением с чужого голоса. Соответственно, ему хотелось продолжить этот разговор. Но специально просить Леночку о чём-либо глупо, т.к. скорее вызовет с её стороны прямо противоположное поведение хотя бы из садистских побуждений. Поэтому Джонни решил пойти по другому пути – разозлить Леночку, спровоцировав с её стороны вербальную агрессию в его адрес, чтобы в процессе она смогла как следует высказаться. С этой целью Джонни сказал: «Ты повторяешь чужие слова, но даже не стремишься понять таких людей. Я просто знаю, каково это и что она чувствует». Как Джонни и предполагал, Леночка рассердилась:

«Я же говорю, это заразно. Ты от неё заразился. Или она от тебя. Полнолуние сегодня и вчера было. Психам самое оно. Она больна. Ты ей не поможешь. Мозг не вправишь. Это только жизнь. Я писала об этом выше».

Чтобы ещё немного простимулировать Леночку на дальнейшие рассуждения, Джонни сказал, что ему действительно трудно будет радикально помочь Ирке. У него слишком мало времени. Тем более, он сам собирается помирать. Леночка разозлилась ещё больше:

«Господи, какой же ты, а? Блин! Кроме мата, ничего в голову не приходит! Вперед! Удачи в этом деле! Да что об этом говорить? Чего ты ждёшь-то? Сделал, и всё!»

Джонни решил направить рассуждения Леночки в более реалистичное русло, заметив, что он не думает о самоубийстве. Напротив, он очень хочет жить. Просто здоровье у него очень слабое, а потому...

Но Леночка уже разошлась. Её понесло:

«А раз так, то тогда заткнись (это я по-хорошему пишу) про эту тему! Ты болен! Мне жаль, извини. Мне стыдно. Мне стыдно за тебя! Как так можно?! Мне тут на собеседовании сказали, что у нас в стране самый лучший генофонд женщин, и самый худший – мужчин. Я еще поспорила! Ан, нет. Человек был прав! Дураки вы все!»

Потом, игнорируя вопрос Джонни о том, каким образом у мужчин и женщин оказался разный генотип (половые хромосомы + митохондриальная ДНК?) – строил он догадки про себя относительно возможного биологического механизма такого контраста в «генофондах», не получив ответа от собеседницы), Леночка продолжила. Она, изумляя собеседника работой своей фантазии, прямо на ходу сочинила мрачную историю, словно специально предназначенную, чтобы напугать Джонни, поселив в его сознании дополнительный страх от очередного осознания того, насколько хрупка человеческая жизнь, которая может оборваться в любой момент:

«У нас в подъезде умер парень 3 дня назад. 23 года. Когда он умирал, моя мама заходила в подъезд. У него внезапно остановилось сердце. 23 года! Ау! Люди! А у него мать, жена, брат, друзья (интересно, это перечисление предназначено напомнить мне о том, что у меня нет ни матери (уже), ни брата, ни жены, ни даже друзей и вообще кого бы то ни было, кто бы мог сожалеть о моём уходе из жизни? – подумал Джонни). А уж коль вы сами собираетесь, то делайте и молчите. Может, тогда бог не будет забирать тех людей, которые жить хотят, которые каждый день молятся об этом».

Джонни робко прокомментировал: «Так пусть хотят, кто ж им мешает-то? Я не верю в бога, кстати».

Но Леночка не унималась:

«А я не верю в людей! Я к тому, что если все желающие свести счеты с жизнью сделают это, то, может, места в аду или раю временно закончатся, и те, кто хочет жить, может, проживут еще чуть-чуть».

Джонни был изумлён восприятием Леночкой ада и рая как ограниченных ресурсов. Подобную позицию, впрочем, занимали и многие другие, нередко высокопоставленные, деструктивные личности. Так, «Общество Сторожевой Башни», где заседали главы секты Свидетелей Иеговы, постоянно внушало своей пастве стремление попасть в пресловутые сто сорок четыре тысячи праведников. Ибо, как говорится, «много званных, а мало избранных».

Тем временем Леночка артистично продолжала:

«Как же стыдно! Мне жаль. Я не понимаю, никогда не понимала, почему те, кто хочет умереть – выживают, а те, кто хотят жить – умирают».

Вместо ответа, Джонни после долгих раздумий решил прокомментировать слова собеседницы, которые вдруг показались ему обидными: «Генофонд женщин, генофонд мужчин... Если каким-то женщинам не нравится генофонд мужчин здесь, они могут валить на х** в ту страну, где генофонд мужчин лучше. Может, их там ласково примут и используют по назначению. А мы уж тут сами как-нибудь себя удовлетворим!»

Но Леночка пояснила насмешливо:

«Мне это говорил мужчина. Забей. Он просто хотел произвести впечатление. Но если бы он мне сказал, что собирается покончить жизнь самоубийством, то я бы дурку вызвала, или убежала бы, так чтобы

пятки сверкали. Гы :) Хотя я и так убежала. Но не в этом дело. А знаешь, сколько ему лет?! 66! Наверное, есть о чем задуматься!»

Леночка не ответила на вопрос Джонни, какое отношение имеет к существу вопроса возраст престарелого пи***лиза, рассуждавшего про генофонды, а продолжила своё нравоучение:

«Выше нос, мой милый друг! Всё будет хорошо! Но людям редко везет просто так. Для этого нужно перестать гундеть и начать что-то делать. И от таких людей, как эта твоя подруга, нужно держаться подальше. А не искать их специально. Пойми, ты им не поможешь. А вот найти человека, с которым ты в один момент покончишь жизнь самоубийством – пожалуйста. Можно сделать целью своей жизни! Прикольно, да? Вместо того, что бы растить сына, например, путешествовать по миру, или просто делать людям добро, а в ответ получать их сияющие глаза и улыбку...»

Джонни не стал интересоваться у Леночки тем, откуда у него может взяться сын, учитывая, какая «насыщенная» у него была личная жизнь, дабы не сбивать её с ритма рассуждений. Она же тем временем решила поставить ему в пример себя:

«Ты знаешь, а ведь у меня в своё время были такие же мысли. Но я списываю это на возраст и неудачное стечение обстоятельств».

Джонни не переставало восхищать её умение переводить стрелки личной ответственности на никак не зависящие от неё факторы. Как удобно, блин, а то винишь, понимаешь, себя во всём, – думал он мечтательно. А Леночка, между тем, увлечённо продолжала:

«Хотя, что уж там говорить... Есть бог, или его нет. Но жизнь меня не особо балует. Я бы сказала, наоборот. И если бы я так себя вела, то уже собиралась бы умереть тысячу пятьсот миллионов раз. Поэтому и пишу, что стыдно, батенька. Цени то, что имеешь. Даже если это самая малость. У других и этого нет. А если голова болит – я образно – то займи руки. Как я уже выше написала, устройся санитаром в хоспис. Людям помогай, да так, чтобы, приходя домой, ты падал от усталости. А с утра все по новой».

Джонни выразил недоумение: «Зачем санитаром? У меня есть работа!»

Но Леночка нашла, что сказать:

«Это не та работа! Ты должен так за*бываться, чтобы сил не было ни на что! А знаешь, что я делаю, когда так паршиво, что выть хочется? Или ты думаешь, это состояние у одного у тебя такого? Пресс качаю, или отжимаюсь, пока не упаду. Ну снотворное – это на крайняк. Феназепамчик. Правда, глюки от него. Либо можно всю квартиру трижды перемыть, чтобы потом сил не было ни на что – тогда и мозг отключается».

Джонни хихикнул, представив, как Леночка отжимается от пола. Вот так сказала! – подумал он. В действительности, конечно, Леночка отжималась только от своих хахалей, когда те платили ей за это достаточно денег.

Потом Джонни вспомнил истории о том, как Джон Уэйн Гейси и Тед Банди злоупотребляли валиумом (диазепамом), и недоумевал, зачем было принимать транквилизатор людям, у которых, по его представлениям, не было и не могло быть особой тревоги, по крайней мере, столь сильно выраженной, как у него. Теперь же и Леночка упоминала приём препарата из группы бензодиазепинов (феназепам), причём в количестве, достаточном, чтобы вызвать «глюки». Интересно, что в мозгу у психопатов делает столь привлекательными для них эти, казалось бы, совершенно не предназначенные им средства? – удивлялся Джонни. Вслух же он прокомментировал только последнюю часть Леночкиной тирады: «О да, мою квартиру перемыть... Это же надо до пола добраться сначала, при всём, что тут навалено».

Но Леночка настаивала: «Вот когда ты 36 часов подряд, не переставая, будешь это делать: убирать, драить, мыть, тогда я бы посмотрела, как ты о самоубийстве заговоришь! Единственная мысль – упасть и уснуть, причем неважно где, хоть на полу».

Джонни попытался возразить: «А причём тут самоубийство?! Не я же собирался его совершать, правильно? Я говорил вообще о другом человеке!»

– Да ты ноешь об этом постоянно!

– О чём я ною?

Леночка ответила ему насмешливо:

«Перечитай, что ты пишешь! О том, как ты собираешься помирать. Мол, тебе пора и всё такое. Короче, не переписывать же мне тебе это всё! Хотя я могу скопировать!»

После этой реплики Леночки, Джонни почувствовал потребность завершить разговор, становившийся для него всё более неприятным и в котором он не видел перспектив конструктивного, информативного развития. Тем более, судя по времени, его собеседнице всё равно скоро идти спать. Поэтому он поспешил подытожить. Подводя итог разговора, Джонни сказал, что все люди разные. Например, у него очень слабое здоровье, но при этом он очень хочет жить. Соответственно, ему хочется говорить об этой своей проблеме с другими. К тому же, как он пытался когда-то объяснить Леночке, в людях разное количество тревоги и страха – у кого-то меньше, а у других гораздо больше. И всегда очень просто гнобить и гораздо сложнее понять тех, кто не похож в этом плане на тебя. Тем более, предрасположенность испытывать страх на самом деле по большей части заложена в человеке от природы и значительно усиливается некоторыми заболеваниями, когда специальные системы организма чувствуют угрозу самому бытию индивида. Конечно, психолухи обычно втирают своей аудитории на эту тему совсем другое, но они просто лгут, чтобы нажиться на этом.

Есть и другие люди, кому при нормальном, казалось бы, «физическом» самочувствии постоянно плохо морально, и они не могут никак выбраться из депрессии. Для кого-то, вероятно, такое состояние вообще связано с аномалиями биохимических и прочих процессов мозга, а потому в значительной степени, опять-таки, не является результатом их осознанного выбора. Другие же становятся жертвами обстоятельств или даже неблагоприятного взаимодействия своих в остальном положительных черт (например, доброты и доверчивости) с жестокими реалиями окружающего мира. Многие по недалёкости своей любят упрекать таких людей в их «слабости» и «безвольности», опять-таки, даже не пытаясь их понять.

Джонни также хотелось упомянуть тех, у кого из-за специфического дефекта (судя по всему, врождённого) эмоционального мира нет возможности развить в себе совесть и сострадание. Такая патология личности толкает их на путь деструктивного поведения, обрекая становиться предметом гнева и ненависти со стороны многих пострадавших. Но, если так разобраться, эти люди на некотором фундаментальном, причинном уровне также не виноваты в своём неблагоприятном поведении!

Однако об этом Джонни было непросто начать говорить с Леночкой, как минимум, по следующим двум причинам:

Во-первых, она сразу поймёт, на кого намёк, и разозлится, а ему совершенно не хотелось завершать этот в остальном неплохой для него разговор её агрессией в его адрес;

Во-вторых, настаивая на том, чтобы другие относились с пониманием к его неспособности избавиться от некоторого базового, экзистенциального страха и постоянного «нытья» на эту тему, готов ли он проявить подобную толерантность к невозможности для Леночки обзавестись совестью, а главное, к тому, как это неизбежно проявляется в её поведении?

К сожалению, положив руку на сердце, Джонни не мог похвастаться наличием у него удовлетворительных ответов на эти мучившие его вопросы. А потому не решался завести об этом разговор с Леночкой. Она, впрочем, сама очень просто разрешила его дилемму, сообщив, что скоро пойдёт спать.

Казалось, Джонни стоило быть довольным итогами беседы, в ходе которой ему удалось разговорить Леночку на столь волновавшие его темы. И в то же время, закрыв скайп, он чувствовал на душе тяжёлый, неприятный осадок. Джонни догадывался, чем было вызвано такое гнетущее ощущение.

Критикуя Ирку и ей подобных, Леночка описывала не свои чувства. Нет! Ведь их у неё не было – по причине эмоционального дефекта она их попросту не могла испытывать! Люди с серьёзными социальными проблемами, постоянной сильной тревогой, депрессией, а также со специфическими физическими заболеваниями (как в случае Джонни) не вызывали у неё даже презрения – ей было на них совершенно наплевать, только и всего. Их жизненные затруднения были для неё максимум лишь удобными недостатками, слабостями, уязвимостями, используя которые, она могла попытаться эксплуатировать их для удовлетворения своих эгоистических интересов за их счёт.

В то же время, Леночка много общалась с обычными, «нормальными» людьми – в основном типичными представителями столичного офисного планктона. А потому хорошо знала, как такая среднестатистическая публика относится к проблемным, «неадекватным» личностям, с чем бы ни были связаны житейские сложности последних – будь то болезнь или душевные терзания. Для нормальных людей они были обычно лишь отбросами, человеческим мусором, так или иначе заслужившим свои несчастья!

В свою очередь, сами эти «неблагополучные» люди, то и дело сталкиваясь с таким отношением к себе, раз за разом тщетно пытались выстроить с окружающими дружбу и романтические союзы так, чтобы их не обманывали и не использовали, а ценили, любили и уважали, со временем начинали интернализировать такое восприятие. Теперь унижительные ярлыки, прежде неоднократно навешиваемые им окружающими, раковой опухолью врастали в их душу, становясь имманентными элементами самооценки и тем самым необратимо разрушая перспективы обретения радости и внутренней гармонии.

Джонни находил очень символическими даты тех драматических событий, о которых он рассказал Леночке. Его сосед Женя умер накануне 23 февраля – очень странного, мягко говоря, как бы праздника. С одной стороны, властям государства было наплевать на имевшую место в этот день когда-то давно, в 1918 году, первую победу Красной Армии. Ведь фактически их политика, по сути, прямо противоположна по отражаемым ею классовым интересам тому, за что сражались в своё время рабочие и крестьяне под руководством большевиков. Более того, власти сами словно старались дистанцироваться от этого события, обозвав дату «Днём защитника Отечества».

Зачем же тогда вообще отмечали эту дату? Увы, причины могли быть вполне прагматичными. Например, в этом были заинтересованы различные индустрии, которым удобнее найти новый повод навязать свой товар, нежели усовершенствовать его по существу и удовлетворять реальные нужды потребителей. И в этом плане дополнительный «красный день календаря», когда людям волей-неволей приходилось не только покупать своим близким подарки, но и «накрывать стол», отмечая событие, приходилось очень кстати. А дальше уже дело техники: политшлюхи в депутатских креслах нажимали нужные кнопки, продвигая интересы толстосумов, у которых они были на содержании.

Сомнительный праздник получал дополнительную идеологическую окраску как аргумент в «войне полов». Женщины, любившие распинаться о том, как много представители противоположного пола им должны, называли эту дату днём «настоящих мужчин, защитников и добытчиков». Но вот незадача: далеко не все носители соответствующих биологических признаков могли считаться таковыми. Так, бедный тщедушный Женя, сосед Джонни, как ни старался, не мог полноценно ощутить себя ни защитником, ни

добытчиком. И хотя он не жаловался на это явно, со стороны можно было заметить, как это тяготило его. Вероятно, в первую очередь именно от такого гнетущего чувства Женя пытался совершить побег в мир грёз химического комфорта, сначала злоупотребляя алкоголем, а потом и пробуя курительные смеси, пока в тот злополучный вечер 22 февраля это не привело к трагической развязке.

Ещё более абсурден «праздник» 14 февраля. Ведь люди, по-настоящему любящие друг друга, могут и без него жить с постоянным ощущением торжества, и им для этого не нужно устанавливать специальные даты на официальном уровне. Так, в своё время, в отсутствие особых дней, советские рабочие могли десятилетиями быть преданными своим колхозницам, и подобное можно сказать о многих представителях тогдашней научно-технической и творческой интеллигенции. А когда почти ни у кого нет настоящих чувств и подлинной душевной близости, беззаветной преданности другому человеку; когда само слово «любовь» означает сделку по купле – продаже половых актов, так называемый день святого Валентина – лишь повод для дельцов сделать деньги на продаже бессмысленных подарков, торжествах и иных атрибутах пира среди чумы. Но труднее всего 14 февраля приходится безысходно одиноким людям, волею суровой судьбы оказавшимся на обочине культуры нарциссизма. Некоторые из них даже чувствуют сильное искушение «отметить» этот «праздник» попыткой суицида. И тогда на алтарь рекламно-коммерческого фарса приносятся человеческие жизни, в том числе совсем юные. Одной из таких жертв сомнительного праздника оказалась Ирка, для которой день святого Валентина стал символом безвозвратного крушения надежд обрести любовь...

Теперь Джонни хорошо понимал, чем его так расстроил разговор с Леночкой. Какую бы позицию ни занимали другие, «нормальные» люди, он категорически отказывался следовать им в том, чтобы рассматривать саморазрушительное поведение Жени и Ирки, свидетелем драматических результатов которого ему довелось стать, как «естественную самоликвидацию биомусора».

Так, для кого-то, несомненно, Женя был пьяненьким неудачником, которому не удалось достичь уровня потребления хотя бы на уровне средних стандартов. Но в памяти Джонни он остался просто хорошим работающим человеком, готовым протянуть руку помощи товарищу, не задаваясь вопросом о личной выгоде. И кто знает, быть может, у самого Жени не было богатств именно потому, что он отдавал так много другим, не ища выгоды?!

Что же касается Ирки, то, вероятно, она была не самым продуктивным членом общества. Но, по крайней мере, Ирка хотя бы стыдилась этого. А потом, чем она хуже множества содержанок и стерв, манипулирующих мужиками и ведущих откровенно паразитический образ, но при этом ещё строящих из себя неизвестно что на ровном месте, когда у них на самом деле за душой нет ничего, кроме дырки промеж ног?! А главное – Ирка была одной из очень немногих людей в его жизни, не искавших выгоды в общении с ним. Ей просто нужен был в его лице человек, который выслушает её и, по крайней мере, постарается понять, несмотря на все различия между ними – в возрасте, увлечениях, жизненных ориентирах и т.д.

И Джонни иногда было даже интересно с ней, особенно если удавалось узнать от неё новые занимательные истории о других необычных людях. Например, когда она рассказывала про свою однокурсницу, которая «раздевала» бутылки, а потом из этикеток делала им халаты. Как объяснила Ирка, девушка разрывала этикетку строго по центру; на бутылке рисовала купальник; потом отрывала от этикетки длинную полоску и использовала как ремешок для халата; затем подгибала упаковку сверху, одевала на бутылку и подвязывала ремешком. Получалась бутылка в халате. После этого подобным образом наряжалась другая ёмкость, только в более «мужском» стиле. Наконец, бутылка – «мальчик» приближалась к «девочке», снимая с себя и с неё «одежду» и заливая свою партнёршу йогуртом. Как пояснила Ирка, такую процедуру демонстрации «свидания» девушка сопровождала неприличными комментариями.

Конечно же, эта необычная история очень заинтересовала Джонни. Ему сразу сильно захотелось пообщаться с девушкой, наделённой такой нестандартной фантазией. Нет, разумеется, не для того, чтобы излить на неё (а ещё лучше в неё!) свой йогурт (хотя он, наверное, был бы не против и этого, представься ему такая возможность!), а попытаться понять, как она дошла до жизни такой. Однако это, к сожалению, было невозможно.

Потом в ту же самую ночь Ирка рассказала про своего школьного учителя, который брал белый листок бумаги и ел, откусывая от него кусочки с разных сторон. Естественно, Джонни, услышав эту историю, недоверчиво поинтересовался: «он глотал эту бумагу?!» Но Ирка заверила его: «Мы видели, как он её ел, но не замечали, чтобы он ею плевался! (Поэтому, мол, поглощаемым им листочкам бумаги оставалось лишь перевариться, либо со временем покинуть желудочно-кишечный тракт учителя с другой стороны, чему школьники по понятным причинам свидетелями быть не могли). Когда переставал говорить, в то время как мы писали контрольную, например». Потом Ирка добавила некоторые дополнительные штрихи к портрету учителя: «Его называли гусь за то, что у него была очень длинная шея, <а также он носил> свитера, её подчёркивающие, и наклонённая вперёд походка, но не сутулая. Он был очень маленького роста с короткими ножками и очень быстро выходил из себя – мог кинуть в нас мелом». А Джонни, впечатлённый этой историей, комментировал: «Ну и гусь! Конечно, чтобы быстро выйти из себя, длинные ноги не нужны!» Последнее, впрочем, Джонни знал и по себе, т.к. и сам быстро начинал злиться, несмотря на свой маленький рост и коротенькие свиные ножки.

Ирка же тем временем рассказала ещё про одну яркую личность из своего института:

«А сейчас у нас преподаватель есть... Просто звезда, я его обожаю! У него самый широкий диапазон звучания. От баса, до настоящего женского голоса. Он начинает говорить нормальным голосом, потом увлекается, говорит всё дольше и дольше, у него постепенно кислород кончается, и он начинает звучать как девушка. При этом к тому же очень загадочно улыбается!

А ещё, когда читает лекции, очень быстро ходит по аудитории и то и дело обо что-то спотыкается. Иногда он так стремительно идёт к окну, рассказывая что-то, что мне становится страшно за него – вдруг он не успеет остановиться! Но он так же быстро меняет траекторию, и идёт обратно, при этом грызя ручку время от времени. Иногда ручка на 2 трети скрывается у него во рту, и мне опять же становится страшно. Очень классный препод!»

Однако теперь Джонни прекрасно понимал: его общение с Ирккой, по сути, исчерпало себя. После её попытки уйти из жизни и принудительной госпитализации в дурку, сначала в одну, потом в другую, она оказалась прочно в руках тех, кто был решительно настроен вернуть её обратно в стадо «нормальных» людей, и соответственно ему говорить с ней было больше не о чем. Поэтому внимание Джонни снова всё больше переключалось на Леночку.

Следующая его встреча с ней принесла ему, (по крайней мере, частичную) разгадку феномена, повергшего его вначале в некоторое недоумение. Джонни был очень удивлён тем, что теперь, когда Леночка опять стала видаться с ним, начиная с 16 февраля, она ни разу ещё не попыталась стрельнуть у него деньги. Нет, разумеется, Леночка каждый раз жрала за его счёт в ресторане, но он прекрасно понимал, что только ради этого она не стала бы с ним встречаться. Конечно, Леночка не раз упоминала, что она теперь безработная, а потому вроде как должна, по идее, особенно нуждаться в деньгах, однако ни разу при этом даже не попыталась развить тему до конкретного запроса о «материальной помощи», и это Джонни не могло не настораживать. Он всё чаще начинал погружаться в тревожные раздумья: «интересно, что эта сучка задумала на сей раз?»

Ситуация начала возвращаться в привычное русло в их третью встречу. Как объяснила Леночка, чтобы устроиться на работу, ей теперь приходится часто ездить на собеседования, а у неё даже денег не осталось купить себе проездной на метро. Не найдя сказать ничего умнее, Джонни в ответ изобразил сочувственную мину и произнёс настолько грустным и сострадающим тоном, насколько у него получилось изобразить: «это печально». Леночка, разумеется, была недовольна услышанной репликой, а потому, скривив своё очаровательное личико в презрительной гримасе, заявила: «Ну да, ты только это и можешь сказать! А потом кто-то обижается, когда ему говорят про то, какой генофонд мужчин в нашей стране!» – Тебе не понравился мой ответ? – Ой, нет, что ты! Твой ответ, конечно же, замечателен. Только это, знаешь, всё эмоции, которые, как говорится, в карман не положишь! К сожалению, я не могу использовать твою печаль, которую ты мне здесь выражаешь вместо реальной помощи и конкретного решения вопроса, в качестве транспортного средства или хотя бы проездного билета на метро! Поэтому мне толку от неё как-то...

Джонни внезапно почувствовал, как при этих словах собеседницы, представлявших удивительно наглую и беспардонную попытку развести его на деньги, у него внутри начала клокотать ярость. Стараясь говорить как можно спокойнее, чтобы голос его не дрожал (хотя на практике это у него не очень получалось), он произнёс цинично-ироничным тоном: «Я догадываюсь, к чему ты клонишь своими разговорами про генофонд мужчин и прочее. Только я тебе не жених, а потому не понимаю, с какого хрена (при этих словах его голос стал более резким и начинал подрагивать от раздражения) я должен на свои ограниченные средства содержать нахлебницу!»

В ответ Леночка презрительно усмехнулась и сказала: «Содержать?! Ты так называешь свои несчастные подачки, за каждую из которых ты всякий раз скорее удавишься?! Иди предложи бомжихе под забором такое «содержание» – она у ближайшего винного магазина себе щедрее кавалера найдёт!»

Потом, с садистским удовлетворением наблюдая всё более мрачное выражение лица Джонни, отражавшее его внутренние переживания, когда он слышал её обидные слова, она продолжила надменно-пренебрежительным тоном: «А ничего, что я каждый раз встречаюсь здесь с тобой и слушаю твоё нытьё, как тебе плохо, как ты помираешь и всё такое?! У тебя много друзей, которым ты можешь об этом рассказать? Есть на всём белом свете хотя бы одна женщина, которая захочет быть с тобой, как с мужчиной, да хотя бы просто общаться, ради твоего охренительно богатого внутреннего мира?! А у меня желающих полно! Так почему же ты решил, что я, такая позитивная девушка, которой очень многие мужчины всерьёз интересуются, буду тут с тобой заниматься благотворительностью?! Должна же быть какая-то, так сказать, социальная справедливость!»

Наблюдая нечто подобное, чей-нибудь чужой разговор со стороны, Джонни, наверное, усмехнулся бы тому, как паразитическая сучка рассуждает о «социальной справедливости», разумеется, в её собственном извращённом толковании этого понятия. Однако в данной ситуации ему было совершенно не до смеха. У него возникло невыносимое желание встать и так у*бать этой твари по роже ногой, чтобы ЧМТ, полученная ею в результате падения воображаемой сосульки на Белорусской показала ей ерундой в сравнении с этим и она раз и навсегда утратила свой грёбаный «позитив».

Но как только Джонни гневно подумал об этом, ему неожиданно стало совсем нехорошо. Овладевшая им злость начала душить его в слишком буквальном смысле – ему стало трудно дышать. Сердце быстро колотилось. Наверняка поднялось давление. Джонни вдруг представил себе, что подумает

сучка, если он прямо сейчас умрёт после её слов, и при этой мысли его охватила самая настоящая паника. Но ему ещё нельзя и продемонстрировать ей свой дискомфорт, чтобы не доставлять этой твари садистское удовольствие! А как это можно скрыть, когда тебе ТАК ПЛОХО?!

Джонни принялся успокаивать себя тем, что у психопатов снижена способность чувствовать эмоциональные состояния других людей, а потому Леночка могла не заметить, или, по крайней мере, недооценить происшедшее с ним в те минуты. И, естественно, когда ему в итоге удалось немного взять себя в руки, у него не было желания продолжать неприятный разговор. Леночка, как ни странно, также не стала развивать тему.

Немного придя в себя, Джонни невольно задумался о той социальной ловушке, в которую попадают многие хорошие, добрые, доверчивые люди. Один из сценариев может выглядеть примерно так. Живёт себе человек... Скромный, необщительный, не будучи всё время на виду, он не пользуется особой популярностью. И тут появляется в его жизни милая такая с виду, очаровательная девушка, которая говорит ему: «Ты очень хороший, ты мне нравишься». На тот момент, наверное, он мог бы и ещё кого-нибудь заинтересовать, но был для этого, пожалуй, слишком робким, пассивным, не совсем уверенным в себе, чтобы развивать необходимые для этого социальные контакты. А эта сама проявила инициативу. Естественно, он тает. «Милая» же девушка, на лесть которой он повёлся, самым подлым и беспардонным образом использует его. После чего, выкачав из него до дна нужные ей ресурсы, оставляет.

У парня вполне закономерно после такого масса негативных эмоций. Депрессия. Ему теперь ещё сложнее найти себе компанию. Ведь практически всем нравятся оптимистичные, радующиеся жизни люди, а не такие мрачные, брошенные неудачники вроде него. К тому же окружающие, как свойственно обывателям, нередко рассуждают в соответствии с гипотезой «справедливого мира»: раз его оставили, значит, было за что! А ему теперь ещё и труднее доверять людям.

Но время идёт. И в какой-то момент измученность одиночеством и связанный с этим необоснованный оптимизм перевешивают разум и ресурсы критического мышления, в результате чего бедный парень идёт, словно овца на заклание, когда его поманит очередная вся такая из себя «позитивная девушка», сулящая ему, что именно она-то уж точно его оценит.

Такой цикл эксплуатации нередко повторяется не один раз. Причём в ловушке оказываются не только мужчины, но также, и даже чаще, пожалуй, женщины. Представляя себе, как это происходит, Джонни задумался о том, как сделать так, чтобы агрессивные – паразитические «позитивные» юноши и девушки не могли безнаказанно промышлять подобным образом за счёт хороших, ни в чём не повинных людей.

Однако долго раздумывать в тот момент над этим глобальным вопросом Джонни не мог. Ему необходимо было решить, как поступить с конкретной сучкой здесь и теперь, покупать ей проездной или нет. Конечно, первой возникшей у него мыслью было послать её на х**. К тому же, для этого в те дни было очень подходящее время: если она прекратит с ним общаться, то останется как дура без подарка на 8 марта. Опять же, экономия.

Но тут же у Джонни возникли совсем другие мысли. Он подумал: «а если вдруг в ближайшее время я внезапно умру?» Учитывая постоянно плохое самочувствие, головокружения и чувство нереальности, такой вариант, наверное, был объективно не просто «ипохондрическим страхом», как такие опасения квалифицировали бы психолухи, а вполне реальной опасностью. Но тогда те деньги, которые он сейчас жалеет потратить на Леночку, знакомство с которой помогло понять ему столь важные вещи в жизни о природе добра и зла, в отсутствие у него наследников достанутся вообще чужим, а к тому же, наверное, и без того не бедным людям.

Кроме того, не дав ей денег, и тем самым, как следствие, прекратив с ней общение, он лишит себя возможности дальше изучать её необычный, удивительный внутренний мир. Альтернативных же источников оригинальных, не «книжных» знаний о таких патологических личностях у него не было и, к сожалению, не предвиделось. Особенно после того, как после нескольких месяцев ночного бдения на сайте «супер эксперт» в качестве «психолуха – консультанта» ему так и не удалось встретить ни одной жертвы психопата, которая в интимных подробностях поведала бы ему всю подноготную своего «избранника». Последние же разговоры с Леночкой про Женю, Ирку, «депрессивное нытьё» и «позитивную девушку» он находил хотя местами и очень обидными для себя, но в то же время весьма информативными, раскрывающими ему глаза на важные вещи в жизни, касающиеся даже не только психопатов.

Под влиянием таких мыслей, когда Леночка на выходе из ресторана улыбнулась ему и спросила: «ты купишь мне проездной?», Джонни покорно кивнул, и они направились к кассе. После покупки билета, однако, Джонни неожиданно стала терзать обида по поводу собственной щедрости. Получается, эта сучка опять меня развела? – подумал он злобно. Тем более, она вроде и бросила ему «спасибо», но сделала это скорее как нечто само собой разумеющееся, словно ей вернули долг. Но поскольку было глупо упрекать человека, когда ты сам согласился помочь ему материально, Джонни, стремясь хоть немного успокоить своё уязвлённое самолюбие, заявил ей снисходительным тоном папаши, выдающего непослушной блудной дочери деньги на карманные расходы: «Вот видишь? Что бы ты делала без меня?!»

После этих его слов Леночка совершенно неожиданно повернулась к нему и резким враждебно-презрительным тоном сказала: «Ну конечно! Как же я без тебя жила все эти месяцы, в которые мы с тобой не виделись?!» На этом, однако, её выходка не закончилась. Она достала из сумочки проездной и засунула

его Джонни в карман со словами: «На, возьми обратно! Если тебе жалко для меня, то мне не нужно! Я обойдусь!»

Джонни был в шоке. Леночка этим жестом ставила его в совершенно идиотскую ситуацию. Билет, который купил ей Джонни на свои деньги, был для него самого совершенно бесполезен, т.к. у него был ещё собственный, также с небольшим сроком годности. Но ему незачем было столько ездить! К тому же, для него с его отвратительным самочувствием в последнее время каждая поездка куда бы то ни было на метро была самым настоящим испытанием. Получается, ему придётся выкинуть билет с кучей неиспользованных поездок, купленный на свои кровные!

Одна мысль об этом была для Джонни невыносима, вызывая у него сильную тревогу. Сам он расценивал такие вещи как проявление обсессивно-компульсивного расстройства или «невроза навязчивых состояний». Например, ему нередко приходилось доедать пищу, которой, будучи голодным, он себе приготовил слишком много, а потому не мог съесть за короткое время. Он очень боялся микробов, а потому сильно переживал, но всё равно старался сожрать свой «корм» без остатка, дабы не выбрасывать. Подобным образом ему бывало очень сложно каждый раз расставаться со старыми, ненужными вещами, которые оставались для него словно старые друзья, давно утратив свою сколько-нибудь осмысленную практическую ценность. Соответственно, его дом наполнялся бесполезным хламом, через который со временем становилось уже трудно перешагивать, не рискуя получить значительную травму.

Подобные наклонности к патологическому собирательству нередко наблюдались у стариков. Многие обыватели, люди, далёкие от учений об устройстве человеческого мозга, связывали такое поведение пожилых людей с гипертрофированной бережливостью тех, чей характер формировался в полные лишения послевоенные годы. У Джонни, однако, была на сей счёт несколько иная теория. По его мнению, немаловажную роль в таком патологическом накопительстве играли дефекты/дегенеративные процессы, подобно тому, как, скажем, у людей (в основном, в пожилом возрасте) развивается деменция. Его мама, кстати, в последние годы своей жизни также практически ничего не выбрасывала, в результате чего её комната со временем доверху наполнилась подшивками шарлатанской газетёнки «Будь здоров», в которой рассказывалось, как лечить практически все болезни методами уринотерапии и т.д.

С ужасом подумав обо всём этом, Джонни принялся жалобно мямлить Леночке о том, как же он теперь будет сидеть с этим ненужным ему, по сути, проездным и всё такое. Она же презрительно сказала ему: «Это уже твои проблемы! Раз тебе жалко для меня...» Но через какое-то время, когда они уже подходили к месту, где им предстояло разойтись по домам, видимо, осознав непрактичность своего импульсивного решения вернуть проездной, Леночка сказала: «Что же ты молчишь? Почему тебе трудно сказать: Лена, я был неправ, спрячь пожалуйста, свою гордость и возьми обратно проездной?!» Но Джонни продолжал идти, не произнося ни слова, и только махнул рукой. На этом они в тот день расстались.

По пути домой, Джонни немного успокоился. Теперь, когда он мог размышлять более хладнокровно, поведение Леночки представлялось ему нездоровым в своей абсурдности. Получалось, она хотела паразитировать на людях и чтобы они были этим довольны. Но так не бывает! При всей безграничной доброте человека, которого ты пытаешься использовать, в нём рано или поздно выиграет стремление восстановить попорченную ею справедливость. Причём не в том, разумеется, извращённом смысле, как эта «позитивная девушка» её понимает.

Дерьмо снаружи и внутри нас

Вернувшись домой, Джонни успокоился совсем. Теперь, вспоминая инцидент, он цинично думал: ну и сиди, дура, без проездного, а также без подарка на 8 марта! Под влиянием таких мыслей Джонни даже не хотел отвечать, когда Леночка позвонила ему в воскресенье 3 марта. Но всё же любопытство узнать, в какой форме она попросит обратно свой проездной взяло верх, и Джонни решил послушать.

Леночка, как всегда, не растерялась. Она для начала разыграла благодарность, напомнив о том, как он осенью прошлого года выручил её, заменив неработающий монитор. Теперь мне снова нужна твоя помощь, – сказала Леночка. Потом она принялась описывать, как у неё сильно греется и от этого выключается компьютер.

Джонни понял: чтобы вернуть свой проездной, Леночка решила предложить ему то, против чего он точно не сможет устоять – пригласить его к себе домой. И теперь Джонни уже не думал о том, как Леночка его не только использовала изначально, чтобы купить проездной, но ещё и организовала, чтобы он по её первому зову сам к ней примчался не только его вернуть, но ещё и помочь с компьютером. Нет. Всю дорогу к ней Джонни мечтал о возможности, когда она отлучится ненадолго, тайком скопировать с её компа себе на флешку какие-нибудь файлы, содержащие важную информацию о Леночке. Таким образом, он надеялся получить более достоверные и объективные сведения о ней, не завязанные на её собственные рассказы, в которых полно вранья.

Но на практике, конечно же, Леночка показала себя не такой душой, или, во всяком случае, повела себя не так глупо, как рассчитывал Джонни. Когда Джонни подключил к её компьютеру флешку с тестами (на которую, разумеется, в случае чего, влезло бы ещё много интересовавших его материалов), Леночка стояла у него «над душой», пристально наблюдая за его действиями.

Теперь у Джонни была другая идея: под предлогом возни с компьютером проторчать подольше у Леночки, дабы у неё было больше времени высказаться по тем или иным вопросам. Но чтобы найти основания для этого, Джонни необходимо было вначале убедиться в том, что некоторые элементы компьютера действительно сильно греются.

Как ни странно, это оказалось действительно так, т.е. по данному пункту Леночка не врал. Запустив привезённую с собой на флэшке портативную версию программы AIDA 64 Engineer Edition, Джонни увидел температуры центрального процессора и видеоадаптера порядка семидесяти градусов. И это в «простое»! Как-то до хрена, – подумал Джонни. И ведь температуры такого плана, очевидно, были не первый день. Теперь Джонни не давала покоя странная мысль. Почему психопатам так везёт?! – недоумевал он. Ведь если бы в его, клиентском или собственном компьютере детали работали на таких температурах, там давно уже бы что-нибудь накрылось! А у этой ... Особенно Джонни впечатляла ситуация с процессором. Компании Advanced Micro Devices вообще не удались процессоры, выпущенные по 65-нанометровой технологии. Ведь недаром же на рынке появилось столько трёхъядерных «камней» от AMD – производителю необходимо было реализовать огромные партии брака с битым четвёртым ядром! И даже эти обрезки у многих пользователей дошли направо и налево! Но стоявший в компе у Леночки, как ни странно, продолжал работать! Причём, несмотря на хронический перегрев! К тому же, у неё был пресловутый Phenom 9500, из тех, что были выпущены с дефектной кэш-памятью! И, тем не менее, он исправно работал, как ни в чём не бывало! А Леночка не жаловалась на производительность! Более того, в тот единственный раз, когда она в ночь на 23 февраля 2011 года сидела дома у Джонни за его компом, выразила недовольство «почему так долго грузится»! Мол, у неё дома всё работает гораздо быстрее. И это при том, что Phenom 9500 по своей производительности смешон в сравнении со старым добрым Intel QX9650, установленным тогда в компьютере Джонни.

Ну почему, почему этим психопатам так везёт даже с техникой, в которой они ни хрена не понимают? – терялся в догадках Джонни, вынимая систему охлаждения процессора и видео адаптер из компьютера Леночки. Такая ситуация представлялась Джонни не просто необъяснимой с каких-либо рациональных позиций, но и одним из проявлений глобальной вселенской несправедливости, казалось, преследовавшей его в разных своих ипостасях всю жизнь.

Но неожиданно Джонни осенила разгадка. Нет, разумеется, на самом деле у психопатов техника и прочие вещи выходили из строя ничуть не реже, нежели у прочих людей. Нет. В противном случае это было бы действительно противно природе. Ведь если не брать во внимание случаи неосторожного обращения (которого у психопатов, очевидно, было даже больше, чем у прочих) выход вещей из строя был вызван естественным износом в сочетании с рядом случайных процессов. Просто когда у психопатов что-то действительно ломалось, они не упивались подолгу страданиями по этому поводу, как было свойственно невротикам наподобие Джонни, а организовывали таких как он исправлять. Бесплатно.

А на этот раз его даже позвали сюда исправлять компьютер не просто так, а чтобы он заодно вернул купленный на свои средства проездной. Обидно, да? – подумал Джонни, неожиданно осознавший неутешительный для него смысл происходящего в квартире Леночки. Но, коль скоро его организовали этим заниматься, необходимо было выполнить добровольно взятую на себя работу, а не предаваться бессмысленным в данной ситуации рефлексиям.

Поэтому, получив утвердительный ответ на свой риторический, по сути, вопрос: «у тебя есть фен?», Джонни принялся сначала мыть, а затем тщательно просушивать системы охлаждения. Подержав в течение нескольких минут с нехарактерным для неё видом старательной помощницы (точнее, изображать старательную помощницу она могла очень хорошо, просто сама роль была для неё нехарактерна!) детали, на которые Джонни направлял поток тёплого воздуха, Леночка внезапно сделала нечто совершенно неожиданное. Она резко подошла к крану и открыла его. После чего подошла обратно к Джонни, чтобы дальше держать детали, подвергаемые сушке. Тем временем вода продолжала хлестать из крана. Джонни вначале даже не мог сообразить смысл происходящего. Тогда, словно отвечая на его немой вопрос «зачем?», а скорее просто недоумённый, тупо-растерянный вид, Леночка пояснила.

Она сказала: «Это соседи там что-то делают». После чего добавила, словно прочитав по удивлённому взгляду Джонни, что сообщённой ею информации недостаточно: «Поэтому здесь такой запах». Джонни ещё немного тупил, глядя на Леночку, после чего до него, наконец, дошло, о чём речь. В маленькой, однокомнатной квартирке, где Леночка жила со своей мамой, был совмещённый санузел. Соответственно, работа по мойке и сушке систем охлаждения, которой занимался Джонни, проводилась фактически в туалете. Леночкина мама, видимо, не в силах больше жить на одной территории с такой дочерью, какое-то время назад свалила к своему шестидесятилетнему кавалеру. И у неё, естественно, наверняка не было особого желания возвращаться и чистить унитаз в квартире возвращённого ею монстра. Но и сама Леночка у себя дома, разумеется, этим заниматься не собиралась. А на уборщицу, которая делает это за неё, хотя бы гастарбайтершу, тоже пока у начальников и прочих своих мужиков не насосала!

Но это всё, в принципе, было понятно. Джонни и сам у себя дома не уделял должного (по меркам обывателей) внимания чистке унитаза, даже несмотря на свой панически-ипохондрический страх перед микроорганизмами – в конце концов, не прыгнут же они на него оттуда! Удивляло другое. Ведь если бы Леночка специально не завела речь о запахе, Джонни бы и вовсе об этом не подумал! Так кто же тогда её за язык-то тянул?!

Задаваясь этим вопросом, Джонни не мог не отметить для себя, как, при всей своей необычности, Леночка в этом была похожа на нормальных людей. Они могли прийти в исступление от микрочастиц говна, прилипших к внутренним стенкам унитаза и распылять токсический «освежитель» воздуха, но при этом ничуть не смущаться тоннами морального дерьма, которое они ежедневно наваливали в души других.

По сути, они боялись того, что обычно никак не попадает обратно вовнутрь человека. Ведь с точки зрения биологии, всё, что проходит через ЖКТ на любом его участке, в нормальных условиях находится ВНЕ тела, а попадание содержимого «внутри», в брюшную полость, скажем, в результате перфорации толстого кишечника, несёт катастрофические, фатальные последствия для всего организма.

В то же время, куда меньше дискомфорта у «нормальных» людей вызывает то, как день за днём они впитывают тканью своего мозга потоки ментального дерьма, обрушивающиеся на них из разных каналов: государственная пропаганда, реклама, сериалы и иные ТВ-шоу, ложь и унижения со стороны так называемых «близких» людей и т.д. Некоторые, конечно, пытаются «очиститься», обращаясь к «специалистам», однако те же психолухи и им подобные в данной ситуации скорее играют роль того ядовитого «освежителя воздуха».

Именно описанное искажённое восприятие, видимо, толкнуло в данной ситуации Леночку на абсурдное поведение, которое, используя популярное у пиндосов и прочих англоязычных выражение, особенно уместное для происходящего в помещении санузла, можно назвать «пердёж мозгом» («brain fart»). И, разумеется, Леночкиной маме придётся заплатить за кубометры воды, вылитые дочерью в попытке смыть свои предрассудки.

Взгляд Джонни также невольно упал на радиатор системы охлаждения процессора, который в плане своих функциональных параметров представлял собой Г. ещё то. Тонкая алюминиевая конструкция марки «Titan» лишь одним громким названием напоминала могучих персонажей классических мифов Греции. Зато блестящий корпус Леночкиного компьютера был шикарным и наверняка дорогущим. Такое сочетание красочной, привлекательной обёртки и дешёвой, невзрачной начинки, едва способной выполнять свои функции охлаждения процессора с высоким энергопотреблением, вдруг показалось Джонни изумительной аллегорией, отражающей ценности людей эпохи нарциссизма.

Следующим выразительным эпизодом в его общении с Леночкой стала для Джонни ситуация, возникшая в связи с покупкой ей подарка на 8 марта. В тот праздничный день она пришла на встречу с ним в ресторан в новой шубе. Джонни вспомнил, как ещё полтора года назад Леночка тянула из него деньги, мотивируя это «мне нужно купить шубку на зиму». Насосала-таки, значит, – ехидно подумал он, но вслух ничего не сказал. Несомненно, она специально нацепила обновку именно в тот день, дабы продемонстрировать ему, какие «подарки» получает от других и соответственно задать масштаб цены презента, который она хочет получить от него. Заметив взгляд Джонни, устремлённый на её новый наряд, Леночка произнесла презрительно: «Да, я себе новую шубку купила! Сама накопила! От тебя же не дождёшься!..»

Но Джонни не поддержал её игру. Когда Леночка в ответ на прямой вопрос: «что ты хочешь на 8 марта?» заявила о своём желании получить новый телефон, а именно вышедший на российский рынок полгода назад iPhone 5, Джонни отказался наотрез. Про себя он подумал при этом цинично: за айфон иди у своих начальников и прочих кавалеров за щёку бери! Но вслух он этого, разумеется, не произнёс, а просто заявил: «дорого», и предложил выбрать какой-нибудь «обычный» современный смартфон.

Как и следовало предполагать, услышав это, Леночка вначале долго презрительно фыркала про «жмотство и жлобство» Джонни, а потом, наконец, по принципу «лучше, чем ничего», предложила подарить ей новую розовую, «бабскую» модель Гнусмаса, в те дни активно рекламируемую практически перед каждым фильмом, который они смотрели вместе.

Заметив желаемый телефон в витрине офиса компании «Гигафон», расположенного в здании торгового центра, куда они ходили в кино, Леночка потянула Джонни за рукав: «Смотри, вон, давай купим здесь». Но Джонни вначале отрицательно покачал головой: «Да ты чё! Он здесь восемь тысяч стоит! Они охренели совсем!» И сказал, что купит за шесть в «кибермаркете» электроники, где обычно покупал железки. Но Леночка, как обычно, не полезла за словами в карман, и заявила, что:

Во-первых, хочет увидеть и посмотреть телефон перед покупкой, а кибермаркет при более низкой цене такой возможности не даёт;

Во-вторых, прямо сказала Джонни, мол, знаю я тебя, и выразила опасения, что после одной из размолок, столь часто случавшихся у них в последнее время, он вообще расхочет покупать ей телефон.

В этот момент в их разговор как раз вмешался менеджер офиса компании «Гигафон», ставший невольным свидетелем их разногласий. Он, как принято у представителей этой породы, сразу же принялся верещать о том, какие у них сейчас проходят праздничные и прочие акции, а потому, мол, как раз у вас этот телефон получится за шесть тысяч.

Джонни, разумеется, сразу подумал, что «здесь есть непременно какой-то подвох», но чувствовал себя слишком неважно, чтобы планировать ещё специально поездки куда-то специально за телефоном или выпрашивать у торговца подробности, касающиеся проводимых акций. Да и Леночка так смотрела на него...

И только когда сделка была уже заключена и довольная Леночка уже вертела в руках свой подарок, выяснились неприятные детали. Да, одна скидка в тысячу рублей действительно была просто «честным»

вычетом из цены, но другую на ту же сумму компания – оператор связи могла лишь «компенсировать» услугами интернет на телефоне. Но вот незадача: Леночка брезговала пользоваться «Гигафоном» в качестве оператора мобильной связи и сама сидела на «Пчелайне». Джонни же, давно отставший от жизни и потому никогда не выходивший в интернет с телефона, также не мог воспользоваться второй частью скидки, о чём ему даже явно указал тот же самый менеджер, презрительно вылупившийся на быдлофон за тысячу рублей, с которого обычно звонил и писал смс Джонни.

После покупки подарка этого подарка Леночке у Джонни на душе остался неприятный осадок. И дело было даже не в потерянной тысяче рублей. Джонни было бы не так обидно, продавайся тот телефон везде за восемь килорублей. Но как он мог надеяться, что психопатка Леночка не будет обманывать людей, когда обычные торгаши типа этого менеджера по продажам компании Гигафон в своей повседневной деятельности ведут себя подобным образом?! И у этих людей от природы нет дефекта, который бы принципиально мешал формированию у них совести! Нет! Они попросту осознанно выбирают его не пользоваться в решении своих профессиональных задач, так как иначе попросту ничего не заработают и другие такие же «менеджеры по продажам» станут их презирать и клеймить неудачниками! А ведь на этом, по сути, построен весь долбаный бизнес! Компании обычно добиваются успеха, а владеющие ими толстосумы сколачивают огромные состояния, вовсе не выпуская товары лучшего качества и предлагая их по более низкой цене, нет! Гораздо выгоднее оказывается инвестировать в шумные, лживые рекламные акции, а также обучать своих сотрудников, даже самых мелких сошек типа того менеджера, с которым имел дело Джонни, грамотно ездить по ушам клиентов.

Однако на истории с покупкой подарка для Леночки неприятности Джонни не закончились. Напротив, складывалось впечатление, что история с телефоном открыла сплошную цепь неудач, неумолимо преследовавших с тех пор Джонни до конца его дней. Возникло ощущение, что сама жизнь его, которая уже давно дала трещину, начала расходиться по швам, прежде чем открыть в конце пути чёрную пропасть, именуемую смертью.

Рушились все надежды для Джонни и в общении с Леночкой. Так, некоторое время он тщетно лелеял мечты об индивидуальных занятиях с Леночкой английским языком. Собственно, она сама вначале предложила ему такую идею, видимо, после того как на очередном собеседовании интервьюеры поинтересовались её уровнем. Нет, разумеется, речь и не могла идти о какой-либо оплате Леночкой таких уроков в денежной или «натуральной» (от слова «натура») форме. Тем не менее, Джонни не рассматривал такие занятия как эксплуатацию его ею. Нет, напротив, ему очень нравилась перспектива такого сотрудничества: Леночка с его помощью изучает английский, а он изучает её.

Однако к огромному разочарованию Джонни, Леночка в итоге отказалась от этой затеи. Надо думать, систематические занятия по изучению какой бы то ни было учебной дисциплины были слишком скучными для её импульсивной натуры. К тому же, Леночка прекрасно понимала: учитывая социальный климат, сложившийся в отечественном бизнесе, такой молодой очаровательной женщине как она было гораздо важнее в совершенстве владеть языком, чтобы при случае ласкать начальнику его жезл власти.

Но даже после её окончательного отказа от бесплатных индивидуальных занятий с ним английским, Джонни не оставлял идею помочь ей приобретать знания в данной области. Он специально выложил для Леночки на файловый обменник изумительный словарь в картинках с произношением носителями языка, чтобы она могла скачать и установить себе на компьютер. Но когда Джонни попытался проинструктировать её по скайпу как установить программу, его ждало множество неприятных переживаний. Он расстраивался, злился (про себя) и недоумевал, почему с другими, кому он то же самое объяснял, всё получалось, а с ней нет, пока, наконец, не осознал один очень важный момент: Леночка, которая давно установила этот софт, получала садистское удовлетворение, издевалась над ним таким образом! Да-да, иногда психопатам нравится так развлекаться!

Следующее разочарование поджидало Джонни, когда он попытался более формально протестировать Леночкину личность. Джонни был в курсе предостережения Роберта Хэра, ведущего западного специалиста по психопатам, о том, насколько бесперспективны тесты наподобие MMPI – 2 применительно к данному контингенту: такие субъекты будут попросту спорадически врать, отвечая на вопросы, сводя тем самым результаты исследования к нулю! И, тем не менее, Джонни не мог устоять перед соблазном испробовать на Леночке локализованную компьютерную версию легендарного опросника, скачанную им с известного торрент-трекера.

Однако коварная красавица, попросив сначала прислать ей программу, не выказала особого энтузиазма относительно выполнения до конца, сказав, что вопросов слишком много, а потому ей лень этим заниматься. Джонни не мог не отметить про себя противоречие с тем, что когда-то Леночка говорила ему о том, как ей нравится выполнять различные «психологические тесты». Через какое-то время, однако, Леночка выразила готовность пойти на компромисс. Мол, если Джонни «очень надо», она сообразовит заполнить опросник, при условии, что ей компенсируют затраченные ею на это усилия некоторым количеством денежных средств. Леночка также упомянула о своей готовности проявить в данной ситуации снисхождение к нищете Джонни и удовольствоваться всего несколькими тысячами рублей.

Выслушав столь «заманчивое» предложение, Джонни, разумеется, был в который раз шокирован наглостью своей собеседницы, однако в то же время согласился, оговорившись, впрочем, что заплатит

только в том случае, если найдёт результаты осмысленными, после чего попросил Леночку отвечать на все вопросы максимально правдиво.

Через какое-то время, когда, по оценкам Джонни, Леночка должна была закончить выполнение теста, она написала ему с недовольным смайликом о том, что не прошла до конца, т.к. «программа сама закрылась». Мол, Джонни должен доплатить за то, что тест его «ещё и глючит». Джонни догадался о смысле этого трюка. Нет, она, вероятно, не собиралась специально тянуть из него дополнительные деньги таким образом, т.к. в противном случае, наверное, запросила бы больше изначально. Скорее, по завершении теста результаты показались Леночке слишком похожими на реальные черты её личности, которые ей не хотелось раскрывать перед ним, даже если за это заплатят немного денег.

Получив, наконец, результаты теста, Джонни принялся жадно их разглядывать, с азартом блаженного лоха, стирающего защитный слой с лотерейного билетика в надежде выиграть по нему миллион. Однако практически тут же лицо его исказилось выражением невыносимой обиды и разочарования: лажа! Теперь он скорее напоминал «счастливого» обладателя акций МММ, купленных в обмен на заложенную квартиру, который только что узнал, что никаких выплат не будет.

Вскоре, правда, Джонни опомнился: ведь за лотерейный билет-то он ещё не заплатил! И теперь уже не собирался, учитывая, как его попытались обмануть!

С одной стороны, конечно, Джонни понимал всю ограниченность подобных опросников, даже достаточно больших, как он видел на примере своих собственных результатов. Даже то, с чем, казалось бы, можно было в принципе согласиться, интерпретировалось в расшифровке совершенно неуместным образом. Так, например, про него утверждалось: «Эти лица характеризуются серьезным беспокойством и тревогой за состояние своего физического здоровья...», и это вроде бы соответствовало действительности. Однако далее расшифровка была совершенно безобразной, словно специально ориентированной на психолухов, пытающихся продать свои консультативные услуги людям, чьи результаты теста якобы указывали на некоторую патологию. Например, применительно к случаю Джонни программа выдала такое продолжение приведённого выше фрагмента: «что может вести к ипохондрическому развитию личности». И ещё более показательно:

«В поведении лиц данного типа борьба с болезнью перерождается на самом деле в борьбу за право считаться больным, т.к. статус больного для них, как правило, неосознанно представляет нечто вроде алиби по отношению к чувству вины за недостаточную социальную активность. Этот тип профиля отражает устранение тревоги за счет соматизации (<повышенного внимания к физическим симптомам>) и вытеснения её (тревоги) с формированием демонстративного поведения.

Реакции такого типа позволяют истолковывать жизненные затруднения, неспособность оправдать ожидания окружающих, несоответствие собственному уровню притязаний и т.п. с точки зрения социальной приемлемости и как представляющиеся рациональными самому обследуемому. (Соматическая симптоматика – вполне обоснованная причина снижения активности; утомление, неспособность к концентрации внимания и т.п. – приемлемое объяснение низкой производительности, профессиональных ошибок, неспособности решать сложные проблемы).

Соматические жалобы могут использоваться для давления на окружающих с целью получения преимуществ и рационального объяснения своей враждебности и недовольства своим местом в социальной группе. Асоциальное поведение в этом случае встречается редко, а соматические жалобы отличаются большим постоянством и резистентны к терапевтическому воздействию».

Но Джонни прекрасно понимал: «Эти лица чрезвычайно озабочены своими медицинскими проблемами..., склонны к образованию навязчивых страхов, как правило, перед конкретным заболеванием (инфаркт, рак и др.)..., они углублены в свои самонаблюдения и физические симптомы...» в основном по банальной причине: им ФИЗИЧЕСКИ ПЛОХО!

И «лица с подобной картиной профиля могут испытывать истерические приступы, характеризующиеся кратковременным страхом, сердцебиением, потливостью, головокружением, бессонницей», поскольку у них имеется неисправность в организме, приводящая к частой активации и повышенной чувствительности вегетативной нервной системы. Просто не только психолухам, но часто и настоящим врачам, увы, оказывается удобнее заклеить возникающие эпизоды (в которых виноватыми оказываются, таким образом, сами больные), «истерическими приступами», нежели разбираться в деталях патофизиологических механизмов. И т.д. и т.п.

Однако если в случае Джонни основной проблемой теста была неуместная интерпретация действительно демонстрируемых им закономерностей поведения программой (точнее, составителями материала, на основе которого она была создана), с Леночкой ситуация обстояла иначе. Она, скорее всего, не хотела предстать такой, как есть, пусть даже посредством теста, и сделать себя тем самым более уязвимой перед человеком, которому дала возможность узнать себя лучше, а потому осознанно выбирала ответы, заведомо неприменимые к ней, дабы исказить результат. И даже перспектива не получить небольшую сумму денег не останавливала её перед обманом. Видимо, возможность обдурить Джонни была для неё ценнее. Тем более, она могла считать его большим лохом, чем он был на самом деле, таким, который в любом случае не посмеет не заплатить.

Но Джонни был настроен иначе. Когда Леночка спросила, он резко ответил, что не собирается ей давать денег за выполнение теста, т.к. ответы были ею введены заведомо не соответствующие

действительности, и потому результаты представляли собой полную лажу. Леночка же, как обычно в подобных ситуациях сердито и хладнокровно, сказала, что заполняла всё как есть на самом деле, а недостоверность теста уже не её проблема. После чего, словно ища как бы ещё унижить Джонни, добавила, что иной реакции она и не ожидала от представителя низкосортного генофонда недомужчин, не способных отвечать за свои слова и выполнять взятые на себя обязательства.

Следующее разочарование для Джонни было связано с азартной игрой, в которую его попыталась втянуть Леночка. Она и прежде уже звала его сыграть в «Монополию» онлайн, но тогда не сложилось из-за конфликта между ними. Теперь же Джонни ухватился за эту возможность узнать её с новой стороны. Но как только он начал играть, его тут же охватили неприятные, тревожные мысли. Ему почему-то вспомнилось, как он играл в Монополию в детстве. Уже тогда с этой игрой была связана для него загадка, из-за которой он переживал массу огорчений и в целом чувствовал себя униженно. С одной стороны, дедушка, который его так любил, часто называл Джонни умным мальчиком. Ему также вторили многие взрослые, ради развлечения заставлявшие Джонни, словно дрессированную обезьянку, складывать большие числа. Но стоило Джонни сесть играть в Монополию со своими сверстниками, как он практически неизменно быстро разорялся и проигрывал. Джонни недоумевал, каким образом, например, его троюродный брат практически одного возраста с ним (на два дня младше) каждый раз побеждал его в этой игре. Неужели этот недалёкий троюродник, чья родная бабка пыталась нагреть советское государство, за что при Сталине получила (вполне заслуженно!) несколько лет колонии, и который, по его словам, мечтал, когда он вырастет, уехать в Америку и стать там гангстером, – был умнее его?! А может, это просто игра была такая, для плохих мальчиков? – недоумевал тогда расстроенный Джонни.

Практически тут же, правда, Джонни попытался взять себя в руки. Ведь он уже давно не тот забитый, неуверенный мальчик, каким был в детстве, верно? Как-никак, несмотря на все трудности и проблемы со здоровьем он стал мыслящим и знающим человеком, который, хоть и не кончал в институтах, но смог самостоятельно дать себе хорошее образование. Так неужели он не в состоянии обыграть эту соску и её гоп-компанию?!

И вначале, действительно, его дела пошли в гору. Я покажу вам класс, – думал Джонни, самодовольно и злорадно потирая руки. Но торжество его было недолгим. Пара невезений, столь частых в игре со значительным элементом случайности, заставили Джонни нервничать, из-за чего он дополнительно совершил ряд досадных ошибок, значительно ухудшивших его ситуацию. Положение усугублялось также кучей навязчивых симптомов, терзавших Джонни и вынуждавших его выполнять бессмысленные ритуалы, следовать магии «хороших» и «плохих» чисел в ущерб разумной логике и т.д. В результате, он не только бесполезно транжирил свои когнитивные ресурсы, особенно ценные в игровой ситуации, когда время на обдумывание ограничено, но и принимал неверные решения. Как следствие, со временем Джонни начал проигрывать.

И тут его накрыло! Внезапно Джонни словно снова ощутил себя ревушим шестилетним мальчиком, судорожно перемешивающим фигуры на шахматной доске в предвкушении проигрыша, вместо того чтобы довести партию до логичного финала. Тогда дедушка жалел его и специально поддавался, дабы не провоцировать подобные ситуации. Однако теперь времена изменились, игры стали взрослыми и отношение других участников к такому поведению совсем иным. И Джонни вроде бы это понимал, но... ничего не мог с собой поделать. Поняв неизбежность проигрыша, он стал совершать один за другим совершенно абсурдные с точки зрения игровой логики шаги, явно направленные на то, чтобы ускорить разорение.

Леночка не могла не заметить этого. И когда партия была закончена, принялась отчитывать Джонни в скайпе. Видимо, она хотела, чтобы он умел хорошо не только играть, но и проигрывать с достоинством, как подобает мужчине. Он же, вместо того чтобы, собрав волю и реакцию в кулак, бороться до последнего, и, возможно, в последний момент спасти положение, повёл себя подобно истеричной барышне, в критический момент выпускающей из рук руль и с визгом «ой, всё!» закрывающей лицо руками, словно такой жест может спасти её от неминуемой катастрофы.

Джонни прекрасно понимал. Леночка теперь будет ещё больше презирать его. Но, как ни странно, почему-то не стал сильно расстраиваться по этому поводу. Напротив, он утешал себя следующим образом: Допустим, он даже победил бы в этой игре. Тогда у него возникло бы желание играть ещё и ещё. А смысл? Ведь это всего лишь бессмысленная трата времени!

Леночке, конечно, в этом смысле было гораздо проще. Ей было достаточно пару раз взять за щёку у начальника, а остальное время, пока другие выполняли за неё настоящую работу, она могла зависать в монополии и прочих онлайн играх. Джонни же было необходимо не только трудиться за свои деньги, но также выкраивать возможность заниматься своими проектами, посвящёнными психопатам. Поэтому теперь Джонни утешал себя мыслью: пусть Леночка обыграла его в монополию, зато он поможет людям защитить себя от подобных ей деструктивных личностей в реальной жизни.

Однако на этом пути его также ждали сплошные разочарования. Теперь, сколько он ни размещал информацию о своём сайте в разных гостевых книгах, её либо удаляли (там, где ещё за порядком кто-то следил), либо они тонули в море спама порно-педофилов. И лишь изредка на сайт Джонни обращали внимание, да и тогда наиболее частой реакцией были презрительные насмешки комментаторов.

Джонни даже пытался размещать свои ссылки в известной социальной сети, где обычно сидят подростки и вообще молодёжь. Но его быстро блокировали и записи удаляли, а со временем (и это было самое обидное) его объявления и вовсе начинали просто исчезать сами собой.

В итоге, несмотря на все старания Джонни, и без того практически незначительная посещаемость его сайта падала всё ниже по сравнению с февральским уровнем. Складывалось впечатление, что его ресурс упёрся в некий внутренний предел, за которым он не был нужен никому. Джонни уже начинал приходить в полное отчаяние, когда Леночка преподнесла ему очередной сюрприз. Она неожиданно позвонила ему и предложила встретиться в ресторане.

Леночке прилетело

В самом начале разговора Леночка приветливо улыбнулась и задала вопрос, поразивший Джонни своей неуместностью на данном этапе их общения: «Муся, ты меня любишь?» Джонни вздрогнул от неожиданности. Она уже давно не называла его так! Да и какая речь может быть о любви после всего, что происходило между ними в эти годы? Очевидно, у неё должна быть веская причина для такого обращения!— недоумевал Джонни.

Он сразу же подумал, как глупо было бы в такой ситуации клясться в своей любви к Леночке, не говоря уже о слишком очевидной неискренности такого заявления. Ведь в таком случае она сразу же предложит ему не ограничиваться разговорами, а подкрепить свои чувства конкретным поступком в его интересах.

Джонни решил вместо этого ответить уклончиво, подчёркивая (в принципе, обоснованно) амбивалентность своего отношения к Леночке. Мол, с одной стороны он вроде как её и любит, но с другой, когда она его расстраивает, начинает почти ненавидеть. В ответ Леночка, изобразив смущённый вид (хотя на самом деле чем-либо смутить её было практически невозможно), спросила: «А ты стал бы, скажем, специально мне делать вред? Пытаться отомстить, например?»

К немалому удивлению Джонни, на свой вопрос в стиле «с какой целью интересуешься?», он получил прямой ответ: «Видишь ли, тут *слабые* (она произнесла это слово особенно презрительным тоном, словно специально пытаясь продемонстрировать своё пренебрежительное отношение к этим жалким существам) люди хотят мне отомстить». И Леночка поведала, как злоумышленники разместили на сайте содержанка точка ру от её имени объявление об оказании ею мужчинам известно каких услуг с указанием её электронной почты. После чего добавила: «Этот адрес, с которого я раньше переписывалась с тобой, знают всего несколько человек, и ты один из них. Поэтому я и спрашиваю у тебя».

Джонни так обалдел от рассказанной ему истории, что не попытался даже тогда, в ресторане, Леночку ещё о чём-то расспрашивать, а просто с честными глазами отрицал свою причастность – ведь он, как бы ни был порой зол на неё, и правда до такого бы никогда не додумался! После этого, Леночка сказала ещё несколько слов о том, какой это низкий и недостойный поступок, свойственный только *слабым* людям, после чего историю вроде как замяли.

Тем не менее, происшедшее не давало покоя Джонни и по дороге домой. Только теперь у него возникла новая идея. Сидя в ресторане, когда впервые услышал новость, он слишком много тупил и тормозил, чтобы это сообразить. Но сейчас, когда он мог более спокойно размышлять об этом, у него промелькнула идея: «Там ведь необходимо подтверждать электронную почту! Иначе просто не может быть!» После этой мысли, весь остаток обратного пути, Джонни был почти уверен: Получается, она врала ему насчёт объявления?! Но зачем?! Чего она могла достигнуть таким образом?!

По возвращении домой Джонни не мог найти покоя, пока не зашёл на сайт «содержанка». Заведя новый ящик на мыле точка ру, он состряпал объявление от имени «юной красавицы», готовой доставить «море наслаждения щедрому джентльмену». Джонни хотел посмотреть, каким образом работает процедура подтверждения электронной почты. И был шокирован: ТАМ НЕ БЫЛО НИКАКОЙ ВЕРИФИКАЦИИ АДРЕСА! Через форму на сайте он мог отправить сообщение «юной красавице», и оно действительно приходило в зарегистрированный им почтовый ящик! Получалось, практически любой желающий, имеющий определённые «добрые намерения» в отношении кого-то, мог оставить там координаты своей тётки, бывшей, начальницы и т.д. без какого-либо согласования с ней!

Впрочем, на самом деле дела обстояли ещё «веселее»! Теперь Джонни вспоминал слова Леночки: «Наверное, я того кто это сделал ещё не очень сильно обидела! Иначе они оставили бы там мой номер телефона!» При этой мысли Джонни сразу пожалел об отсутствии у него лишней, «левой» сим-карты. А идти специально к метро в офис «Гигафона» для него с его постоянно плохим самочувствием, когда начинает шатать, словно пьяного, стоит ему только выйти из дома, было слишком. К тому же сразу подумалось: а если всё же сходит, купит симку, придёт домой, и тут выяснится, что в отличие от адреса электронной почты телефон там всё же потребует подтверждения?!

Да и в любом случае мысли Джонни теперь больше занимало другое: Если там на самом деле не требуется подтверждать почтовый адрес, стало быть, кто-то мог действительно разместить от её имени такое объявление? А иначе, действительно, зачем она стала бы такое сочинять?! И ведь это надо ещё постараться такое выдумать, даже при всей её изобретательности!

Теперь Джонни не давала покоя идея найти объявление Леночки. Но как он его там узнает? Ведь, несмотря на косяк с подтверждением, создатели сайта всё же догадались сделать отправку почты через специальную форму, чтобы не дарить открыто демонстрируемые адреса электронной почты (и телефоны!) шлюх спамерам!

Пока Джонни раздумывал над этим, ему бросилось в глаза одно объявление:

«Ищу любовника. Москва. Мне 26, стройная, темные волосы. Встречи 1-2 раза в неделю. Предварительно так: кино, кафе, секс. Желательно отель. Конфиденциальность гарантирую. В семью не полезу, уводить не буду. Разовых встреч не предлагать».

Вот, точно! – возбужденно подумал Джонни. Он был потрясён этим объявлением. Так могла написать только сама Леночка или человек, очень давно знавший её. Казалось бы, такие банальные слова: кино, кафе, секс. Собственно, эти составляющие присутствовали и в её общении с Джонни. За исключением, разумеется, реального секса, который применительно к ней мог присутствовать лишь в его болезненных фантазиях. Видимо, он заработал только на её походы в кино и кафе за его счёт! И потом, зачем ей тогда нужен был секс с ним, если как существо мужского пола (Леночка его и полноценным мужчиной-то не могла считать, да и кто мог вообще?!), он был ей неприятен, а она вполне могла позволить себе паразитировать на нём, успешно обходясь без этого?!

По мере того как Джонни перечитывал объявление Леночки снова и снова, ему всё больше казалось, что так никто кроме неё самой просто не мог написать. Взять даже то, как она там представлялась: Алёна. Так Леночка обычно подписывалась раньше на сайтах знакомств, где она, подобно многим другим молодым женщинам, по сути, рекламировала свои услуги проституции, если не считать поиска ею возможности использовать кого-то на халяву, как это случилось с Джонни. Там же она, кстати, указывала не свою станцию метро, а другую, хотя и тоже неподалёку от её реального места жительства. Когда ей нужно было, Леночка умела быть осторожной. В этом заключалась важная черта «успешных» психопатов: в то время как другие психопаты, не останавливаясь не перед чем, лезут напролом и гибнут, идут на посадку и т.д., эти достигают своих целей, попутно разрушая жизни других.

Воспринимая теперь объявление Леночки так, словно оно было составлено и подано ею самой, Джонни всё сильнее расстраивался. Видимо, мысли о ней всколыхнули его старые чувства. Но чем же он был так расстроен? Тем, что ей приходится вот так торговать своим телом? Но как же ей тогда иначе заработать себе на жизнь, коль скоро к созидательной, общественно полезной деятельности она органически не способна? Более того, такие психопатические черты, как импульсивность и склонность к «скуке» делают её неспособной полноценно функционировать даже в торговле, не говоря уже о традиционной для офисного планктона деятельности, такой, как бухгалтерия. Получается, ей остаётся только обманывать людей? Просто паразитировать на них? Но ведь в наш жестокий век далеко не все такие добрые, как Джонни, чтобы позволять себя длительное время использовать. Нормальные люди обычно очень чётко следят за соблюдением принципа: «ты – мне, а я – тебе». И даже самые доверчивые, рано или поздно осознавая, как с ними обошлись, со временем всё больше исполняются гневом и жаждой мести.

Такие размышления неожиданно натолкнули Джонни на идею: Леночка, сама того не ведая, подарила ему вдохновение для новой статьи, озаглавленной «Простить и отпустить? Нет, отомстить!» В своей работе Джонни писал о том, как люди, пострадавшие от психопатов и прочих деструктивных личностей, нередко оказываются наедине со своей проблемой. Они пытаются поделиться наболевшим с окружающими, но тем неинтересно слушать их жалобы и «нытьё». Психолухи, наживаясь на ситуации, своей фразеологией про «личную ответственность» только усугубляют положение. Они внушают пострадавшим: «Это случилось именно с тобой, но не с твоим соседом. Стало быть, дело здесь именно в тебе, ты сам(а) притягиваешь к себе агрессию!» В результате, многие жертвы не только тяжело переживают по поводу случившегося, но и погружаются в трясины самообвинения, всё больше считая себя «неправильными» и ущербными.

Они, движимые глубоко заложенным в человеке стремлением к справедливости, горят жаждой мести обидчикам, но только напрасно изводят себя ею, прокручивая самые неприятные моменты случившегося по много раз в голове, т.к. пытаться её реализовать в открытом противостоянии означало бы бессмысленную опасность для жизни, здоровья или, по меньшей мере, остатков репутации. Уж больно неравны силы – в противном случае сама проблема не возникла бы изначально!

Джонни показывал пострадавшим другой путь расквитаться с теми, кто их унижал, обманывал, эксплуатировал. Способ этот также был хорош в том плане, что, как говорится, лучший метод борьбы с болезнью – профилактика. Ведь во многом «успех» психопатов и прочих деструктивных типов в их вредоносных и своекорыстных проектах связан с неспособностью жертвы распознать, с кем она имеет дело, до тех пор, пока не станет слишком поздно. Социальный хищник подкрадывается неслышно и не показывает сразу свой оскал.

В качестве положительного примера Джонни рассказывал об организуемых в странах Запада сообществах женщин, пострадавших от психопатов, нарциссов и прочих подобных личностей. Они помогают как морально, так и практически (например, юридическими консультациями) тем, кто увяз в деструктивных отношениях или пытается вернуться к нормальной, полноценной социальной жизни после таковых. Также, поддерживая базы данных особенно ярких «персонажей», на которых собран материал,

подобные сообщества дают многим женщинам возможность своевременно распознать в обаятельном незнакомце прожжённого брачного афериста, альфонса и т.д.

Однако как ни старался Джонни донести свои идеи до широкой общественности, немногочисленные отклики на его статью были по большей части нелестными. Комментаторы в основном определяли его публикацию как «высер обиженки».

И только один молодой человек по имени Роман, написавший по электронной почте, благодарил Джонни за то, что ему открылись глаза за женщину, с которой встречался несколько лет. По словам Романа, он любил её, но теперь понял, какая она тварь. На Джонни, правда, рассказ данного его корреспондента особого впечатления не произвёл, если только такое, как однажды ему самому сказала Леночка: «Если ты считаешь, что тебя использовали, ты просто не знаешь, КАК используют по-настоящему!» К тому же, чего Роман хотел от женщины, у которой муж (коим был не Роман!) на момент зачатия её ребёнка не был биологическим отцом?! Тем более, она даже не скрывала этого от Романа, а скорее гордилась данным фактом перед ним (но, впрочем, не перед своим рогоносным мужем).

Однако, несмотря на всю пикантную специфику описанной выше истории, Джонни был рад благодарному вниманию своего читателя. Роман же, в свою очередь, следуя рекомендациям Джонни, вынашивал планы как следует наказать «тварь, которая так поступила». С этой целью Роман написал целую статью, причём почти такого размера, как обычно были у Джонни, т.е. 4-5 страниц А4 сплошного текста достаточно мелким шрифтом, и опубликовал её на различных интернет – ресурсах своего города и даже в местной газете. Свою публикацию он оформил в виде рассказа о том, какие встречаются гадины в весьма привлекательном человеческом образе, с его бывшей в качестве иллюстрации.

И так уж получилось, что одной из полутора читательниц статьи Романа оказалась главная героиня. Разумеется, она просто не могла оставить без внимания такую честь, оказанную ей! Соответственно, бывшая пассия Романа организовала двух своих любовников на тот момент по очереди действительно поблагодарить автора, представляясь ему её братьями. Впрочем, очевидно, данные два кавалера не могли делать это сообща, т.к. узнай каждый из них реальный статус другого в отношении к ней, они бы вместо разборок с Романом подрались между собой, а затем вместе набросились с кулаками на неё!

Сам Роман, конечно, был потрясён неожиданными для него побочными эффектами следования советам знатока из интернета, а потому теперь испуганно закидывал Джонни по электронной почте вопросами «Как мне теперь быть?» и «А Вы точно психолог?», на которые не получал ответа. Однако в итоге истории с «братьями» бывшей возлюбленной Роман отделался лёгким испугом, а потому решил не останавливаться на достигнутом. Он отправил ей свой новый «романтический привет» в виде «банки с огурцами», которой умудрился попасть прямо в открытое окно, о чём не преминул отчитаться Джонни в письме. Влетев в помещение, банка упала на стол и разбилась, выпуская из себя «боезаряд». Очередной подвиг «ворошиловского стрелка» не остался без внимания, а потому герой вскоре уже писал по этому поводу объяснения в отделении полиции. Его, впрочем, строго не покарали, и даже беря у него показания, менты не могли удержаться от смеха. Это, видимо, было связано со следующим примечательным фактом: когда Джонни поинтересовался в письме, «Не жалко ли было на неё целую банку огурцов?», Роман сказал что нет, так как, образно выражаясь, огурцы и прочее содержимое банки уже однажды прошли полный цикл через его желудочно-кишечный тракт. Теперь Джонни понимал, почему полицейским было так весело. То, понимаешь, всё время суровые будни, «наша служба и опасна и трудна», а кал в стеклотаре не каждый день людям в окна влетает! Но, при всей трагикомичности этой истории, Джонни извлёк из неё для себя важную мораль: Если ты гадишь людям, рано или поздно тебе может от них «прилететь». И даже если тебя так боятся, чтобы обделаться от одного твоего вида, кто-нибудь потом может собрать в баночку и кинуть тебе в окно!

После этого необычного эпизода ситуация Джонни как в плане изучения психопатов, так и общая жизненная, стали катиться ещё быстрее вниз по наклонной. У него, впрочем, прежде чем расстаться с Леночкой навсегда, состоялось ещё несколько встреч с ней в ресторанах или кафе, с кино или без (зато точно без секса!), которые становились для Джонни всё более бессмысленными и унижительными.

Сначала Леночка встретила с ним перед первыми майскими праздниками. Теперь она уже даже не стеснялась отвечать на звонки своего (теперь уже 2-летней давности) любовника (или, как называла сама Леночка, «личного знакомого») Петра Ивановича в присутствии Джонни. К немалому удивлению Джонни, когда они вышли из ресторана, Леночка не простилась с ним, не спросила «куда ты идёшь?», как было в феврале, и не сказала «давай, до свидания». Она просто повела его за собой в направлении собственного дома, словно Джонни её провожал, хотя идти туда было более чем целый перегон между станциями метро. Если бы Джонни мог подумать на досуге о возможных мотивах, он наверняка бы заподозрил в таком её поведении какой-то подвох. Но в данной ситуации просто продолжал плестись за нею, словно овца на заклание.

Смысл происходящего открылся перед Джонни лишь тогда, когда они подошли к обувному магазину, расположенному примерно на 1/4 пешего пути до Леночкиного дома. Он сразу же вспомнил, как примерно год назад в той же самой торговой точке категорически отказался покупать туфельки. Но на сей раз, как оказалось, это были кроссовки. И теперь, прежде чем Джонни успел открыть рот, чтобы попытаться отказаться, Леночка предъявила ультиматум: если не купит, она не позволит ему идти с ним дальше!

«А ещё говорят, психопаты не в состоянии извлекать уроки из собственного опыта! Оказывается, на самом деле они могут вполне, когда это им выгодно!» – цинично подумал обиженный и даже внутренне взбешённый такой выходкой Леночки Джонни. Однако, категорически не желая идти на поводу у сучки, он даже не стал ничего ей отвечать, а лишь махнул рукой и одиноко пошagal обратно в сторону той станции, откуда они пришли. От испытанного душевного потрясения у Джонни даже стала сильнее, чем обычно, кружиться голова и его сильнее шатало, как пьяного, когда он шёл обратно, представляя, зачем Леночке были нужны эти кроссовки. Она, по её словам, собиралась в праздничные дни «на дачу». И речь, разумеется, при этом шла не про домик в далёкой мордовской деревне, где когда-то жила её «любимая» бабушка, от присутствия на похоронах которой Леночка уклонилась ради свидания с хахалем. Этот эпизод, кстати, без малого три года назад поразил Джонни, тогда ещё не знавшего про её психопатию, как проявление чёрствости, но он не придал данному факту тогда большого значения, подумав «просто молодёжь нынче такая».

Теперь же он был, как ему тогда представлялось, твёрдо настроен больше никогда не видеться с сучкой и не позволять ей себя использовать. Однако это намерение разбилось вдребезги, когда 9 мая днём ему ни с того ни с сего позвонила Леночка и сообщила: «Я еду к тебе в гости. Встречай меня через полчаса на своей станции метро». От такой новости у Джонни отвисла челюсть, и он впал в самый настоящий ступор. О том, чтобы отказаться, разумеется, для него не было и речи. Его больной мозг стал судорожно перебирать варианты того, что он успеет сделать, включая одевание и пятнадцать минут пешком до станции, учитывая его постоянно плохое самочувствие.

Прибраться дома, разумеется, за это время не получится. Да и к чему? – подумал Джонни. Теперь он был настроен в этом плане куда более цинично, нежели в наивно-романтический период своего общения с Леночкой пару лет назад. Очевидно, даже если она действительно собирается к нему, значит, это нужно в первую очередь ей, чтобы в очередной раз как-то использовать его в своих корыстных целях.

Неожиданная мысль пронзила его сознание: сервер! В тот период Джонни осуществлял на домашнем компьютере (который в любом случае у него практически не выключался, т.к. Джонни в известном смысле «жил» в виртуальном мире) хостинг своего сайта. И лишь потом, когда здоровье его совсем ухудшилось, вынужден был заплатить на годы вперёд сторонней организации, дабы дать своему ресурсу шанс ещё некоторое время после ухода из жизни создателя приносить пользу людям.

Видимо, в те минуты, когда Джонни собирался идти на встречу с Леночкой, стресс у него был столь сильным, что он не мог мыслить разумно. А потому не сообразил, что даже если Леночка действительно придёт к нему и усядется за его компьютер, она вряд ли обнаружит практически никак с точки зрения обычного пользователя себя не проявляющий Apache HTTP Server, запущенный в виде фонового процесса под Windows 7 Enterprise. Но тогда Джонни об этом не подумал, а попросту приостановил работу сайта, посредством которого пытался рассказать человечеству о внутреннем мире людей, подобных Леночке.

А когда немного запыхавшись и чувствуя себя даже сквернее чем обычно, Джонни встретил Леночку на своей станции метро, она сказала: «Поехали! Я покажу тебе своё любимое место в городе. Как видишь, я выполняю свои обещания!» При этих словах ему сразу же вспомнился их разговор двухмесячной давности в скайпе, когда Леночка сказала: «Когда будет лето у нас, совсем-совсем тепло, а лучше – жарко, я покажу тебе мое самое любимое место в Москве. Просто в холодную погоду там нечего делать»

– Куда мы едем?

– В район Чистых прудов, где я когда-то работала.

Когда они вышли из метро, ничто вначале не сулило неприятностей. Джонни вспомнил, как хреново ему было, когда однажды вечером прошлой осенью ему нужно было идти за железками к парню, который жил на другом конце Чистопрудного бульвара. Однако сейчас он вроде как даже чувствовал себя лучше и бодрее, чем тогда. И только идя рядом с Леночкой, недоумевал: Интересно, где же её любимое место? Сам бульвар? Пруд? Он пару раз попытался спросить у неё, но она лишь отвечала: «Иди со мной! Я тебе покажу!»

Теперь Джонни уже начинал связывать с прогулкой какой-то подвох, смысл которого ему был непонятен, и от этого его тревога чем дальше, тем больше усиливалась. А Леночка продолжала его вести вниз вдоль трамвайных путей. Покровский бульвар... Тем временем у Джонни начала сильнее кружиться голова, его стало больше шатать из стороны в сторону. Леночка, которая шла немного впереди, интересовалась у него примерно тем презрительным тоном, как когда-то в Израиле, где его тоже ужасно колбасило: «Ну что с тобой? Почему ты не можешь идти нормально?!»

А они всё продолжали идти вниз по Бульварному кольцу. Джонни, который уже еле шёл, испытывая кучу проявлений телесного дискомфорта и в то же время стараясь не концентрироваться на своём неважном состоянии, теперь всё больше думал о том, как всё-таки несправедлива бывает жизнь. Казалось, идёшь ты с девушкой, которая тебе нравится, какой бы паразитической тварью она ни была внутри, по своим душевным качествам, – так радуйся! Но нет! Это просто нереально, когда тебе так хреново! Всё-таки, как ни крути, а здоровье – самое важное! Это особенно остро начинаешь понимать, когда его нет!

Почему-то совсем некстати Джонни вспомнился безвременно ушедший сравнительно недавно сосед и друг детства. Джонни думал: «Жизнь ко мне несправедлива, раз я так сильно болею? А к Жене, если у него она вообще оборвалась?!»

От этих воспоминаний Джонни вдруг стало реально страшно. А если он умрёт прямо здесь и сейчас?! При этой мысли его словно изнутри обдало каким-то странным жаром. И зачем ещё он напялил эту майку под рубашку, когда на улице такая жара?! Эх, надо было дома не сервер останавливать, а лучше в это время погоду посмотреть!

Яузский бульвар. Они вышли к набережной. Не обращая внимания на окружающих людей, Джонни снял с себя майку, после чего надел рубашку обратно. Теперь он стоял, как идиот, слегка покачиваясь, и бессмысленно мял в руках майку.

– Зачем ты снял эту майку свою дурацкую?

– Мне жарко!

– О чём ты думал, когда её надевал, если на улице и правда очень тепло?!

– Я думал: а вдруг будет холодно?

– Ты слишком много думаешь, тебе так не кажется?! Лучше бы погоду узнал! Теперь ты собираешься идти в ресторан с этой майкой в руках, как дурак?!

– Куда же я её дену?!

– Как куда? Выкинешь, вон мусорка!

Джонни был поражён тем, как в отличие от него, зяблого хламщика, этой сучке просто избавляться от вещей, за которые она никогда по-настоящему не работала. Он только недавно купил эту майку. Наверное, и два раза не стирал.

Но не успел Джонни об этом подумать, как тут же у него возникла совсем другая мысль. Он просто посмотрел по сторонам и пришёл в ужас: они стояли на самой низкой точке среди всей округи! Получается, куда бы сейчас они ни пошли, им придётся двигаться вверх! Только теперь Джонни осознал: всю дорогу сюда они шли ВНИЗ. И он уже был еле живой! А теперь они пойдут ВВЕРХ, и других вариантов нет! От одной мысли об этом у Джонни едва не началась самая настоящая «паническая атака»! Тем временем Леночка продолжала резким тоном настаивать, чтобы он выкинул майку. Не в силах больше это выносить, Джонни подошёл к мусорке и резким, порывистым движением выбросил многострадальный предмет одежды, после чего пошагал в другую сторону, не оглядываясь.

А потом они пошли. Джонни мучительно пытался и не мог до конца понять, как он докатился до такого ужасного физического состояния, но так или иначе сам факт не оставлял никаких сомнений. Леночка шла проворным шагом чуть впереди, Джонни – немного отставая. Чувствовал он себя отвратительно. У него стала ещё сильнее кружиться голова, усилилась шаткость походки. Ему было трудно дышать. Это, наверное, была не совсем одышка в традиционном понимании слова, но с ним особенно при подъёме в гору нередко случались такие эпизоды, когда он не мог сделать полноценно ни вдох, ни выдох. Сердце колотилось, как ненормальное, но даже не столько часто, сколько гулко, а иногда почему-то возникал сильный страх, что оно вот-вот остановится. У него, наверное, поднялось (артериальное) давление. Но Джонни старался не думать об этом, так как от одних подобных мыслей, исполненных ужаса, оно словно повышалось ещё сильнее.

А идти медленнее он также не мог, как бы ему ни было плохо. Леночка совершенно прозрачно ему намекнула: «Отстанешь – твои проблемы. Я не собираюсь тебя ждать!» Надо думать, это было частью садистской игры, в которую она играла с ним в тот вечер. Как казалось Джонни в те мучительные минуты, Леночка будто специально выбрала такой темп ходьбы, что иди она чуть быстрее, он бы, наверное, просто упал и сдох. Но это, видимо, было ей не интересно, как преждевременный финал интересного представления.

Ему не раз просто хотелось отстать. И пусть она топаёт вперёд и останется, как дура, без ресторана. Но Джонни даже не мог толком понять, где они шли. Если бы они стали возвращаться обратно, к Чистым прудам, то, даже отстав от Леночки, он бы рано или поздно пришёл вдоль трамвайных путей обратно к метро; в крайнем случае, доехал. Но они пошли в другую сторону, через Язу. Проходили какие-то здания: церковь, корпуса больницы и т.д., которые дополнительно нагоняли на Джонни меланхолию, но никак не помогли ему сориентироваться на местности. На какой-то момент показалось, что это где-то в районе Третьяковки, но, как потом выяснилось, на самом деле совсем нет. Просто то ли строения были похожи, то ли большой мозг генерировал эффекты типа *déjà vu*. И спрашивать у Леночки было бессмысленно. Она не собиралась помогать ему сориентироваться – видимо, это тоже было частью её игры с ним. Если же спросить у неё, она скажет: «Я девочка и не хочу ничего знать! Ты меня веди!» А у него мало того что голова больная и потому он очень плохо запоминает местность, так ещё и давно не гулял по центру, т.к. зачем ему ходить там одному?

Один раз, идя в горку и начав задыхаться особенно сильно, Джонни собрался уже отстать, но представив себе, какая паника его охватит, когда он не будет знать куда идти, пошёл дальше. Потом он внезапно вспомнил, как, уходя из дома, выключил сервер. И тут же с ужасом подумал, что если сейчас умрёт, то прогрессивное человечество будет лишено шанса ознакомиться с его работами, словно созданный им сайт был ему дороже самой жизни. Даже от одной мысли об этом Джонни нешуточно накрыло. Он неожиданно встал как вкопанный, держась за сердце и жадно ловя ртом воздух. Леночка злобно и в то же время презрительно наблюдала за ним, то и дело отпуская в его адрес унижительные комментарии, но Джонни в эти моменты даже не обращал внимания на неё – так сильно его колбасило.

Сознание Джонни было окутано каким-то дурманом, когда они дошли, наконец, до Таганки. Ему уже было трудно даже осмысленно реагировать на те предметы окружающей действительности, к которым пыталась время от времени привлечь его внимание Леночка. Например, однажды она показала ему роскошный старый дом, наверное, ещё сталинской постройки, но шикарно выглядящий, словно он был выстроен совсем недавно, и сказала: «Здесь квартиры по пять комнат с высокими потолками. Я хочу тут жить!» Джонни ничего не ответил, и только про себя прикинул в уме: «Это тебе придётся сосать дольше, чем средняя продолжительность жизни женщин в РФ, чтобы такую недвижимость купить!»

Следующий яркий, запомнившийся Джонни эпизод имел место уже в ЮЗАО, около ресторана, где они обычно встречались. Леночка неожиданно взяла его под руку и указала своим пальчиком на припаркованный у обочины джип Range Rover Autobiography: «вот такая машинка мне нужна!» Про себя, Джонни недоумевал: «Интересно, на хрена ей тут, в Москве, автомобиль с таким дорожным просветом?! Или она собирается ездить на нём по мордовской деревне, где бабушка раньше жила?! Так, наверное, её мама уже всё там продала, да и в любом случае Леночка вряд ли туда бы поёрлась». А вслух сказал: «Зачем? Ты ведь хотела себе Пыжика!» (Джонни вспомнил, как Леночка просила подарить ему машинку типа Пежо 307 или 308). Но Леночка ответила: «Я теперь уже большая девочка, выросла из Пыжика. Хочу такой джип!» Джонни понял, что она хотела сказать. Он думал уже даже не о длительности сосания для покупки Range Rover Autobiography. Сучке просто важно, сидя в таком автомобиле, чувствовать себя ВЬШЕ других! – заключил Джонни.

Потом в тот вечер они ещё необычно долго сидели в ресторане и разговаривали. А Джонни всё возвращался мыслями к их гулянке в тот день. Зачем она вообще его туда вытащила? Просто поиздеваться, что ли, зная его состояние? Или это тест был какой? Но что она тогда таким образом проверяла?

И вдруг, совершенно неожиданно, Леночка сообщила, причём не в форме вопроса, а как нечто уже решённое и потому не подлежащее дальнейшим обсуждениям: «Этим летом мы снова с тобой летим в Израиль, примерно в то место, где были в прошлом году». Джонни обалдел. В принципе, Леночка уже поднимала той весной вопрос о совместной заграничной туристической поездке летом. Только речь тогда шла про Стамбул. Леночка, по её словам, очень хотела попасть на экскурсию по местам, связанным с её любимым турецким сериалом про русскую наложницу султана в XVI веке, своими интригами проложившую себе путь к власти. Эта легендарная женщина стала для Леночки своего рода ролевой моделью. Джонни же в ответ кивал головой: мол, хорошо бы, но не говорил пока определённо ни да, ни нет. Ведь если бы он отказался, то Леночке, наверное, было бы вообще больше незачем видеться с ним, а он, почему-то, несмотря ни на что, хотел ещё пусть немного, но продлить с ней общение. С другой стороны, из-за ужасного состояния своего здоровья он уже навсегда был точно никуда за границу не ездок, не ездун и ездец, т.к. иначе с ним бы там случился ппц!

Теперь же упоминание Израйля разозлило его. Объяснение Леночки о том, как ей там хорошо было в прошлом году, Джонни находил надуманным и лживым. Она прямо сказала, что ей нравится там ощущение как бы нехватки воздуха. Конечно, Джонни даже верил в её асфиксиофилию, о которой Леночка ему как-то рассказывала применительно к своему любовнику. И в то же время сильно сомневался, что целебный воздух в регионе Мёртвого моря оказывает на неё такое действие, так как в отличие от него самого, чувствовавшего там себя ужасно, она-то не была так больна на голову, как он! Зачем же Леночка тогда туда стремится? Ведь видела же в прошлом году, как ему там было хреново! И завела речь об этом именно сегодня, после того, как видела, как его колбасило даже во время прогулки по Москве! Получается, она понимает, что он живым оттуда не вернётся уже, а потому специально хочет его угробить в поездке, совершаемой с ним на его же средства?!

Сама мысль о том, что Леночка желает его гибели, была для него невыносимой. Поэтому Джонни принялся раздражённым тоном, в резких выражениях говорить о том, почему он не сможет из-за проблем со здоровьем, наверное, уже никогда отправиться туда, куда Леночка его звала. Она же сама как будто даже не восприняла его аргументы всерьёз, сказав: «Да ладно тебе! Там полезное море и воздух, заодно полечишь свои нервишки!»

Это последнее заявление Леночки особенно взбесило Джонни. Он понимал: в её реплике, «нервишки» относилось даже не только и не столько к его нынешнему эмоционально раздражённому состоянию, сколько к болезни Джонни в целом, о которой она говорила как «это всё у тебя в голове». Получалось, она называла причиной его страданий не органические изменения в органах, а его мысли! Как будто, он стал бы здоровым, если бы думал иначе!

Такое восприятие со стороны Леночки было для Джонни особенно неприятно. Поэтому во время этого разговора с ней он особенно сильно разнервничался. Настолько, что его стало накрывать прямо в ресторане, где, казалось бы, он мог спокойно сидеть, откинувшись на спинку лавки, и падать было некуда, если вдруг станет плохо. Джонни несколько раз даже рефлекторно поднимал руку и дотрагивался ею до своей шеи, как обычно случалось, когда у него была особенно сильная тревога.

Леночка заметила этот жест и поинтересовалась: «Зачем ты так делаешь?» А потом, когда Джонни не ответил, добавила: «Я читала про это. Просто не помню, что означает». На вопрос «Где?» Леночка ответила уклончиво: «Такая книжка про язык жестов, ну ты знаешь, её сейчас все читают». Потом, через несколько минут, словно желая блеснуть своими знаниями (которые она, надо думать, почерпнула из той же книжки), она сказала: «Когда скрещиваешь руки на груди, ты как бы пытаешься защититься от меня».

Придя домой, Джонни не поленился найти и скачать упомянутое Леночкой издание. Автор книжки «Я вижу, о чём вы думаете» происходил из семьи кубинских диссидентов, сбежавших с Острова Свободы продавать родину и революцию в Пиндосию. Сам он долгое время работал на ФБР и был более уверен в себе, нежели располагал реальными знаниями. Но не меньше, чем из его книжки, Джонни вынес из того, *как* Леночка о ней упоминала. Ведь он сразу же понял: она *знала* название книжки и её авторов. Просто не желала говорить. Получалось, Леночка жила так, словно все люди её враги. И она не хотела делать для них ничего полезного, если это не приносило ей выгоды, даже когда никаких усилий не требовалось, как, например, дело обстояло в ситуации с книжкой.

Но первым делом по возвращении домой Джонни включил сервер со своим сайтом. Казалось, теперь он может вздохнуть свободно, т.к. даже если что-то случится с ним, его материалы по-прежнему ещё какое-то время останутся доступными всему прогрессивному человечеству. Однако почти тут же Джонни мрачно подумал: а смысл? Ведь число посетителей упало практически до нуля, а его попытки рассказать о своём сайте возможно большему числу людей проваливались снова и снова.

Например, Джонни пытался рассылать анонс своего сайта «о двуногих хищниках» в близкие по тематике сообщества одного очень известного блог-сервиса. Но поскольку он не знал, какие сообщества модерированы, а какие нет, его сообщения в большинстве случаев не пропускались, либо даже провоцировали оскорбительные отповеди со стороны тамошних администраторов. Один из них особенно разозлил Джонни, написав, что спаммеры, когда попадут в ад, будут сортировать корреспонденцию в отделениях Почты России. Атеист Джонни не унился до ответа, но мысленно от души пожелал этому придурку провести остаток его никчёмной жизни в должности модератора в компании психопатов, раз льёт им воду на мельницу, будучи не в состоянии отличать тех, кто несёт людям свет реальных полезных знаний от настоящих спаммеров!

Ещё 1 тётка написала Джонни, что не может размещать в своём сообществе публикации неизвестно кого. Вот если бы он указал свои имя и фамилию, а также приложил скан диплома о высшем психологическом образовании (Джонни для своего удобства нередко представлялся психолухом)... Джонни попытался схитрить, сказав, мол, у него есть причины не показывать своего лица, т.к. он работает с таким контингентом... Однако тётка была непреклонна. Поэтому Джонни пришлось мысленно послать её на х**, т.к. свет на её убогом сообществе не сошёл, чтобы специально ради него ещё диплом себе рисовать.

А когда Джонни решил попытать удачи в сообществах другого известного блог-сервиса, где было меньше модерации, резонанс оказался вообще практически незаметным. И в итоге Джонни удалось там прославиться только тем, что он стал, наверное, единственным пользователем на многие тысячи, если не миллионы, участников, у которого был отрицательный рейтинг. По крайней мере, больше никого с таким «достижением» Джонни встретить не удалось.

Снова и снова попадая в неприятные ситуации, подобные описанным, Джонни утешал себя мыслью, что хотя он и трус ужасный в реальной жизни, зато сумел найти в себе смелость, упорство, а главное – знания, чтобы сформулировать и последовательно отстаивать собственную позицию по жизненно важным вопросам. Эх, если бы его ещё при этом поняли и оценили – тогда, возможно, он по крайней мере не чувствовал бы себя таким одиноким. А иначе ради чего все эти усилия, если ему так и не удастся наполнить ничью жизнь светом своего знания? Каков тогда вообще смысл, например, его унижительного взаимодействия с Леночкой?!

Две самые последние встречи с Джонни она вела себя совершенно безобразно. Вместо ресторана, где встречались раньше, теперь перед кино они шли в кафе, расположенное в том же торговом центре. Джонни догадывался, с чем было связано нежелание Леночки идти в прежнее место: наверняка, она боялась спалиться перед каким-нибудь своим «кавалером» из тамошнего района. Но как-то доказать для себя или проверить эту версию он, разумеется, не мог. Также очень неприятное впечатление на Джонни произвело следующее поведение Леночки в последние две встречи: Они сначала шли в одно кафе и заказывали там. Леночка говорила, что ей не нравятся тамошние алкогольные напитки. Джонни расплачивался, после чего шли продолжать в другое кафе. В результате расходы заметно увеличивались. Леночка, конечно, в ответ на недовольства Джонни каждый раз начинала демонстративно грозиться платить за себя. Однако Джонни понимал: стоит ему на это согласиться, как она ему отравит настроение куда больше, чем в противном случае потратила бы его денег.

Но ещё более важную роль в их окончательном расставании скорее сыграло совсем другое, на первый взгляд не предвещавшее ничего особенного, событие в первую из двух последних встреч. Леночка сказала: фильм длинный, давай купим попкорн. Но есть его практически не стала. И Джонни, которому было жалко выбрасывать, в одно лицо доедал попкорн, оказавшийся достаточно солёным. А потом, по дороге домой, не мог не думать о том, как у него непременно теперь повысится давление. Потом вспомнил китайца, выпившего на спор бутылочку соевого соуса и ввавшего в кому от избытка натрия.

Придя домой, Джонни измерил давление. От цифр, увиденных на тонометре, ему стало не по себе. И практически всю последующую неделю, что бы он ни делал, ему становилось всё хуже и хуже. Не удавалось даже толком понизить давление, которое Джонни измерял по несколько раз в день. В то же время, и вызвать врача он также не мог. Во-первых, от одного вида его домашней обстановки ему бы сказали, что первый специалист, к кому ему надо обратиться – психиатр. Во-вторых, какова реальная польза от

медицины в его ситуации Джонни уже знал по опыту мамы, которая умерла год назад. Неужели теперь пришёл его черёд?!

Чуть более недели после поедания злосчастного попкорна Джонни большую часть времени лежал и помирал и мерял давление. И только время от времени собирался с силами, вставал, садился за комп и судорожно гуглил свои симптомы, пытаясь понять природу своей болезни, обрекавшей его всю сознательную жизнь на плохое самочувствие и в которой ещё двадцать лет назад не могли разобраться врачи, к которым он тогда обращался, называя её «ВСД». Ценную информацию приходилось выискивать по крупицам среди куч рекламного мусора – весь интернет и особенно выдачи поисковиков были завалены предложениями услуг платных медицинских центров, наживавшихся не только на людских страданиях, но и на неадекватности государственной системы здравоохранения. Но самое неприятное – из-за своей болезни он уже практически утратил память и вообще плохо соображал. Непредвиденное осложнение также возникло, когда Джонни попытался применить к себе тест, вычитанный и увиденный на роликах youtube. По неосторожности он повредил себе мышцу на ноге, в результате чего у него чуть не отказали почки – одна из немногих систем его организма, которая ещё более-менее нормально работала. Тем не менее, в итоге Джонни выяснил в общих чертах причину проблем с головой, которые были у него с детства.

Однако, несмотря на обретенное им после стольких лет мучений понимание, глобальные перспективы оказались безрадостны. Болезнь была неизлечима, а потому можно было надеяться максимум на временное облегчение состояния. И даже если он не умрёт в ближайшее время, противостояние недугу потребует от него много сил и времени. Ему предстояло самому подолгу, основательно разбираться в медицинских вопросах, поскольку бессмысленно было рассчитывать на врачей поликлиники, так как последние ни сами толком не знают, что с ним происходит, ни направляют в специализированные центры, которые если и имеются, то не заинтересованы в пациентах, с которых нечего взять. А потом, немного разобравшись, он мечтал просветить и других людей, которые мучаются подобным образом со своими болезнями, рассказав им то, что удастся выяснить о происходящем при этом в организме.

Естественно, в такой ситуации у него уже не было возможности разбазаривать свои очень ограниченные материальные ресурсы, как прежде, тем более, если его состояние будет со временем ухудшаться и далее. А это означает, ему придётся навсегда прекратить контакты с Леночкой, как бы ему на чисто эмоциональном уровне ни хотелось продолжать общение с ней. Тем более, сейчас самое время для этого – ведь скоро у неё день рождения, а она наверняка пожелает получить от него какой-нибудь ценный подарок.

Поскольку окончательно расставаться с Леночкой, как Джонни и предполагал, ему было очень тяжело морально, он вначале решил прощупать почву, например, на предмет того, насколько дорогую вещь она захочет. Поэтому в самую последнюю (как в итоге оказалось) их встречу он попытался аккуратно рассказать ей, как плохо ему было в последние дни, как поднималось у него давление и два раза вызывал скорую помощь и т.д. Но Леночка лишь холодно заметила: «Тебе просто давно уже пора на пару недель в дурку, чтобы там тебе подлечили твоё психосоматическое заболевание. Тогда бы ты меньше думал о том, о чём не надо и твои мысли направили в правильную сторону, потому что это всё в твоей голове». Потом она подытожила: «Мне жаль тебя!», произнося это таким тоном, каким обычно выражают не сострадание, но презрение.

Хотя ему, конечно, было очень неприятно это слышать, Джонни сильно не обиделся на Леночку за эти слова. Ведь в данной ситуации она сама была жертвой обмана. Леночка читала и слушала всяческих психологов, втиравших, что болезни у людей возникают от неправильных эмоций и мыслей. Но ей, как бы она ни гадила другим, ещё в принципе было простительно, т.к. у неё самой не в порядке с головой. Эти же мрази здоровы и наживаются на чужих страданиях, да ещё у них больные люди оказываются виноваты в собственных болезнях! Поэтому Джонни мечтал когда-нибудь, как говорится, если доживёт и останутся силы, рассказать людям правду, чтобы средства пациентов шли на развитие настоящей медицины, выясняющей подлинные патофизиологические причины болезней, а не мошенникам – трепачам, трахающим несчастным их бедные мозги ради извлечения выгоды.

Леночке же Джонни попытался дать ещё один шанс, поинтересовавшись у неё: «как тебе мой последний подарок?» Ранее она уже жаловалась ему, мол, телефон твой работает как-то не так. Но Джонни тогда не повёлся на враньё, сказав: «Он на гарантии. Ты можешь обратиться в сервис-центр». Теперь же, в ответ на вопрос, чем не устраивает телефон, она ответила прямо: ОН ДЕШЁВЫЙ! Таким образом, в субботу 15 июня, в их самую последнюю встречу, для Джонни решился вопрос с подарком ей на ДР: обойдётся, благодарная тварь!

Но заключительный удар перспективам их общения, наверное, был всё же нанесён на следующей неделе, в четверг, при следующих обстоятельствах. У Джонни был давний знакомый, старше его на несколько лет, по имени Саша. Когда-то они вместе работали в одном институте. Саша хорошо относился к Джонни, считая его весьма грамотным (даже несмотря на формальное отсутствие высшего образования) и добрым парнем. А будучи также хитрым евреем, Саша знал, как Джонни может помочь ему в реализации одного важного проекта.

Начальник Саши Исаак Моисеевич был широко известным в узких кругах учёным, который, чем становился старше, тем сильнее чувствовал неутолимую потребность донести свои гениальные открытия до сведения прогрессивного человечества, причём не только на одной шестой обиженной провидением части

суши. Но вот незадача: для этого нужно было публиковаться на английском языке, которого И.М. не знал и осваивать в свои 70 с чем-то лет не планировал. И тут оказался очень полезен Джонни.

Конечно, у Джонни в своё время была вполне заслуженная (по крайней мере, в плане «не выше») тройка по английскому, а с тех пор по причине бедности ни на каких языковых курсах он не кончал. Кроме того, у Исаака Моисеевича была очень хорошая знакомая лингвист, профессор университета, Сара Ицхаковна. Но будучи дамой солидной и даже в своём формате успешной, С.И. находила унижительным для себя работать за такие деньги, как Джонни, и даже в два раза большие. В то же время, с другой стороны, разве можно брать много с *хорошего* знакомого? Поэтому С.И. было удобнее за умеренную плату просматривать переведённый Джонни текст, поправляя лишь явные ляпы, например, когда он по причине своей лени, невнимательности или просто большой головы пропускал слова. В итоге все были довольны: Исаак Моисеевич, его иностранные издатели, Сара Ицхаковна, Саша и даже Джонни, который хотя и получал за свою работу меньше, чем ставка переводческих контор, где работают студентки, зато без посредников!

И так уж получилось, что как раз тогда, когда Джонни в те июньские дни лежал и собирался помирать, И.М. разродился новой порцией текста. Но Джонни в тот период занял позицию: «Скоро я схожну – вы все пожалеете! Вам будет меня не хватать!» Поэтому когда позвонил Саша и рассказал о новых научных достижениях И.М., Джонни ответил в смысле: «Отвали! Не видишь – я помираю?!»

Саша, разумеется, сначала хотел ответить «Нет! Не вижу! У тебя для помирающего слишком бодрый голос!» и т.д., однако тут же осёкся, решив, что это должны смотреть те, кому виднее, а именно, медики. Соответственно, он предложил Джонни такой вариант. У Саши был очень хороший давний друг и коллега Вениамин, который до сих пор жив, хотя и потерял одну почку, во многом благодаря женщине, которая теперь стала его пятой (по счёту, не одновременно, – ведь Вениамин же не был султаном!) женой. Она в процессе ультразвукового исследования обнаружила у (как выяснилось впоследствии) будущего супругов злокачественную опухоль, которая была своевременно удалена.

В четверг, возвращаясь домой из поликлиники на севере Москвы, ближе к центру, где работала Людмила Васильевна, супруга Вениамина, Джонни испытывал очень сложные и противоречивые чувства. С одной стороны, он поступил самым бессовестным и беспардонным образом, даже ничего не заплатив. С точки зрения любого нормального человека, он должен был, как минимум, *отблагодарить* доктора, положив денежку в конвертике. И дело даже не в том, что он со своей больной головой забыл дома конвертик (но, впрочем, не денежку)! Но, с другой стороны, возникает вопрос: а за что, собственно, благодарить?! Ведь он ехал через силу (в его состоянии) на другой конец города, чтобы узнать правду о состоянии своего здоровья, какой бы печальной она ни была. Да, кандидат медицинских наук на протяжении почти полутора часов (не считая нескольких минут на смену насадки для эхокардиографии) проводила с ним ультразвуковое исследование – сосуды, внутренние органы. Даже сама поликлиника там была не такая, в которую он ходил у себя в районе. Подобно тому, как есть магазины для людей разных сортов, сильно отличающиеся по качеству реализуемых там продуктов, он побывал в лечебном учреждении для людей, чьи жизни стоят дороже. Да, так устроен мир, увы. Даже доктора там были другие. Нет-нет, Джонни не хотел думать ничего плохого про врачей своей поликлиники. Они, несмотря на перегруженность, обычно доблестно исполняли свои профессиональные функции выписывания по льготным рецептам допотопных лекарств бабушкам. А иногда даже, как сполна испытали на себе сначала мама Джонни, а затем он сам, старались успокоить и морально поддержать пациента за объективным неимением возможности помочь ему по существу, т.е. вылечить.

Но что же он узнал?! Да, с одной стороны, у него обнаружили патологию даже в тех органах, о которых он обычно не думал, например, небольшие узлы щитовидной железы. Но с другой, ему было сказано: «У Вас, конечно, не всё идеально, но в целом не намного хуже, чем у среднестатистического мужчины Вашего возраста». Эту тенденцию Джонни заметил уже в процессе исследования, когда ему говорились вещи типа: «Ну, я сразу вижу, сердце у Вас нормально работает». Джонни понял смысл происходящего: Саша разместил социальный заказ «успокоить пациента», а врачаха его выполняла. Но больше всего его поразило следующее: по окончании он получил заключение на семи страницах. «Неужели она была так уверена, что я не захочу это повторить в другом месте и сравнить?!» – недоумевал он.

Потом Джонни говорил об этом с горькой иронией применительно к диаметрально противоположным заключениям относительно его больной печени, сделанным по результатам обследований, выполненных с интервалом в один день, с гастроэнтерологом из соседней поликлиники. Она была единственным (!) специалистом из этого лечебного учреждения, о ком в интернете был оставлен положительный отзыв при восьмидесяти семи (!) негативных о других врачах! И низкий поклон этой женщине, которая не стала говорить о том, как «старое оборудование» «в разных поликлиниках по-разному работает», а честно назвала основную причину: ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР!

Соответственно, в тот четверг практически всю дорогу домой Джонни писал Саше длинную смс, в которой говорил, по сути, следующее: «Я понимаю, мне нужно было поблагодарить Л.В. не только на словах. Но, с другой стороны, ты хотел, чтобы она меня успокоила, а я – узнать правду о своём здоровье. Ты получил свой результат, а я, увы, нет. Поэтому, надеюсь, ты сам отблаговаришь людей, которые тебе помогли».

В тот вечер, когда Саша позвонил, Джонни первым делом поинтересовался: «Ты не общался сегодня с Вениамином и Л.В.? Не говорил с ней про меня?» – «Она сказала, у тебя нет ничего особенного, в целом здоровье не хуже, чем у мужчин твоего возраста!» Джонни подумал язвительно про себя: «Ах, ну конечно, если сравнить с Женей, которому пару дней назад исполнился бы сорок один год, если бы он не умер в феврале, то да, здоровье у меня просто замечательное!» А вслух сказал: «А ничего, что я всё время живу, как на корабле?! Ты считаешь, это нормально, когда для мужчины сорока лет целое событие дойти до ближайшего магазина?» – «Ну может, это у тебя просто психосоматическое...»

Джонни только мысленно махнул рукой. Он не видел смысла дальше что-то доказывать очередному зомбированному индустрией обмана, даже если этот человек ещё вчера искренне стремился тебе помочь. Джонни только спросил напоследок: «Она (т.е. Л.В.) тебе что-нибудь ещё говорила тебе про меня? Скажи, пожалуйста, только честно?» – «Да. Она сказала, ты слишком озабочен своим здоровьем. Тебе нужно найти себе женщину, чтобы некогда было о болячках думать!»

Джонни даже не нашёлся, что сказать. Ему почему-то вспомнилось только, как чуть более недели назад, когда ему было совсем плохо и он всерьёз был обеспокоен состоянием своего мозгового кровообращения, две тётки со скорой помощи сказали ему: «У Вас нет Инсульта (именно так, с ударением на первом слоге). Вам просто нужно найти себе женщину, которая наведёт порядок в Вашем доме и в Вашей голове».

В тот четверг Джонни был так обеспокоен своими проблемами со здоровьем, что даже поленился написать Леночке смс. Всё равно ей, наверное, на это наплевать, – подумал он. Но, как оказалось, не совсем. Или так, по крайней мере, она делала вид. На следующий день утром от неё пришло сообщение: «Хоть бы на словах поздравил с днём рождения! ((« Джонни прекрасно понимал: теперь их общение прекратится навсегда. А потому не сдерживался в своём ответном послании, и написал: «Рано или поздно, люди дарят тебе подарки, как ты даришь им, и поздравляют так же, как ты их поздравляешь!»

Джонни было тяжело прекращать контакты с Леночкой, но деваться было некуда: ни он уже ничем не сможет ей помочь, ни она для него уже ничего хорошего не сделает. Зато история о ней и его знания о людях, таких, как она, могут помочь другим не брать с них пример. Поскольку в противном случае, когда кругом царят зло и обман, людям тяжело сберечь даже самое дорогое, что у них есть – жизнь. Так как в такой ситуации даже от тех, кто призван заботиться о твоём здоровье, трудно добиться правды.

Эпилог

Даже прекратив окончательно общение с Леночкой, Джонни не раз вспоминал о ней. Интересно, как там она? – думал он. Но выяснить это у него никакой возможности не было. Однажды необычно тёплым зимним вечером, почти под Новый год, Джонни услышал знакомую мелодию, доносившуюся с улицы:

А помнишь наш вечер и белый снег
Ложился на плечи тебе и мне,
Шёл первый, тёплый снег декабря,
Тогда я не знал, какая ты дрянь.

Джонни сразу вспомнилось, как Леночка во время их совместной поездки в Израиль слушала эту песню, которая показалась ему тогда очень символичной применительно к ней. Джонни не выдержал, и в очередной раз ввёл в поисковике её фамилию, имя и отчество. Он даже не знал, зачем, ведь он и прежде не раз делал это безрезультатно. Видимо, подобно прочим «успешным» психопатам, она была достаточно осторожна, а потому у неё успешно получалось «шифроваться», не афишируя свои данные ни на работе, ни ещё где бы то ни было.

Однако на этот раз Джонни был шокирован результатами поиска. Ссылка из поисковика вела на женский форум, где одна из участниц писала о Леночке, как неспособной трудиться на работе никак иначе, кроме как ртом и пи***й. Остальное, мол, для неё слишком скучно, а потому служебные обязанности за неё вынуждены выполнять другие. По словам женщины, Леночка спит с богатыми чужими мужьями, презрительно отзываясь при этом о внешности их жён. Участница форума также характеризовала Леночку как чёрствую, лживую и бессовестную, прекрасно умеющую манипулировать людьми и очень хорошо умеющую располагать к себе. Своё сообщение женщина заключала призывом держаться подальше от таких людей.

Джонни сразу же захотелось больше узнать об этой участнице форума, а также мотивах, побудивших её написать такой отзыв. И как ведь не боится писать такие вещи! – подумал он. Но тут его ждало разочарование. В том разделе форума, посвящённом выяснению личных отношений, можно было размещать анонимные сообщения, и посвящённое Леночке относилось именно к этой категории.

Тем временем с улицы доносилось (видимо, кто-то открыл дверь машины, и музыка снова стала громче):

...А снег на земле превращался в грязь.
Скользит по клиентам туманный взгляд
И дым сигарет источает яд.

Ну что ж, оставайся, а я пойду,
Мне не отвести от тебя беду.

Конечно, Джонни было очень жаль, что не получится больше узнать о женщине, оставившей сообщение на форуме и тем более пообщаться с ней. Тем не менее, само по себе её сообщение уже говорило о многом: Леночке, такой осторожной в своих злодеяниях и не верящей в «принцип бумеранга», тоже прилетело! Джонни находил даже время и дату, когда было оставлено сообщение, символическими: в 12 часов ночи, в пятницу 13 декабря 13 года!

Конечно, Леночке по причине психопатии, наверное, в принципе очень трудно было бы себя вести как-то иначе. Однако её пример может послужить назиданием многим другим, «нормальным» женщинам, которые, стараясь идти в ногу с гнилой модой эпохи нарциссизма, также пытаются поступать подобным образом.

Больше сообщений в интернете о Леночке Джонни не видел, да и не искал особо. И, несмотря на интерес к её судьбе, не надеялся ещё когда-либо пообщаться с ней. Но однажды, ровно через тринадцать месяцев после того как они прекратили общаться, у него зазвонил домашний телефон. Молодой, удивительно приятный женский голос интересовался: «ты меня узнал?» Наверное, если бы позвонил кто-то другой, Джонни разозлился бы на то, зачем девица, которая, очевидно, ошиблась номером, играет с ним в эти глупые игры. Или просто «бросил» бы трубку. Но этот голос был таким милым и почему-то казался очень знакомым. Наконец, когда Джонни «сдался», приятная девушка назвалась: «это Лена». Тогда Джонни принялся настаивать: «Какая? Это популярное имя!» Потом попытался неудачно пошутить: «Может, у меня бывшую жену тоже звали Лена!» Его собеседница усмехнулась и сказала: «Нет, я не твоя жена и даже не бывшая, но ТЫ МЕНЯ ХОРОШО ЗНАЕШЬ!» На последних словах она сделала особенный акцент. Джонни даже вздрогнул, когда неожиданно понял: это ОНА! А в трубку смог промычать только: «Ааа...»

Тем временем, Леночка продолжала: «Я много думала о тебе! Ты мне даже снился не раз...» При этих её словах Джонни подумал про себя: «Интересно, к чему эта ложь?» А, Леночка, словно опомнившись, сказала: «К сожалению, я долго говорить не могу. Не думаю, что мы с тобой будем ещё общаться. Но я тебе звоню, потому что хотела перед тобой извиниться». Потом пояснила: «Мне кажется, я тебя обидела». Затем уточнила: «Просто я думаю, ты так считаешь, я тебя обидела. На самом деле, конечно, между нами ничего не было, поэтому я не была обязана... Всё то небольшое, что ты делал для меня, ты делал исключительно по своей собственной инициативе. Но всё равно, раз ты считаешь, что я тебя обидела, я хотела перед тобой извиниться». Потом, словно отвечая на немой вопрос Джонни «зачем?», Леночка продолжила: «Я делаю это не ради тебя, а для себя...» Словно поражённый откровенностью такого признания, Джонни усмехнулся: «Я догадываюсь...» То ли недовольная циничностью последнего комментария, то ли просто желая завершить разговор, Леночка сказала: «Что ж, как я уже говорила, к сожалению, я долго говорить не могу. Но я была очень рада тебя слышать, твой такой бодрый голос... Просто раньше ты всё время говорил, что помираешь... Надеюсь, у тебя всё будет хорошо, кто будет рядом с тобой, не будет тебя обижать, и ты будешь счастлив. Пока». Джонни ответил: «счастливо» и положил трубку.

Этот последний в их жизни разговор между ними произвёл на Джонни не просто сильное и неизгладимое, но и необычное впечатление. Он вдруг остро почувствовал, как ему *жаль* Леночку. Но не в том презрительном смысле, как это обычно имела в виду она в своих разговорах с ним, а в самом тёплом, душевном, сострадательном понимании этого слова. Ведь он, в отличие от неё, был способен на такие настоящие чувства!

Очевидно, раз Леночка позвонила ему, у неё возникли достаточно серьёзные проблемы – в противном случае, зачем было так утруждать себя, сочинять, как ей снится Джонни и всё такое?! Разумеется, спрашивать её о конкретном характере сложностей было глупо и неуместно, т.к. правды она всё равно не скажет. Возможно, опять не поладила со своим «любимым» или каким-нибудь другим хахалем, а может, заболела чем. Джонни только очень надеялся, ничего серьёзного. Ведь он на самом деле не желал Леночке зла и не хотел сделать плохо – только чтобы она получила по заслугам за все неприятности, принесённые ею в жизни людей, веривших ей, дабы у других не было соблазна ей подражать. Джонни сразу вспомнил начало 2011 года. Тогда Леночка в очередной раз поругалась со своим «бывшим», и к тому же у неё начались гинекологические проблемы. Джонни мог понять, как это плохо, когда у тебя болит не просто важная часть тела, но такая, которой ты зарабатываешь себе на жизнь. Например, у него самого было с головой не в порядке, а у Леночки – с «женским здоровьем». Неудивительно, что тогда Леночка вспомнила про мужчину, которого обидела полгода назад – сначала играла на его чувствах, а затем использовала и унижала. Принялась сразу писать ему вежливым тоном, чуть ли не просить прощения, словно пытаясь тем самым умиловить некие высшие силы, которые её наказали. Только каков смысл всего этого, когда в действительности-то мир работал гораздо проще?! Если накосячила с людьми – они сами и накажут тебя, или те, кому дороги их интересы, в крайнем случае, даже совсем чужие из чувства справедливости. А если заболела, остаётся только надеяться, что люди, которым ты доверяешь своё здоровье, не поступят с тобой так, как ты с людьми, доверившимися тебе. Но Леночке, к сожалению, уже не суждено было этого понять. Поэтому Джонни оставалось только искренне её пожалеть. Что же касается остальных, то он хотел помочь им извлечь для себя важные уроки из её и подобных историй, пока ещё не поздно. Это сделает их добрее к людям, и тогда, возможно, жизнь станет добрее к ним.